Н. И. Чухмалин

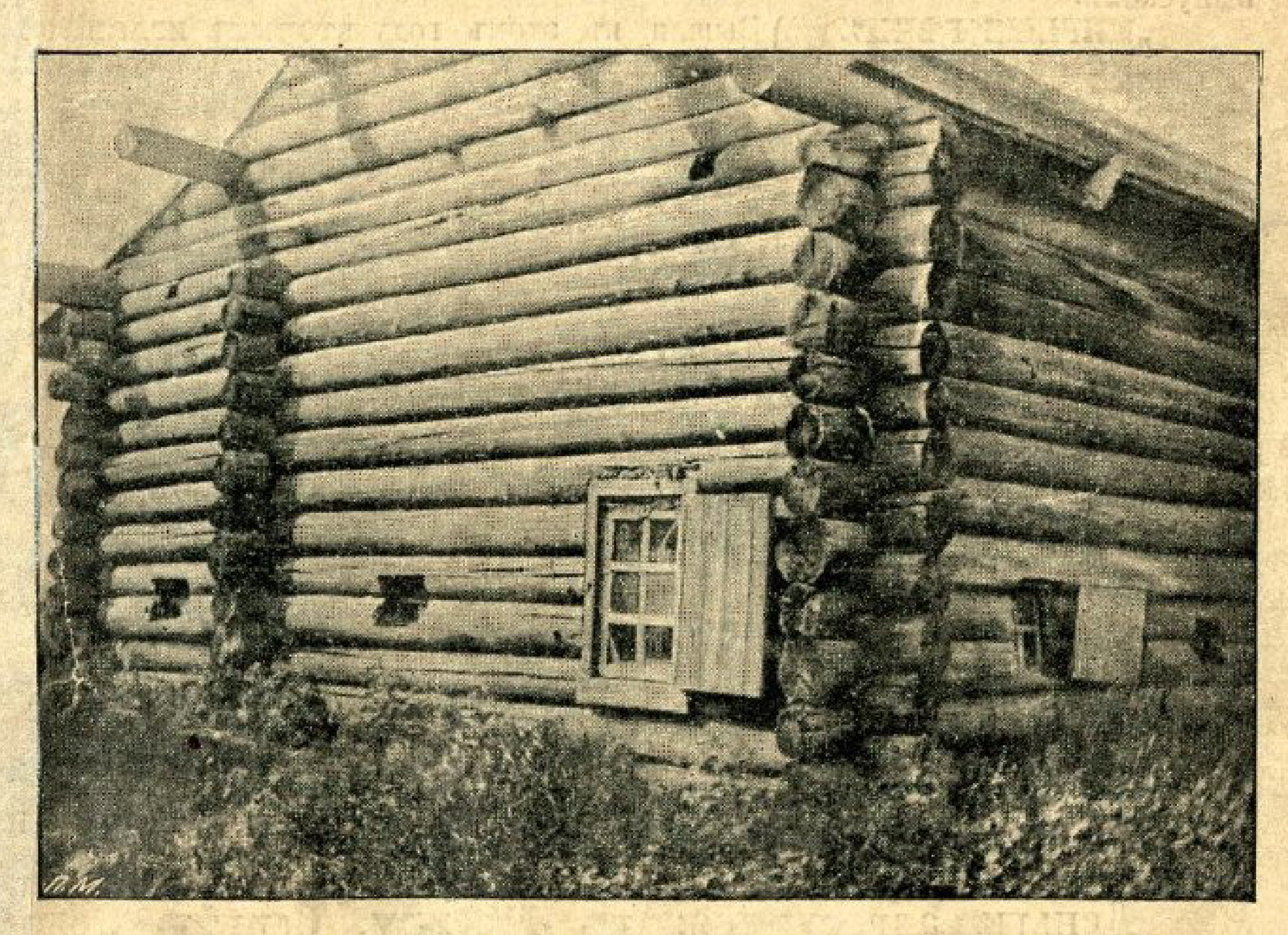
Заметки о моей жизни

Н. М. Чукмалдинъ.

Записки о моей жизни.

Посмертное изданіе по рукописи, во второй части начерно отдѣланной авторомъ. Прередактировано, снабжено вступительной статьей и издано

Сергѣемъ Шараповымъ.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°. Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Н. М. Чукмалдинъ.

Записки о моей жизни.

Посмертное изданіе по рукописи во второй части начерно отдѣланной авторомъ. Проредактировано и снабжено вступительной статьей

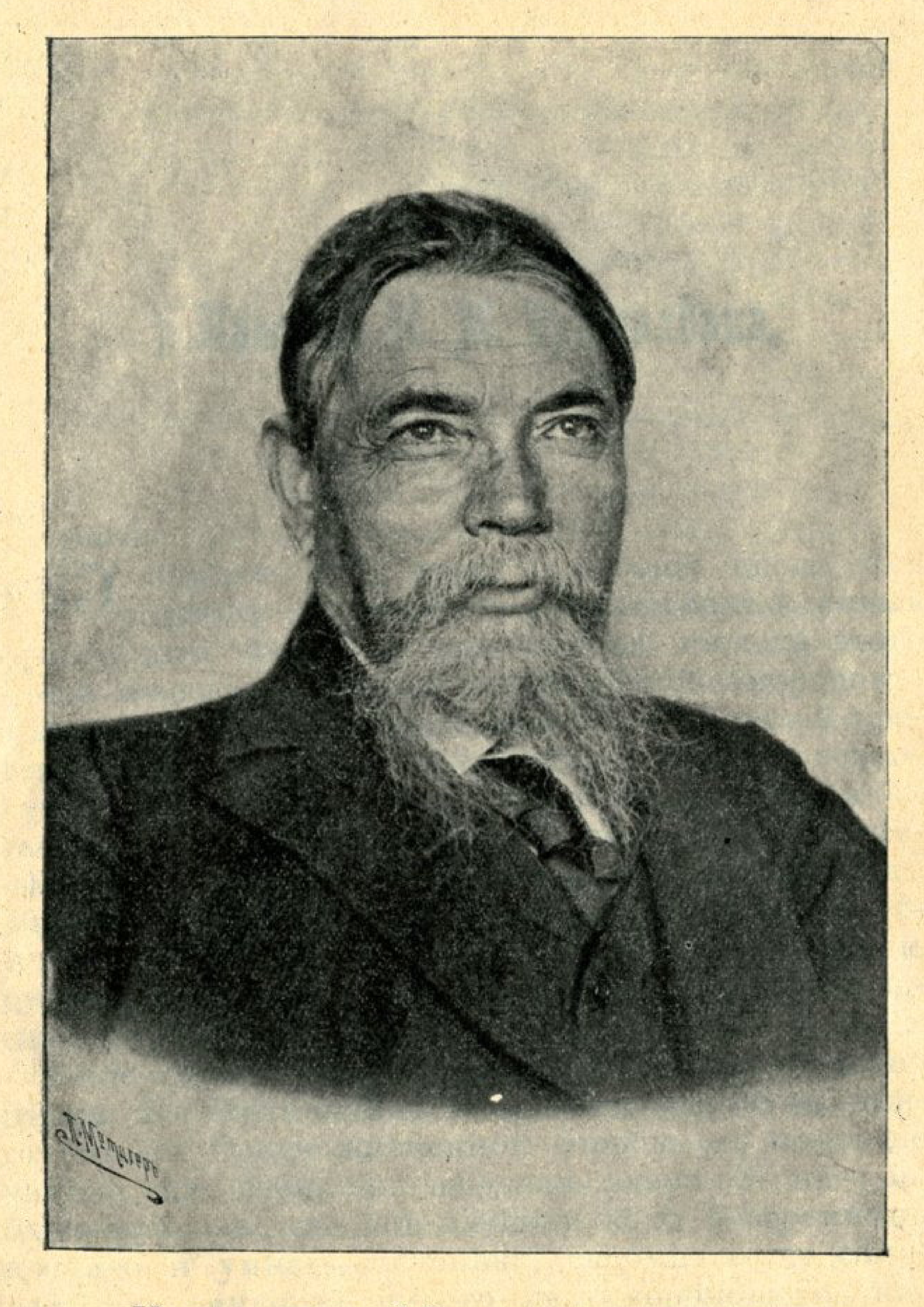
Сергѣемъ Шараповымъ.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

Рисунки дозволены цензурою.

Николай Мартемьяновичъ

Чукмалдинъ.

(† 15 апрѣля, 1901 г., въ Берлинѣ.)

† Памяти Н. М. Чукмалдина.

15 апрѣля 1901 года скончался вдали отъ родины, въ одной изъ Берлинскихъ клиникъ прекрасный человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова и весьма замѣчательный русскій самородокъ, *Николай Мартемьяновичъ Чукмалдинъ*, сибирскій крестьянскій мальчикъ, обратившійся въ Московскаго купца-милліонера, создавшій себѣ положеніе и богатство кристально-чистымъ путемъ, никому ничѣмъ не обязанный и всю жизнь работавшій подъ давленіемъ одной преобладающей мысли: облагодѣтельствовать, просвѣтить и поднять свою родную деревню—Кулакову, сдѣлать добро своему родному городу—Тюмени.

Такіе типы въ ихъ чистомъ видѣ сравнительно рѣдки. Но Чукмалдинъ въ своемъ родѣ былъ единственный. Среди жизненной борьбы его почти не задѣла ни своя, ни людская злоба. У него не было враговъ, его всѣ любили, какъ безгранично добраго и умнаго человѣка, скромнаго до самозабвенія, никогда никого не оскорбившаго, никогда никому не отказавшаго въ помощи и нравственной поддержкѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова праведникъ, хотя и безъ малѣйшаго оттѣнка ханжества. Онъ дѣлалъ добро какъ-бы шутя, его помощь была нравственно легка, потому что всегда

умно направлялась, спокойно, по-братски, съ улыбкой, оказывалась, и главное, оказывалась дѣловымъ образомъ, безъ всякой слащавой сантиментальности. Отъ этого каждый данный имъ рубль поднималъ человѣка на ноги и шелъ въ дѣло...

Чукмалдинъ, занимаясь всю жизнь торговлей, былъ идеалистъ до корня волосъ и истинный поэтъ. Идеалистомъ и поэтомъ былъ онъ не только въ своихъ писаніяхъ, благотворительныхъ дѣлахъ и мечтаніяхъ, но и въ торговлѣ. Онъ такъ твердо вѣровалъ въ торжество правды и добра, что пускался въ самые смѣлые, самые рискованные торговые планы, основанные на „добрѣ", и всегда выходилъ побѣдителемъ, т.-е. получалъ огромную прибыль. Это можетъ показаться парадоксомъ, но прочтите записки Чукмалдина, гдѣ описана его жизнь и торговые пріемы, и вы будете поражены трезвою правдою и простотою его торговой логики. „Выигрываетъ и богатѣетъ въ торговлѣ только тотъ, кто оказываетъ услугу обществу. Наивыгоднѣйшій товаръ — довѣріе, а довѣріе дается только безупречной честности и торговому безкорыстію. Богатѣетъ только изобрѣтатель, піонеръ новаго общеполезнаго дѣла. Все то, что добыто неправедно, посредствомъ обмана, своекорыстія и зла, носитъ въ самомъ себѣ смерть. Жизненно и прочно одно добро".

И вотъ, съ такою философіею Чукмалдинъ вноситъ рядъ реформъ въ торговлю чаемъ и шерстью (двѣ его спеціальности). Открываетъ новую отрасль чайнаго дѣла, устанавливаетъ новый товаръ на рынкѣ и среди всеобщаго кризиса наживаетъ сотни тысячъ. Устраиваетъ валяльную фабрику, даетъ высокой доброты товаръ для войскъ и одерживаетъ побѣду, одолѣвая жадныхъ подрядчиковъ и заставляя измѣнить установившійся распорядокъ поставки. Части войскъ обращаются къ Чукмалдину непосредственно—и опять сотни тысячъ заработка, оплачивающаго только смѣлую иниціативу честности.

Къ сожалѣнію, не все успѣлъ разсказать Н. М. Чукмалдинъ въ своихъ запискахъ и сжатѣе всего ихъ конецъ, гдѣ именно и должны-бы быть изложены его торговыя реформы en grand, хотя-бы съ кирпичнымъ чаемъ и поставками войлоковъ въ войска. Но все предъидущее разсказано авторомъ достаточно подробно, вполнѣ ясно и просто, съ необходимыми цифровыми данными. Первая половина „Воспоминаній“ была напечатана въ приложеніи къ Русскому Труду“ за 1899 годъ, вторая была Николаемъ Мартемьяновичемъ совершенно закончена и приготовлена къ печати и должна была появиться въ началѣ 1900 года. Но „Русскій Трудъ“ погибъ и потому приходилось издавать книгу отдѣльно. Откладывая день за день, вслѣдствіе множества другихъ работъ, я такъ и не успѣлъ издать при его жизни эту вторую половину „Воспоминаній“, обнимающихъ дѣятельность автора, уже взрослаго и самостоятельнаго человѣка. Теперь это мой долгъ передъ почившимъ другомъ, и я, хоть и поздно, но рѣшилъ его выполнить.

До самой старости (Николай Мартемьяновичъ умеръ 64 лѣтъ) Чукмалдинъ сохранилъ огромную рабочую способность и всѣ силы духа. Это былъ труженикъ, какихъ мало. Окруженный небольшимъ персоналомъ конторы, щедро оплаченнымъ, товарищески обласканнымъ и хозяину беззавѣтно преданнымъ (вотъ гдѣ сказались разговоры съ К. Высоцкимъ, великимъ гуманистомъ, заброшеннымъ въ Тюмень судьбою!), Чукмалдинъ зиму работалъ въ Москвѣ, ярмарочный сезонъ въ Нижнемъ, раннею-же весной или послѣ ярмарки отправлялся въ путешествіе, длившееся иногда по два и по три мѣсяца. Гдѣ только не побывалъ покойный! Онъ объѣхалъ Россію, изучая ея историческіе города и древности, Западную Европу, Палестину и Египетъ. Каждое путешествіе имъ записывалось и печаталось въ какой-нибудь скромной провинціальной газетѣ, а затѣмъ, выходило

отдѣльной книжкой. Въ большой печати на эти статьи и книжки не обращали, конечно, вниманія, но эти безхитростные разсказы очень цѣнны. Тонкая наблюдательность, сжатость и точность и особая, скажу такъ, *крестьянская* точка зрѣнія автора придаютъ имъ своеобразную прелесть. Чукмалдинъ не обобщаетъ, не философствуетъ, онъ только описываетъ, но мимовольно передъ вами обрисовывается весь этотъ прекрасный человѣкъ, который смотритъ на міръ, свой и чужой, съ радостнымъ довѣріемъ и любитъ его всей своей христіанской душей. Лучше всего путешествія Чукмалдина въ Египетъ и Палестину.

Другою страстью Николая Мартемьяновича было пріобрѣтеніе древнихъ и цѣнныхъ славянскихъ книгъ и пергаментовъ. Какъ ликовалъ онъ, заполучивъ великолѣпный подлинный экземпляръ „Апостола“ знаменитаго рускаго первопечатника Ивана Ѳедорова, или Острожскую Библію! Все это предназначалось въ Тюмень, въ музей, который, по мысли основателя, долженъ былъ имѣть лучшіе экземпляры древнихъ изданій, чѣмъ Императорская Публичная Библіотека. Этотъ музей послѣ долгой канцелярской волокиты наконецъ осуществился.

Больше всего любилъ Чукмалдинъ свою родную деревню. Это была поистинѣ трогательная привязанность. Онъ сознавалъ ея невѣжество, ея бѣдность и приниженность, и мечтою его жизни было поднять свое родное гнѣздо и метеріально и духовно. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ пріобрѣлъ среди этого селенія большой участокъ земли и построилъ сельскохозяйственную школу съ фермою и опытнымъ полемъ, навсегда обезпечивъ ихъ существованіе. Затѣмъ сталъ строить большой каменный храмъ, который и былъ законченъ весною 1901 года. Освященіе этого храма предполагалось на Николинъ день, 9 мая, въ день ангела покойнаго. Торжество это и состоялось, но въ этотъ-же день и въ этомъ-же храмѣ былъ испол-

ненъ и другой, уже тяжелый долгъ: предали землѣ тѣло Николая Мартемьяновича. Онъ умеръ отъ рака кишекъ 15 апрѣля въ Берлинѣ, куда отправился дѣлать операцію.

По просьбѣ родныхъ, протоіерей А. Мальцевъ, напутствовавшій и отпѣвавшій Н. М. Чукмалдина, прислалъ мнѣ сказанное имъ въ Берлинской русской братской церкви слово надъ его гробомъ, которое я и помѣщаю здѣсь полностью.

Христосъ Воскресе!

Пришлецъ есмь азъ, Господи, на земли Твоей, и дни мои не дни-ли наемника?

Съ далекой отчизны восточной ты пришелъ, почившій рабъ Божій Николай, сюда на Западъ, на чужбину, чтобы найти здѣсь облегченіе отъ твоего тяжкаго недуга, и не обрѣлъ того, чего искалъ, чего жаждала еще душа твоя, чего хотѣли и о чемъ молили твои дорогіе — жена, дѣти и сродники! На Востокѣ начался восходъ твоей жизни и на Западѣ наступилъ ея закатъ! И то, чего не дали тебѣ врачи земные, далъ тебѣ нынѣ Господь, небесный Врачъ, принялъ тебя въ вѣчный *безболѣзненный* покой, предварительно предъуготовивъ тебя принятіемъ св. Таинъ и предсмертными молитвами матери-Церкви! 64-й Пасхѣ въ твоей жизни суждено было быть *послѣднею*, которую ты праздновалъ съ нами, вступивъ нынѣ въ вѣчную Пасху, въ невечерніе дни Царствія Божія! Знаменательна была твоя христіанская *кончина*, но еще болѣе поучительна была твоя *жизнь*, исполненная непрерывнаго труда, несокрушимой энергіи, тонкой наблюдательности, разумной попечительности о благѣ ближняго, о его духовномъ просвѣщеніи, матеріальномъ и образовательномъ подъемѣ, въ связи съ твоимъ собственнымъ высокимъ просвѣщеніемъ, достигнутымъ лично самимъ собою, твоимъ собственнымъ развитіемъ не скудно данныхъ тебѣ Богомъ талантовъ! Такіе самородки, выходящіе прямо изъ народа, изъ деревни, отъ сохи и домашняго деревенскаго промысла, составляющіе себѣ независимое положеніе, пріобрѣтающіе всеобщій почетъ и уваженіе и въ то-же время сохраняющіе въ своемъ сердцѣ горячую любовь къ родному краю и неусыпающую о немъ заботу, становятся нынѣ все рѣже и рѣже! Ты былъ представителемъ этого простаго, славнаго патріархальнаго періода; былъ *послушнымъ* сыномъ

своихъ родителей, крѣпкимъ помощникомъ ихъ съ самаго твоего дѣтства, надежною опорою ихъ старости. И не даромъ почило надъ тобою ихъ великое, родительское благословеніе. Все у васъ въ семьѣ дѣлалось съ молитвою, съ благословеніемъ Божіимъ, по любви и согласію, по семейному совѣту старшихъ. И вотъ, въ твоей жизни оправдалось надъ тобой произволеніе Божіе—послужить *этой средѣ*, быть ей полезнымъ, просвѣтить ее и *устроить!* Явилась *школа*, тобою созданная, мастерскія и образцовыя поля, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, создался наконецъ *великолѣпный храмъ*. И на все это хватало у тебя и времени, и умѣнья, и средствъ! Ты мечталъ быть 9-го мая на освященіи созданнаго тобою храма въ честь тезоименитаго тебѣ святителя и чудотворца Николая и просилъ меня убѣдить владыку Тобольскаго *непремѣнно* прибыть на освященіе храма, хотя тебя (быть-можетъ, это было твое предчувствіе) и не будетъ! „Это очень важно", говорилъ ты мнѣ, и я писалъ владыкѣ, „для населенія"! Но, если тебя и не будетъ теперь на семъ торжествѣ—тѣлеснымъ и виднымъ образомъ, все-же душа твоя, проникнувъ съ высоты небесъ, будетъ радоваться радостью великою, и ты не лишенъ будешь награды, обѣщанной по молитвѣ Церкви, создателямъ храма,—а именно *прощенія грѣховъ*, равно и вѣчныхъ молитвъ о создателяхъ святыхъ Божіихъ церквей! Твой духъ будетъ раздѣлять радость сію и твой *духовный духъ* будетъ предъ глазами и въ душахъ всѣхъ, знавшихъ тебя! Хотя ты и умеръ, но будешь жить въ *дѣлахъ* твоихъ, кои останутся изъ рода въ родъ!... Все твое знаніе и умѣніе, всю твою опытность, обогащенную разумными путешествіями въ Палестину и Египетъ, страны Сѣвера и Запада, ты вложилъ въ свое дѣло, примѣнивъ къ жизни, подѣлившись вынесенными тобою впечатлѣніями и знаніями со свѣтомъ путемъ печати въ видѣ „Путевыхъ очерковъ" и „Воспоминаній". „Когда-нибудь, если позволитъ время и здоровье", заключилъ ты ихъ въ 1899 году, „я разскажу съ такой-же откровенностью и мою *дальнѣйшую* жизнь—взрослаго сложившагося человѣка". Можетъ-быть, это уже и сдѣлано тобою... Люди труда, какъ ты, обыкновенно мало имѣютъ времени подводить итоги сдѣланному! И вотъ, елей твоей жизни мало-по-малу догаралъ, позаботиться-же о восполненіи его, о своевременномъ подкрѣпленіи силъ твоихъ не было времени! Спѣлый колосъ или плодъ не держится на стеблѣ,—души, созрѣвшія для житницъ небесныхъ, не остаются на землѣ и, послушныя голосу небеснаго Сѣятеля—Христа, идутъ въ другой міръ, чтобы почить отъ трудовъ своихъ. Жизнь человѣка подобно свѣчѣ, которая и свѣтитъ для другихъ окружающихъ, но сама сгораетъ и, если она горитъ яркимъ и полнымъ пламенемъ, её хватаетъ на меньшій срокъ, чѣмъ если-бы она

горѣла слабо и въ тиши! Итакъ, видно—угодна была душа твоя Господу, братъ нашъ Николай! Видно, все, положенное тебѣ, какъ дѣлателю въ виноградникѣ Божіемъ, совершено тобою, и тебѣ, какъ рабу потрудившемуся, нынѣ данъ покой Тѣмъ, Кто сказалъ: *пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы. Благій рабъ и вѣрный, вниди въ радость Господа твоего!*

Не печальтесь-же, дорогія супруга и сестра, о потерѣ тяжкой и невознаградимой для васъ! Найдите утѣшеніе въ его глубокой вѣрѣ, въ совершенныхъ имъ дѣлахъ, въ томъ, что и вы сдѣлали съ своей стороны все, что было въ вашихъ силахъ! Вы ежедневно молитесь Отцу Небесному: да будетъ *Твоя,* а не наша воля! Покажите-же нынѣ эту преданность въ сей часъ испытанія, и Господь найдетъ средство къ уврачеванію скорби вашей! *Возверзите на Него печаль свою и Той препитаетъ васъ!*

Отнынѣ, возлюбленный братъ Николай, солнце не будетъ тебѣ свѣтить днемъ и луна нощію, но за то теперь твоимъ вѣчнымъ солнцемъ, освѣщающимъ и согрѣвающимъ тебя, сталъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Аминь.

Помѣщаю послѣдній портретъ Николая Мартемьяновича, снятый его дочерью и чрезвычайно схожій, а также снятый самимъ Николаемъ Мартемьяновичемъ портретъ старушки его матери, умершей въ 1894 году на 80-мъ году жизни, и видъ выстроеннаго имъ въ дер. Кулаковой храма.

Отъ воспоминаній Н. М. Чукмалдина вѣетъ совсѣмъ инымъ воздухомъ, чѣмъ отъ многихъ произведеній нашей современной литературы. Этотъ безхитростный и теплый разсказъ переставнавливаетъ совершенно наши „культурныя“ понятія. Уже при чтеніи первой главы невольная улыбка читателя надъ эти „азами“ и „буками“, „словотитлами“ и чтеніемъ „по верхамъ“ смѣняется нѣкоторымъ конфузомъ. Да полно, культурнѣе-ли наше-то усовершенствованное преподаваніе? Культурнѣе-ли и сама наша нынѣшняя школа, земская, или церковно-приходская, все равно,—чѣмъ эта домашняя школа бѣглаго солдата и раскольничьяго начетчика? Выше-ли стоитъ и самая наша сельская жизнь въ ея новыхъ формаціяхъ? Сви-

дѣтельство Н. М. Чукмалдина, *православнаго* и сына православныхъ родителей, здѣсь очень цѣнно. Вѣдь независимо отъ того, что дѣдъ Скрыпа—филипповецъ-безпоповецъ, онъ, какъ учитель, не разбираетъ дѣтей своего согласія отъ чужихъ, служитъ одинаково всѣмъ. Ученье здѣсь, какъ въ древней Руси—подвигъ, богоугодное дѣло.

А какъ это ученье было обставлено! Азбуку надо было „писать", Псалтирь покупать за пять рублей... Н. М. Чукмалдинъ упоминаетъ, что азбуку его учитель писалъ „по растрѣ". Знаете, что это такое? На гладкой доскѣ натягивались параллельныя ниточки. Сверху клалась бумага и по ней проводилось чѣмъ-нибудь гладкимъ. Получался глянцевитый слѣдъ линеекъ. Карандашъ и бумага были роскошью. Но это не служило тормозомъ просвѣщенію...

Когда я въ первый разъ печаталъ этотъ удивительный „человѣческій документъ", мнѣ прямо стало жутко: по азамъ да по хѣрамъ, а вся азбука усвоена въ *одинъ день*!.. Азбуку *пѣли*! Не лежало-ли тамъ какой-нибудь особой методики, болѣе согласованной съ душевными свойствами русскаго ребенка, чѣмъ наши всякіе звуковые и иные методы? Не мертвечина-ли *здѣсь* и не яркая-ли жизнь *тамъ*, гдѣ каждая буква есть своего рода священная *личность*, гдѣ учится не только умъ, но и *сердце*, гдѣ усвоеніе облегчается *пѣніемъ* и все вмѣстѣ такъ захватываетъ душу, что мальчикъ бѣжитъ домой въ экстазѣ, въ весхищеніи? До этого экстаза способна-ли довести наша современная школа?

Затѣмъ останавливаетъ вниманіе читателя весь строй жизни обитателей Кулаковой. Церковь далеко, священникъ пріѣзжаетъ рѣдко и представляется совсѣмъ чужимъ человѣкомъ. Просвѣтителями и духовными вожаками являются спорящіе между собою сектанты-безпоповцы Скрыпа и Якуня, но ихъ споры идутъ въ интимномъ кружкѣ. Для массы — раскольничьей и православной, безразлично—чтеніе священныхъ книгъ, житій святыхъ,

нравственныя бесѣды, обученіе дѣтей, рѣшеніе споровъ, словомъ, живое культурное воздѣйствіе на чистой христіанской почвѣ. Забытый церковнымъ и гражданскимъ начальствомъ уголокъ Русской Земли держитъ свой духовный, русскій и христіанскій строй высоко и ждетъ высшихъ даровъ культуры. Это въ маленькомъ отраженіи нашъ XVII вѣкъ.

И вотъ, эти дары приходятъ. Но увы! Цивилизація идетъ чужая, не изъ народной почвы выросшая, съ русской исторіей связь порвавшая, отъ родныхъ завѣтовъ отвернувшаяся. Кулакова втягивается въ общее русло *новой* русской жизни... Патріархальный періодъ окончился.

Лучше-ли стало? Пусть объ этомъ разскажетъ читателю самъ авторъ, который ушелъ изъ своей деревни, составилъ независимое состояніе, но до самой кончины своей сохранилъ въ сердцѣ горячую любовь къ родному углу и дѣлалъ для него, что могъ. Пусть-же онъ будетъ живымъ свидѣтелемъ, что сдѣлала новѣйшая цивилизація изъ Кулакова и что за воззрѣнія и нравы тамъ воцарились.

Да не подумаетъ читатель, что мы стоимъ за XVII вѣкъ, за эту исключительность и ревнивость въ обереганіи старины, за застой. Нѣтъ! Разсказъ Н. М. Чукмалдина рисуетъ какой-то подготовительный періодъ — періодъ *ожиданія*, періодъ сосредоточенія народныхъ силъ и народнаго духа въ себѣ самомъ. Все это сильное, здоровое, вѣрующее, нравственное, мягкое и доброе населеніе при иныхъ условіяхъ могло дать неслыханный и оригинальный культурный расцвѣтъ. Могло... да ничего изъ этого не вышло! На дрожжахъ петербургскаго періода русской исторіи, когда эти дрожжи были брошены, взошла опара... ее мѣсятъ, пекутъ, но хлѣба упорно не выходитъ...

Изъ родной деревни авторъ переноситъ насъ въ уѣздный городъ и съ тою-же теплой простотой и безъискуственностью рисуетъ свою юность въ

домѣ богатаго родственника, кожевеннаго фабриканта. И здѣсь наши ходячія понятія о купеческой средѣ, о „темномъ царствѣ“ значительно переставливаются. Да полно такіе-ли ужь были самодуры и кулаки эти вышедшіе изъ крестьянъ капиталисты, какъ ихъ намъ рисовали? Это были просто дѣловые люди, но по-своему и честные, и отзывчивые, хотя немного и грубоватые. Такъ вѣдь вспомнимъ только, что̀ надъ ними тяготѣло сверху цѣлыхъ двѣсти лѣтъ! Разсказъ Н. М. Чукмалдина— большой важности культурный документъ. Бытъ захолустнаго города полъ-вѣка назадъ отражается въ немъ очень полно... и снова возникаетъ жестокій, поистинѣ, вопросъ: лучше-ли стало? Наша цивилизація ворвавшаяся съ паромъ и электричествомъ, банками и биржами, газетами и кафешантанами, и все кверху ногами въ Россіи перевернувшая,—къ лучшему-ли измѣнила она этотъ цѣльный и крѣпкій народный бытъ?

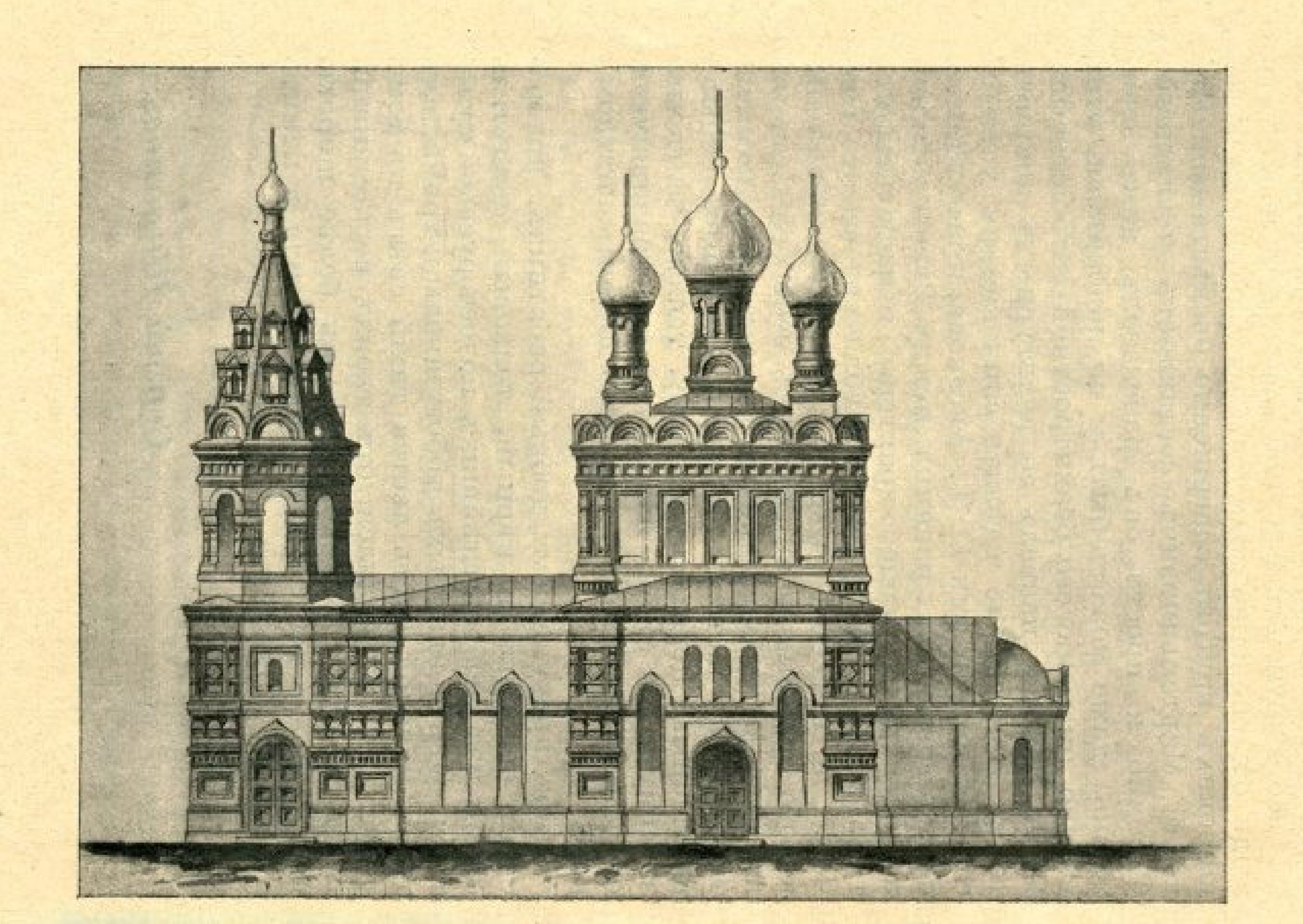
Тяжелые вопросы и тяжело ихъ рѣшать...

Вторая половина воспоминаній Н. М. Чукмалдина рисуетъ уже намъ окрѣпшаго, взрослаго человѣка, своимъ неустаннымъ трудомъ и смѣткою вышедшаго въ люди. Читатель видитъ, какъ добрыя традиціи честной и трудолюбивой семьи столкнулись въ одной и той-же душѣ съ вліяніемъ благороднаго и гуманнаго въ лучшемъ смыслѣ слова человѣка, неудачника-идеалиста, и что̀ изъ этого получилось. Умный и дѣльный купецъ остался купцомъ, но какъ облагородилась въ его рукахъ торговля, какъ тотчасъ-же явилось стремленіе не къ голой наживѣ ради наживы, а къ сознательному пріумноженію своихъ капиталовъ ради возможности властно и широко дѣлать добро своему родному углу. Чукмалдинъ торговалъ и наживалъ деньги словно не для себя, а по чьему-то порученію, или довѣренности. Онъ отдавалъ какой-то великій долгъ своей Землѣ, которая его обогащала, щедро платя за находчивость и честную энергію. Такіе дѣльцы и вмѣстѣ съ тѣмъ праведники въ

нашей русской жизни встрѣчаются и вліяніе ихъ на все окружающее самое благотворное. Но эти люди обыкновенно живутъ и умираютъ для болѣе широкихъ круговъ совершенно безвѣстными. Николай Мартемьяновичъ составляетъ исключеніе. Скромно и просто онъ разсказалъ намъ свою жизнь, даже можетъ-быть и не подозрѣвая, какъ велико значеніе его безхитростной автобіографіи. Я не даромъ назвалъ ее культурнымъ документомъ. Попробуйте сдѣлать сличеніе, ну хотя-бы съ воспоминаніями С. Т. Аксакова, и вы увидите, какая громадная разница между Русью верхней и подспудной, какіе характеры вырабатывались тамъ и здѣсь. Я не буду углубляться въ это сличеніе, но я твердо увѣренъ, что, не возбудя никакого особеннаго вниманія къ себѣ сейчасъ, записки Н. М. Чукмалдина будутъ читаться и комментироваться нашими внуками, которые, отбывъ нынѣшнюю переходную эпоху, теплѣе, чѣмъ мы, заглянутъ въ сѣдую нашу старину, отразившуюся въ этихъ запискахъ въ такомъ добромъ, свѣтломъ видѣ.

Миръ праху твоему, добрый работникъ, прекрасный человѣкъ и вѣрный, толковый свидѣтель одной изъ любопытнѣйшихъ полосъ русской культуры. Отъ созданныхъ тобою школы и храма надъ твоею могилой пусть льется тихій свѣтъ въ томъ углу, гдѣ ты родился, отъ твоихъ воспоминаній пусть льется тотъ-же свѣтъ въ болѣе широкіе круги. Легка тебѣ будетъ родная земля и память о тебѣ не заглохнетъ.

Сергѣй Шараповъ.

I.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученье.

Въ Западной Сибири, близъ г. Тюмени, есть большая деревня Кулакова. Расположенная на берегу сплавной рѣки Туры, построена она, какъ всякая деревня въ Сибири, изъ крупнаго сосноваго лѣса дома и избы покрыты тесомъ и драницами, и лишь недавно появилось нѣсколько домовъ, крытыхъ желѣзомъ, окрашенныхъ зеленой малахитовой краской.

Въ дни моего дѣтства, лѣтъ 50 тому назадъ, желѣзныхъ крышъ на домахъ не бывало, но за то у всякаго крестьянина, сколько-нибудь исправнаго, во всю длину избы и горницы, раздѣляемыхъ сѣнями, пристраивалось „задворье съ повѣтями" и кладовыми, куда складывался домашній скарбъ и устраивалась мастерская и складъ лѣтомъ для ремесленныхъ издѣлій: саней, телѣгъ и другихъ крестьянскихъ экипажей. Домъ отдѣлялся открытымъ дворомъ; напротивъ дома стояли погребъ и амбаръ, сзади которыхъ устраивался „пригонъ" для домашняго скота, съ соломой крытыми навѣсами и конюшней; тамъ въ маленькія отверстія, замѣняющія окна, вставлялись и примораживались зимою цѣльные куски льда.

Со двора въ сѣни дома вело полуоткрытое крыльцо. Сѣни были всегда холодныя, съ одной стороны изъ нихъ велъ ходъ въ избу, широкими дверями, позволяющими вытаскивать въ задворье сработанныя сани, а съ другой — былъ ходъ, въ нѣсколько ступенекъ „рундука", въ „горницу", внизу которой бывала тоже, или нижняя другая горница, или темный „подвалъ", гдѣ семья хранила болѣе цѣнное имущество и гдѣ лѣтомъ устраивалась спальня. Зимою на рамы оконъ въ избѣ, вмѣсто стеколъ натягивалась брюшина" пропускавшая разсѣянный свѣтъ, но не позволявшая видѣть ни двора, ни улицы. Для этого въ нѣкоторыя брюшины вма-

зывались маленькіе куски оконнаго стекла въ мѣдный пятакъ величиною, которые оттаивались отъ слоя льда, всегда на нихъ намерзавшаго, усиленнымъ дыханіемъ человѣка, желавшаго посмотрѣть на улицу.

Я живо помню, когда у насъ, по отдѣлѣ отъ дѣда, была всего одна изба, въ которой помѣщалась вся семья, и гдѣ устроена была отцомъ, въ одномъ углу мастерская для работъ—саней и „хрясел"ъ" (верхняя часть телѣги), а въ другомъ углу стояли „красна" матери для работы — ковровъ и „полазовъ". Высокія „полати" днемъ служили складомъ платья и постелей, а ночью спальней.

На печи постоянно лежалъ старый дядя отца, дѣдъ Алексѣй, и по ночамъ, когда уже всѣ спали, громкимъ шопотомъ молился Богу, перебирая лѣстовку (четки) и повторяя: „Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ". При этомъ онъ всегда спускался съ печи на „голбецъ" и, держась рукой за притолоку, дѣлалъ поясные поклоны. Спать всѣ ложились рано (около 9 ч.), за то отецъ и мать вставали около 3 часовъ утра. Между оконъ ставился тогда „поставецъ" въ родѣ треножника, въ который вкладывалась лучина съ вечера еще заготовленная, и зажигалась, чтобы освѣщать всю избу, а въ особенности мѣсто, гдѣ работалъ отецъ и стояли „красна" матери. Отецъ передъ этимъ еще въ потьмахъ тихо и долго молился Богу, и потомъ уже зажигалъ лучину. За нимъ вставала мать, умывалась и уходя въ „куть", также молилась Богу. Затѣмъ мать топила печь, стряпала и варила, а въ промежуткахъ садилась за прялицу (прялку) и шуршала веретеномъ, вытягивая шерстяныя нитки для ковровъ. Отецъ-же сначала точилъ брускомъ инструменты, а потомъ принимался за работу: тесалъ, строгалъ, долбилъ и пригонялъ на мѣсто части саней.

Когда мнѣ было лѣтъ около шести, я началъ по дѣтски помогать отцу въ его работѣ, дѣлалъ зарубки на доскѣ для задняго украшенія саней и заячьей лапкой мазалъ ворванью по дереву, чтобы придать ему желтоватый оттѣнокъ.

Помню разъ, отецъ разбудилъ меня въ воскресный день очень рано и повелъ къ заутрени, къ дѣдушкѣ Артемію Скрыпѣ. Я слыхалъ и раньше, что есть гдѣ-то на концѣ деревни, дѣдушка Скрыпа, но никогда не видалъ его, ибо онъ „скрывается". Мы прошли съ отцомъ всю деревню, поднялись улицей до полу-горы, повернули въ переулокъ и прошли на Скрыпинъ дворъ, откуда заднимъ ходомъ перешли на огородъ

и постучались въ маленькую дверь низенькаго домика-избушки. Изнутри насъ опросили: „кто тамъ"? Отецъ произнесъ Іисусову молитву; намъ отвѣтили: „аминь", дверь отворилась и мы вошли въ сѣни, а потомъ и въ избу—маленькую съ полатями и лавками, но чистую, съ большими иконами въ переднемъ углу и съ запахомъ ладана.

Старушка Авдотья Степановна, сестра Скрыпы, пригласила насъ подождать, потому что еще рано, и „самъ" читаетъ „правила". Богомольцы начали одинъ по одному подходить; ихъ впускали также съ Іисусовой молитвой, пока не набралось человѣкъ 20,

Спустя немного времени, изъ другой комнаты молельни вышелъ старикъ, высокаго роста, плотно сложенный, съ высокимъ лбомъ, окладистой и волнистой сѣдою бородою, и такимъ выразительнымъ лицомъ, что я помню его и теперь, какъ живаго, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ протекло цѣлыхъ 55 лѣтъ.

— Здравствуйте, братія, поклонившись всѣмъ, сказалъ онъ.

Всѣ мы встали и поклонились ему низко, а нѣкоторые старики и старухи даже до земли.

— Ну сядемъ, отдохнемъ немного и пойдемъ молиться полунощницу и заутреню. Часы помолимся послѣ, — сказалъ намъ Артемій Степановичъ.

— Спаси, Господи,—хоромъ отвѣтили многіе.

— Ты что, сынка привелъ, Мартемьянъ Потаповичъ?—спросилъ онъ моего отца.

— Да, сынка, дѣдушка Артемій. Пусть послушаетъ службу божественную.

— Добре, добре. А какъ его зовутъ?

— Николай,—отвѣтилъ отецъ.

— Ну, Никола, ты вѣдь еще грамотѣ не знаешь. Послушай сначала божественную службу, посмотри, а потомъ начнешь учить и грамоту. Хочешь учиться?

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, и ничего не могъ отвѣтить. Отъ робости языкъ мнѣ не повиновался и я готовъ былъ расплакаться.

— Онъ робокъ, замѣтилъ отецъ. А дома всѣ стѣны въ избѣ перемаралъ углемъ, все списываетъ цифры.

— Ну, ничего. Робокъ да съ толкомъ, вотъ и искра Божія,— закончилъ Артемій Степановичъ. А теперь, пожалуй, пойдемте и молиться.

Всѣ пришедшіе поснимали шубы—мужчины оказались въ каф-

танахъ изъ темныхъ тканей, то ластика, то крашенаго холста, а женщины въ черныхъ сарафанахъ, съ лицами, повязанными ниже подбородка краемъ чернаго платка. Въ рукахъ у всѣхъ были лѣстовки и восковыя свѣчи, принесенныя изъ дому. Артемій Степановичъ пошелъ въ моленну (молельню) внутреннимъ ходомъ, а мы направились туда-же сѣнями.

Молельнею оказалась небольшая комната, рядомъ съ избою. Въ ней не было ничего особеннаго, но тогда она поразила меня своей необычайностью. Отъ горѣвшей предъ иконою лампады, шелъ слабый свѣтъ, а сбоку, въ маленькое оконцо ярко свѣтилъ мѣсяцъ. На противуположной отъ входа стѣнѣ, во всю ея длину, тянулась божница,—полка, на которой стоялъ рядъ иконъ, строгаго стараго стиля, писанныхъ красками и мѣдныхъ. На узенькой лавкѣ стопами лежали „подрушники", на гвоздикѣ группою висѣли лѣстовки (четки), а въ углу полки стояла мѣдная кадильница. Принятые въ общину Филипповской секты богомольцы прошли впередъ, а мы съ отцомъ какъ „мірскіе" (православные) остались назади простыми слушателями, не принимая участія въ моленіи. Свѣчи были къ божницѣ прилѣплены и зажжены, а подрушники взяты въ руки. Артемій Степановичъ сказалъ:—„Господи благослови" и началъ вмѣстѣ съ другими „класть началъ", провозглашая въ полголоса: „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному" и дѣлалъ поклоны. Потомъ полуобратясь къ молящимся, громко произнесъ: „Благословите, братія" и получивъ отвѣтъ—„Богъ благословитъ", возгласилъ: „За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь".

Началось чтеніе полунощницы и послѣ „отпуста", пошла такимъ-же порядкомъ, заутреня. Читались молитвы по „часовнику" (часослову), каѳизмы по псалтырю. Нѣкоторые тропари и славословія пѣлись всѣми присутствующими. Артемій Степановичъ владѣлъ прекраснымъ баритономъ, и я съ восторгомъ слушалъ его голосъ на „Господи воззвахъ" и „Хвалите Господа съ небесъ",

Послѣ заутрени мы всѣ снова перешли въ избу отдохнуть, послѣ длиннаго, продолжавшагося часа три моленія. Началась бесѣда. Дѣдушка Артемій говорилъ о правотѣ своей вѣры, посылалъ укоры въ заблужденіяхъ „ѳедосѣевщинѣ" и яро порицалъ наставника этой секты, хромаго „Якуню" въ непониманіи правилъ св. Отцовъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, изрѣдка рѣшаясь сдѣлать вопросъ. Какая-то старуха сидѣвшая сзади всѣхъ, вдругъ заплакала и заговорила:

— Господи, надо-бы молиться и ни о чемъ не думать, а у меня внучекъ хворый, и вотъ согрѣшила, все о немъ думала, чѣмъ-бы его покормить. Надо-бы молочка давать, да нѣтъ коровушки, а купить не на что.

— Экая ты, давно бы-мнѣ сказала,—живо вмѣшался Артемій Степановичъ.—Завтра пріѣдетъ ко мнѣ Аграфена Ивановна и я выпрошу у нея денегъ на корову. Приходи послѣзавтра.

Старуха встала и перекрестилась. Слезы потекли у ней изъ глазъ и она всхлипывая, говорила:

— Спаси-те Богъ, дѣдушка.

Часовъ около 6 зимняго утра, съ тѣми-же обрядами, какъ за полунощницей и заутреней, отслужены были и "часы„.

Послѣ этого мы съ отцомъ сдѣлали передъ иконами три крестныхъ знаменія съ молитвою „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и съ тремя поклонами, и попрощались съ дѣдушкой Артеміемъ.

— Смотри-же, малецъ, приходи чаще молиться Богу сюда, а потомъ и грамотѣ учиться,—сказалъ наставительно старикъ.

Когда вернулись мы домой, у матери печь была истоплена, и праздничныя шаньги въ ней уже готовились, разнося по комнатѣ пріятный ароматъ свѣже-печенаго хлѣба. Изба была подметена, усыпана бѣлымъ пескомъ, а въ переднемъ углу предъ иконою, горѣла восковая свѣча.

— Ахъ, мама, какъ дѣдушка хорошо поетъ,—залепеталъ я еще на порогѣ. Слушай мама: „хва-ли-те Го-спо-да съ не-бесъ“, затянулъ я слышанное пѣніе.—А дѣдушка читалъ большую, большую книгу, а потомъ другую поменьше. Но только долго стояли, у меня ноги устали...

Мать слушала и улыбалась.

— Христосъ съ тобою, Миколушка, грѣхъ жаловаться, что на моленьи ноги устали. Вотъ, Богъ дастъ, и тебя станемъ учить грамотѣ и ты намъ будешь читать Псалтырь и молитвы.

— Учиться стану, мама,—закричалъ я весело. А какъ надо учиться, такъ-же какъ цифирь выговаривать, или по иному?

— Мы съ отцомъ грамотѣ не знаемъ и я не знаю, какъ учиться надо. Сперва учатся по азбукѣ, потомъ по часовнику, а потомъ и Псалтырь твердятъ.

Я залѣзъ на полати и мурлыкалъ слышанный напѣвъ. Помню, какъ мнѣ не давался мотивъ: „Воду прошедъ яко сушу“. А что такое „гласъ третій“ и почему поютъ по разному „Господи воз-

звахъ“ и „Воду прошедъ“? — мучительно вертѣлись въ головѣ вопросы, пока я не заснулъ крѣпкимъ сномъ ребенка.

Прошла зима и лѣто. Мы иногда съ отцомъ ходили къ дѣдушкѣ Артемію молиться, а иногда, между „часами“ и „повечерницею“, слушать въ кругу его приверженцевъ, назидательное чтеніе изъ Четьи-Минеи, Прологовъ, Воскреснаго Евангелія, Апокалипсиса и даже иногда и Кормчей книги. Мастерски читалъ дѣдушка Артемій, а еще лучше толковалъ прочитанное. Бывало, лѣтомъ, соберутся на открытомъ воздухѣ косогора, подъ крышею навѣса, человѣкъ 30 слушателей, мужчинъ и женщинъ. На удобномъ мѣстѣ ставится столъ, накрытый скатертью, и приносятся книги, изъ которыхъ предполагается чтеніе или справки по поводу какихъ нибудь споровъ, возникшихъ на предъидущихъ собраніяхъ, на основаніи какого либо текста, допускающаго разное толкованіе. Терпѣливо выслушаетъ дѣдъ Артемій оппонента и потомъ ясно и и убѣдительно начинаетъ приводить свои доводы, ссылаясь на книги и указывая даже страницы, гдѣ извѣстный текстъ напечатанъ или написанъ. Иногда переходили на общее пѣніе старообрядческихъ стиховъ, изъ которыхъ наиболѣе любимые начинанались такъ:

„Горе мнѣ, увы мнѣ грѣшному“...
„По грѣхомъ нашимъ, на нашу страну“...
„Юность моя, юность, златое ты время„...

Всѣ эти стихи находились въ писанныхъ сборникахъ и были расположены подъ нотами, стараго крюковаго пѣнія. Дѣдушка Артемій зналъ ноты хорошо и обучивъ нѣкоторыхъ своихъ послѣдователей пѣнію, поражалъ слушателей этимъ искусствомъ до полнаго умиленія и слезъ, стройностью напѣва въ униссонъ, такъ называемыхъ „Божественныхъ стишковъ“.

Я, конечно, мало понималъ тогда изъ слышаннаго мною и лишь послѣ мнѣ пришлось узнать всю внутреннюю и обрядовую сторону старообрядческихъ собраній. Но во мнѣ и теперь еще живы первыя, общія впечатлѣнія, когда ребенкомъ меня приводили туда мои родители. Позднѣе и объ этой порѣ моего отрочества я разскажу нѣкоторыя главныя событія, какъ разсказываю теперь о моемъ младенчествѣ.

Въ декабрѣ 1843 года, сдѣланъ былъ семейный совѣтъ, на который были приглашены умный дядя по матери, Семенъ, бывалый человѣкъ, ѣзжавшій съ извозомъ даже до Казани и тетка моя, сестра по матери, Анисья, игравшая распорядительную роль во всемъ нашемъ околоткѣ, гдѣ требовалось кого пожурить за ка-

кое нибудь отступленіе отъ заведеннаго порядка и установившихся отношеній. Я спрятался на полати и чутко прислушивался ко всему, что на этомъ совѣтѣ говорилось.

— Вотъ что,—началъ мой отецъ,—Миколѣ (мнѣ) 7 годовъ. Мы съ матерью думаемъ учить его грамотѣ. Какъ вы скажете, Семенъ Егорьевичъ и Анисья Егорьевна?

При этихъ словахъ мать моя, стоя у шестка, заплакала и громко начала причитать: „дитятко ты мое родимое“...

— Чего ты сестра плачешь? — сказалъ дядя Семенъ. Вѣдь ребенку-же будетъ лучше, когда онъ будетъ грамотный. Посуди сама. Вотъ я умѣю „ходить на счетахъ“ (считать на счетахъ), а читать не умѣю. Ну и что-же? Связчикъ мой по ямщинѣ Алексѣй, грамотный, всю дорогу, писалъ и писалъ, а къ разсчету и вышло мнѣ денегъ меньше, а ему больше. Чѣмъ я докажу, что онъ писалъ неправду? И говорить нечего, отдавайте учить грамотѣ ребенка.

Тетка Анисья, тоже сквозь слезы добавила.

— Микола выучитъ кануны читать, вмѣстѣ будемъ Богу молиться. И какъ хорошо-то еще будетъ!

— Но вотъ горе, — вставилъ отецъ, — надо будетъ купить Псалтырь. Книга стоитъ 5 р., а въ теперешнее податное время, гдѣ я ихъ возьму?

— Ну, объ этомъ нечего говорить,—вступилась мать.—Мнѣ не надо сарафана къ Рождеству. Вотъ и деньги на Псалтырь.

Въ концѣ концовъ, было рѣшено послѣ Николина дня вести меня къ дѣдушкѣ Артемію Скрыпѣ учить грамотѣ. А дядя Семенъ по праздникамъ будетъ учить „ходить на счетахъ“.

Я молча и тихо одѣлся на полатяхъ, спустился внизъ, и не смотря на зовъ собравшихся родныхъ, стрѣлой выбѣжалъ во дворъ, оттуда на конюшню, бросился на сѣно и горько заплакалъ.

Скоро послѣ этого мать моя повела меня къ дѣдушкѣ Артемію учиться грамотѣ. Мы пришли утромъ и застали его въ той-же избѣ, гдѣ я бывалъ и раньше, сидящимъ за столомъ и читающимъ большую книгу. При входѣ нашемъ, старикъ заложилъ страницу широкой синей лентой и, закрывъ ее громко щелкнулъ мѣдными застежками, что меня очень заинтересовало. Потомъ ласково поздоровался съ нами, сказавъ матери:

— Ну, что сынка привела учиться грамотѣ?

— Да дѣдушка. Поучи, Бога ради. Вѣдь онъ у насъ одинъ

и грамота ему нужна. Выучится, намъ съ отцомъ станетъ читать святыя книги, а потомъ, что надо, и отцу запишетъ.

— Ладно, ладно. Я на этихъ-же дняхъ напишу ему азбуку, а въ четвергъ приводи его прямо на ученье.

— Спаси-те Господи, дѣдушка Артемій,—сказала мать,—и поклонилась ему въ ноги.

— Не кланяйся, не кланяйся. Поклоны надо дѣлать Богу. Ну-ка, малецъ, иди сюда и посмотри на буквы въ книгѣ. Вотъ эта буква—*азъ*, эта—*вѣди*. Видишь-ли ты разницу въ нихъ?

— Вижу, отвѣтилъ я. У этой посерединѣ перегородка, а у этой перегородки нѣтъ.

— Добре. Ну теперь идите съ Богомъ домой, заключилъ Артемій Степановичъ.

Дома было рѣшено заплатить въ четвергъ за азбуку дѣдушкѣ Артемью рубль (ассигнаціями), а какъ нибудь къ Великому посту купить и основныя книги—Часовникъ и Псалтырь.

Въ четвергъ поутру мы съ матерью въ ея углу, противъ „цѣла“ печи, въ такъ называемой „кути“ долго молились Богу, кладя земные и поясные поклоны, прежде, нежели пошли къ дѣдушкѣ Артемію Скрыпѣ. Онъ встрѣтилъ насъ ласково и любовно. Но когда мать выложила ему десять мѣдныхъ гривенъ за написанную азбуку, старикъ прямо и рѣшительно отказался принять ихъ.

— Не надо, голубушка. Я знаю, что вы не богаты. Азбуки вѣдь я не покупалъ. На эти деньги лучше заведите пареньку валенки. Теперь зима и бѣгать ему сюда холодно и далеко.

Мать моя шепотомъ промолвила свое: „Спаси-те Господи“ и слезы потекли по ея щекамъ. Я стоялъ въ нервномъ возбужденіи и готовъ былъ тоже разрыдаться.

— Ну, что вы, Богъ съ вами,—заговорилъ душевно старецъ. Малый подростетъ, поправитесь, тогда заплатите. Ну-ко, Никола, иди сюда, примемся за дѣло. Здѣсь у стола учится Ефремъ, онъ постарше и побольше тебя. Тебя-же я устрою, вотъ на этой лавкѣ у оконца. Вотъ скамейка, мы ее поставимъ на эту лавку; на нее положимъ азбуку; вотъ смотри-ка, какую я тебѣ указку смастерилъ: съ конями и зарубками. Ну-ко, братъ бери ее, вотъ такъ, въ руку и садись передъ скамейкою на лавку.

Я сѣлъ. Азбука новенькая, только что написанная по славянски, красными и черными чернилами по „растрѣ“, отливала блескомъ буквъ и казалась мнѣ куда красивою. Ее заглавная виньетка, нарисованная перомъ, изображала копну сѣна и глядѣла на меня

такъ мило и заманчиво, что я и не зналъ, что и подумать о такомъ искусствѣ дѣдушки Артемія.

— Молись сначала Богу, Никола, клади „началъ“. Знаешь „началъ“?

— Знаю, отвѣтилъ я робко.

— Ну вотъ, бери подрушникъ и начинай.

Я взялъ подрушникъ, перекрестился, дрожащимъ голосомъ произнесъ молитву „Боже милостивъ“, и сдѣлалъ соотвѣтственное число земныхъ и поясныхъ поклоновъ.

— Ну, а теперь садись на скамейкѣ и, перекрестясь, скажи: „Господи, благослови“. А мнѣ скажи: „Благослови, дѣдушка Артемій“.

Я исполнилъ сказанное. Старикъ отвѣтилъ мнѣ: „Богъ благословитъ“.

— Вотъ на этой первой страницѣ,—началъ онъ,—вся азбука, отъ *аза* до *ѵжицы*. Надо всѣ буквы выучить наизусть и запомнить ихъ твердо, какъ они пишутся и называются. Указывай указкой, вотъ эту первую букву и говори: азъ, вторую—буки, третью—вѣди.

Я робко началъ выговаривать: азъ, буки, вѣди.

— Смѣлѣе, братъ, смѣлѣе! Ну говори за мной нараспѣвъ: а-зъ, бу-ки, вѣ-ди, гла-го-ль. Мало. Пой какъ поютъ ребята, когда играютъ въ пряталки, да посмѣлѣе! — А--зъ, бу--ки, вѣ--ди... Вотъ, такъ, такъ! Потихоньку да помаленьку все пойдетъ у насъ на ладъ,—прибавилъ онъ, гладя меня по головѣ.

Часа черезъ три, я выучилъ всю азбуку и читалъ нараспѣвъ всѣ буквы по порядку.

— Добре, сказалъ дѣдушка. А ну-ка, знаешь ли ты съ задней буквы —ѵжицы и къ азу? Начинай съ конца азбуки и иди назадъ.

— Я началъ пѣть: ѵжица, ѳита, фертъ.

— Э, нѣтъ, братъ, не такъ, пропустилъ: кси, пси. Ну, да ты усталъ. Одѣнься и иди на дворъ побѣгать. Потомъ приходи, поѣшь и мы еще потвердимъ азбуку.

На дворѣ никакая игра не шла мнѣ на умъ. Въ головѣ назойливо вертѣлись буквы и вопросы. Скоро я вернулся въ избу, развязалъ узелокъ, оставленный матерью съ кускомъ чернаго хлѣба и поѣлъ.

На скамейкѣ лежала азбука. Я раскрылъ ее и, вооружившись указкою, началъ, распѣвая, повторять буквы. Но когда дошелъ

до знака, слѣдующаго за „покоемъ“, то никакъ не могъ припомнить какъ онъ называется. Сколько я ни бился, буква не давалась. Съ горя я заплакалъ. Въ это время вошелъ изъ моленной дѣдушка Артемій.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ онъ.

Я едва могъ вымолвить, что забылъ названіе буквы.

— Не плачь, не плачь, малый,—сказалъ онъ ласково.—Для начала хорошо и то, сколько ты выучилъ.

Мы начали снова распѣвать всю азбуку съ начала, но противная буква--р, всегда у меня выходила—„арцы“, а ее слѣдуетъ выговаривать „рцы“. Кое-какъ, я одолѣлъ и это, а къ вечеру читалъ наизусть всю азбуку и прямо и обратно, начиная съ ѵжицы.

Часамъ къ тремъ вечера, дѣдушка сказалъ:

— Ну, сегодня довольно учиться. Закрывай азбуку, клади указку, а потомъ молись „началъ“, прощайся со мною и иди домой. Скажи отцу и матери, что грамота тебѣ дается. А завтра утромъ приходи опять.

Стрѣлой помчался я домой и едва переступилъ порогъ избы, какъ закричалъ матери:

— Мама, мама, я всю азбуку выучилъ!

Мать кинулась ко мнѣ и, какъ всѣ матери, ласкала и цѣловала меня долго и много. Я, торопясь и захлебываясь, читалъ ей нараспѣвъ всѣ буквы съ начала до конца, а потомъ удивилъ ее безъ границъ, когда тѣ-же буквы прочиталъ отъ конца къ началу. Вернулся отецъ, и ему также была показана пріобрѣтенная мною за день премудрость. Я такъ увлекся фигурами буквъ, что въ тотъ-же вечеръ нарисовалъ ихъ, посредствомъ угля на простѣнкѣ оконъ нашей избы. Ни бумаги ни карандаша у насъ не было, а посему уголь и стѣна замѣняли и то и другое.

Въ послѣдующіе дни я училъ двойные и тройные слоги, пѣвуче выговаривая ихъ:

— Буки-азъ ба-ба; вѣди-азъ ва-ва; глаголь-азъ га-га, или, буки-есть бе-бе; вѣди-есть ве-ве и т. д., прибавляя всѣ гласныя буквы къ согласнымъ по порядку азбуки. Потомъ училъ ихъ „по верхамъ“, выговаривая: ба, ва, га, или бе, ве, ге и когда ихъ всѣ выучилъ, тогда начиналъ пѣть послѣднимъ слогомъ и постепенно шелъ къ слогу первому, напримѣръ, ща, ша, ча или ще, ше, че и т. д.

Послѣ этого мы перешли къ ученію тройныхъ слоговъ: буки

рцы-азъ—бра-бра, вѣди-рцы-азъ—вра-вра, въ томъ-же порядкѣ отъ начала къ концу и отъ конца къ началу, какъ это было и съ двойными слогами.

Затѣмъ началось изученіе „ангельскихъ-складовъ“, „просодій“, и церковнаго „лѣтосчисленія“. Первые учились такъ:

Азъ-глаголь, глаголь-титла, люди-еръ-азъ *Ангелъ*; азъ, рцы, херъ, арха, глаголь, глаголь, титла, люди еръ—азъ *Архангелъ*. Или: буки, титла, глаголь еръ—буки *Богъ*; буки, живете, слово, твердо, вѣди, онъ—во *Божество*. Потомъ все это читалъ по верхамъ: Азъ: *ангелъ*, *ангельскій*, *архангелъ*, *архангельскій*; Буки: *Богъ*, *Божество*.

Просодіи и лѣтосчисленіе я думаю нѣтъ нужды разсказывать, какъ учились. Первыя читались по верхамъ, а послѣднія заучивались наизусть, какъ обыкновенныя цифры съ замѣной ихъ славянскими буквами и нѣкоторыми особыми знаками.

Когда все предъидущее было выучено наизустъ, твердо и безъ малѣйшей запинки, съ повтореніемъ каждый день пройденнаго раньше, тогда дѣдушка Артемій сказалъ:

— Добре, Никола. Теперь начнемъ учить молитвы, находящіяся въ твоей азбукѣ: „Отче нашъ“; „Царю небесный“; „Вѣрую во единаго Бога“; „Помилуй мя, Боже“ и другія.

Видимо, я учился быстро и нагонялъ товарища моего по ученью, Ефрема Лысова. Старика это радовало и онъ, бывало, весело начнетъ меня поддразнивать.

— Ну, Никола, цопъ, цопъ.

Я заволнуюсь, покраснѣю, какъ маковъ цвѣтъ, и слезы у меня польются градомъ.

— Ахъ какой-же ты, не тронь меня. Чего тутъ плакать? Развѣ ты не видишь, что я шучу, радуюсь твоимъ успѣхамъ?

Къ великому посту, азбуку съ молитвами я выучилъ хорошо. Дѣдушка Артемій, велѣлъ мнѣ приходить съ матерью. Когда мы пришли онъ сказалъ:

— Вотъ что, голубушка. Никола учится хорошо и ему не надо проходить Часовника. Онъ и такъ его будетъ читать потомъ. А теперь купите въ городѣ Псалтырь: по ней Великимъ постомъ онъ и будетъ продолжать учиться.

— Спасетъ-те Богъ,—отвѣтила мать.—Въ субботу отецъ поѣдетъ въ городъ продавать сани и купитъ Псалтырь.

Мать попрощалась съ дѣдушкой и ушла. Я подсѣлъ къ скамейкѣ и звонко началъ распѣвать „зады“. Старикъ слушалъ и

по обыкновенію поправлялъ то интонацію моего голоса, то остановки на точкахъ и двоеточіяхъ.

— Ты не торопись,—бывало, скажетъ онъ.—Что въ этомъ толку? Ты думай, что тебя кто-нибудь слушаетъ и хочетъ понять что ты читаешь. Ну, какъ онъ тебя пойметъ, если ты даже нараспѣвъ слова выговариваешь не ясно? А что будетъ тогда, когда ты начнешь читать? Вотъ ужо, Великимъ постомъ, я велю приводить тебя по праздникамъ ко мнѣ и ты послушаешь, какъ я буду книги читать за бесѣдами.

Я уходилъ домой, всегда унося съ собой за пазухой, тщательно завернутыя въ платокъ азбуку и указку. По вечерамъ я перечитывалъ отцу и матери пройденное ученье и „твердилъ зады". Случалось, приходилъ къ намъ дядя Семенъ, и я старался удивлять его чтеньемъ „ангельскихъ складовъ" и „просодій" и заканчивалъ письмомъ славянскихъ буквъ, углемъ на стѣнѣ.

— Ты, видно, будешь грамотѣй,—бывало скажетъ дядя.

— Вотъ, поѣду въ городъ куплю тебѣ карандашъ и бумаги.

Съ какимъ теплымъ чувствомъ вспоминаются теперь всѣ эти подробности. Онѣ стоятъ передо мною въ такихъ живыхъ и яркихъ образахъ, какъ будто все это было вчера, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ прошло уже больше полъ-вѣка.

*
* *

Великимъ постомъ, въ четвергъ первой недѣли, отвели меня опять къ дѣдушкѣ Артемію—учить Псалтырь. Старикъ встрѣтилъ насъ—мать и меня—радушно и первымъ дѣломъ спросилъ:

— Ну, что, купили Псалтырь? Покажите-ка мнѣ ее.

Мать развязала узелокъ и подала ему книгу.

— Хорошо. Книга хоть не древняя, не Іосифовская, а все-же напечатана съ древними изданіями сходно,—сказалъ онъ.— Бумага крѣпкая, буквы крупныя, для ученья самая подходящая. Ну-ка, братъ, Никола, клади „началъ" съ земными поклонами, теперь вѣдь постъ и ты долженъ привыкать къ христіанскому обычаю.

Я исполнилъ и потомъ сказалъ:

— Благослови, дѣдушка.

— Богъ благословитъ, — отвѣтилъ онъ и засадилъ меня за знакомую скамейку.

— Вотъ это царь Давидъ, — показывая гравюру псалтыря, сказалъ наставительно старикъ, — онъ и написалъ святую книгу

Псалтырь, которую мы обязаны каждый день читать и слушать. Ну-ка начинай читать.

Я глядѣлъ на страницу Псалтыри и на печатныя буквы, и мнѣ онѣ казались нѣсколько иными, чѣмъ въ моей азбукѣ. Я не могъ свободно ни складывать ихъ, ни читать. Съ трудомъ и робко, я могъ только назвать часть перваго слова—*Блаженъ*. У меня вышло по моимъ складамъ: люди, живете, еже—лже, нашъ еръ—*лженъ*. Заглавная-же буква—буки, помѣщенная въ виньеткѣ, совсѣмъ показалась мнѣ не знакомою.

— Вотъ и видно, что мы, большіе, сами виноваты,—заговорилъ старикъ — не растолкуемъ сначала ребенку, какъ надо понимать буквы въ новой книгѣ, а потомъ его-же и винимъ, что онъ не понимаетъ,—обратился онъ къ моей матери.

— Слушай, Никола: эта книга Псалтырь печатная, а ты учился по азбукѣ писанной. Вотъ потому-то и выходитъ, что одна и та-же буква, такъ-же нарисованная, какъ въ той-такъ и въ другой книгѣ, а все-таки немного смотритъ по разному. Вотъ буква *живете*, посмотри на нее въ Псалтыри и посмотри въ азбукѣ. Буква-то одна, а вишь въ печатной, книгѣ, ножки у ней загнуты правильно, а въ азбукѣ писанной, вонъ какъ неровно протянуты и невѣрно изогнуты. Или посмотри на другую букву—*люди*. Въ Псалтыри, прямая ножка соитъ у ней прямо. Подпорочка ея поставлена вкось вѣрно, какъ подпорка частокола. А въ азбукѣ у меня смотри-ка: прямая ножка все-таки покривилась, а подпорочка-то согнулась, какъ кривая палка.

— Вижу, вижу, дѣдушка!

— Ну вотъ, и слава Богу,—продолжалъ онъ. Также и другія буквы: всѣ онѣ имѣютъ разницу въ печатной книгѣ, противъ книги, писанной рукою. А затѣмъ заглавныя буквы въ Псалтыри, что вотъ напечатаны красными чернилами, по другому нарисованы. потому что первыя и потому что заглавныя. Вотъ, напримѣръ: „Блаженъ мужъ", начинается буквою — *буки*. Посмотри, какая она большая, да пригожая. А дальше, второй псаломъ начинается другой заглавной буквой. Видишь, тоже какъ разукрашена! Сразу-то тебѣ и трудно распознать ее. А вотъ, Богъ поможетъ, скоро все узнаешь и будешь читать легко.

— Ну голубушка,—обратился онъ къ матери, — тебѣ вѣдь некогда. Иди домой, а мы съ Николой поучимся до вечера.

Мать моя простилась и ушла, а я остался разбирать псаломъ *Блаженъ мужъ* и нараспѣвъ его твердить, поправляемый

дѣдушкой во всѣхъ моихъ ошибкахъ и затрудненіяхъ. Давно знакомые „ангельскіе склады“, многое помогали мнѣ узнавать и прочитывать вѣрно слова подъ „титлами“ и „словотитлами“.

Товарищъ мой Ефремъ учился уже другую зиму и сидѣлъ за распѣвомъ пятой каѳизмы Псалтыря, выучивъ передъ этимъ Часовникъ и Кануны—(Каноны) за единоумершаго и за всѣхъ умершихъ. Мы съ нимъ жили мирно, хотя онъ много былъ меня рѣзвѣе и никогда не плакалъ, чего я не могу сказать о себѣ. Мнѣ помнится только одна наша совмѣстная продѣлка совершенная въ отсутствіи дѣдушки Артемія, куда-то уѣзжавшаго. Мы оставались одни, подъ попеченіемъ старой сестры его, Авдотьи Степановны. Печь въ избѣ закрыта была рано, и мы угорѣли. Товарищъ мой сказалъ что угаръ надо лѣчить снѣгомъ и мы рѣшили окунуться головами въ снѣгъ, положивъ, что кто дольше простоитъ въ снѣгу, тотъ скорѣе и вылѣчится отъ угара. Не говоря ни слова старой надзирательницѣ, въ однѣхъ рубашкахъ мы выбѣжали въ огородъ и со всего размаха бросились головою внизъ, въ рыхлый снѣгъ большаго сугроба. Голова и туловище съ руками погрузились въ снѣгъ, а ноги наши торчали кверху. Въ это время вышла изъ избы Авдотья Степановна и увидавъ поверхъ снѣга только наши ноги, громко закричала „Господи Исусе! Что это такое?“ и бросилась насъ вытаскивать. Сколько времени, были мы въ снѣгу, я не помню, но когда пришли въ избу, насъ била лихорадка и мы долго не могли согрѣться. Авдотья Степановна напоила насъ сейчасъ-же горячимъ настоемъ душницы и отправила домой, приказавъ шибче бѣжать по улицамъ. Дома мы объ этомъ ни слова не сказали, только дѣдушка Артемій долго смѣялся надъ нашимъ способомъ лѣченія отъ угара да потомъ узнали всѣ родные и сосѣдніе ребята и долго товарищу и мнѣ не давали проходу, дразня насъ „угарными дохтурами“.

Къ концу Великаго поста я выучилъ наизустъ нѣсколько каѳизмъ Псалтыри и началъ свободно разбирать еще не ученые псалмы. Тогда дѣдушка Артемій заявилъ моимъ родителямъ:

— Малый читаетъ хорошо. Пусть на Пасхѣ и Ѳоминой „твердитъ зады“ и читаетъ понемногу неученое дома. Вамъ вѣдь надо весною поучить его писать. Я скорописью пишу по старому и мой почеркъ для него не годится. Вы пригласите заводскаго учителя Василія Ивановича на два, на три мѣсяца, и онъ его письму научитъ.

Съ какимъ благоговѣніемъ отецъ и мать моя благодарили дѣдушку Артемія за выучку меня чтенію, я и передать не могу. Всякій, кто прочтетъ эти мои воспоминанія, пойметъ это безъ объясненій.

Такъ кончилось мое школьное ученье грамотѣ на восьмомъ году моего возраста.

*
* *

На Пасхѣ-же отецъ поѣхалъ на своей лошадкѣ на заводъ, нанимать учителя, рекомендованнаго Василья Ивановича. Отецъ условился: пріѣхать учителю къ намъ въ деревню и учить меня письму по 5 р. въ мѣсяцъ на нашемъ содержаніи и съ правомъ заниматься съ другими учениками. Въ промежутокъ до его пріѣзда, отецъ ставилъ къ избѣ горницу, гдѣ-то купленную въ готовомъ видѣ и къ намъ перевозимую.

Мой учитель письма былъ молодой человѣкъ, занимался со мною три мѣсяца и я выучился у него писать настолько сносно, что родные порѣшили: „учиться довольно“. Письменныя занятія съ Василіемъ Ивановичемъ шли у насъ уже въ горницѣ, и я не помню ничего характернаго за это время, кромѣ только одного случая, когда учитель, куда-то временно отлучась, поручилъ мнѣ переписать письмо для упражненія, заканчивавшееся подписью: „Васильемъ Тимофѣевымъ Космаковымъ“- Сколько я ни бился, желая разобрать эту подпись, она мнѣ никакъ не давалась. И я храбро перевелъ: „Засименъ Мнасемъ Костаксенъ“.

Этимъ и закончилось мое полное ученіе чтенію и письму.

*
* *

Много позднѣе я узналъ біографію моего учителя, старика Артемія Скрыпы. Скрыпа, это не фамилія, а уличное прозвище, часто употребляемое рядомъ съ подлинной фамиліей, и въ обыденномъ деревенскомъ обиходѣ играющее основную роль. Бывало, никто не скажетъ, что идетъ къ Ивану Киселеву, а идетъ къ Калѣту, потому что Киселевыхъ—много, а Калѣтовъ домъ—одинъ; или не скажетъ, что идетъ къ Семену Лазареву, а идетъ къ Кулагѣ, опять-же потому, что Лазаревыхъ — много, а Кулагино семейство—одно. То-же было и со Скрыпиными. Настоящая ихъ фамилія была—Лазаревы, но никто ихъ такъ не называлъ, исключая списковъ волостныхъ или церковныхъ, да развѣ еще

паспорта. Всѣ и всюду говорили: Скрыпинъ домъ, Скрыпино семейство.

Большинство жителей деревни Кулаковой были, въ дни моего дѣтства и отрочества, старообрядцы филипповскаго и ѳедосѣевскаго толковъ, хотя по записямъ церковнымъ и числились православными. Церковные обряды исполнялись ими только въ важныхъ случаяхъ, когда уже никакъ нельзя было отъ нихъ уклониться, напримѣръ, вѣнчаніе, крещеніе новорожденныхъ и пр. да и то и другое иногда секретно совершалось стариками и наставниками. Въ великіе посты, бывало, священникъ приходской Луговской церкви, теперь давно уже умершій, пріѣдетъ въ Кулакову, въ волостное правленіе, и пошлетъ десятника по домамъ, звать прихожанъ въ церковь для говѣнья. Ходитъ онъ по деревнѣ, стуча палкою подъ окнами и приговаривая:

— Эй, хозяинъ! Ступайте въ церковь говѣть. Отецъ Алексѣй велѣлъ.

Скрыпины старики, какъ и дѣти ихъ, были завзятые старообрядцы филипповскаго толка, наиболѣе строгаго въ исполненіи обрядовъ, и все, что не было съ ними въ согласіи, считали губительнымъ для спасенія своихъ душъ. Артемій Скрыпинъ, родившійся въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ взятъ въ солдаты въ двадцатыхъ годахъ, бѣжалъ изъ военной службы и, скрываясь въ деревнѣ Кулаковой у своего брата, мало-по-малу, пріобрѣлъ громадное нравственное вліяніе въ области вѣры на деревенскихъ жителей; онъ былъ грамотенъ, очень начитанъ, обладалъ прекраснымъ даромъ слова и сдѣлался, наконецъ, наставникомъ филипповскаго толка. О томъ, что Скрыпа, бѣглый солдатъ, живетъ у брата въ особой избѣ, знала вся деревня и многіе изъ окрестностей и города Тюмени. Зналъ объ этомъ и мѣстный священникъ, знала даже земская полиція, но поймать его никакъ не могли, потому что всѣ жители деревни старались укрывать его, предупреждая о всякомъ намекѣ обыска и поимки. Десятки разъ производились нечаянные наѣзды земскаго начальства и облавы, но никогда не удавалось его поймать. Разъ даже совсѣмъ накрыли-было Скрыпу ночью, спящаго въ своей избѣ на полатяхъ. Стоя толпою въ темной комнатѣ, потребовали огня. Проснулся Скрыпа, слѣзъ съ полатей, захватилъ съ собою полушубокъ и сказалъ спокойно: „позвольте мнѣ пройти къ печи; я огня достину“, Понятые и начальство раздвинулись, дали ему пройти къ заслонкѣ, а онъ пробрался за печь, узенькимъ проходомъ въ

моленью, оттуда въ сѣни, и чрезъ заднее крыльцо въ пригонъ, гдѣ увидѣлъ казака, стоящаго на караулѣ. Дѣдъ передалъ ему якобы приказъ исправника — занять другой постъ около главнаго входа въ избу и когда тотъ перешелъ, Артемій Скрыпа скрылся по оврагамъ на деревню.

Артемій Скрыпа имѣлъ, какъ я сказалъ, громадное нравственное вліяніе на всѣхъ жителей деревни Кулаковой. У богатыхъ онъ просилъ пособія для бѣдныхъ, а бѣднымъ помогалъ деньгами, дѣломъ и совѣтомъ, всегда умнымъ и всегда цѣлесообразнымъ. Нейдетъ-ли у пахаря соха бороздою, обращаются къ Артемію Скрыпѣ, и онъ ее исправитъ. Нуженъ-ли совѣтъ, когда семья заздоритъ, идутъ къ его посредничеству и онъ, обсудивъ дѣло съ доводами текстовъ священнаго Писанія, выскажетъ свое рѣшеніе, которое для спорящихъ сторонъ считалось непреложнымъ. Нужны-ли деньги бѣдняку на покупку лошади, коровы, поправку хилѣющей избы,—онъ достанетъ у своихъ богатыхъ духовныхъ чадъ и поможетъ непремѣнно.

Воскресныя бесѣды Артемія Скрыпы, на которыхъ читалъ и толковалъ онъ священное Писаніе, всегда бывали притягательнымъ центромъ. Какъ только соберется бывало нѣсколько человѣкъ слушателей, такъ онъ и лѣзетъ въ потайникъ подъ печью за какою-нибудь книгою, чтобы выбрать изъ нея подходящее чтеніе. Потайникъ этотъ закрывался стоячею доской „приступкой“, поворачивавшейся на внутренней невидимой штангѣ. Стоячая доска, прибитая фальшивыми скобами и гвоздями, глядѣла такъ естественно, что, не смотря на многіе тщательные обыски, никогда не выдавала своей тайны. Тамъ хранились старопечатныя книги и писанные цвѣтники, съ яркими рисованными картинами духовнаго содержанія, начиная съ житія св. Ѳеодоры и оканчивая Апокалипсисомъ Іоанна Богослова. Если слушатели составляли въ большинствѣ обыденную публику, читались житія Святыхъ—изъ Прологовъ и Четьи-Минеи, воскресное Евангеліе и толковый Апостолъ. Если-же собирались интимные друзья Артемія Скрыпы, знающіе много текстовъ св. Писанія, а въ особенности, если были на лицо, два грамотныхъ брата, кузнецы Мина и Андрей Григорьевичи—тогда доставались и читались книги: Кормчая, Степенная, Олонецкіе отвѣты Симеона Діонисьева, всегда вызывавшіе долгіе и горячіе споры. Память и начитанность Артемія Скрыпы, были замѣчательныя и съ нимъ никто не могъ сравняться въ этомъ изъ наставниковъ другихъ сектъ, въ родѣ „стариковщины“ и „скрывшихъ“. Нерѣдко онъ писалъ „по печатному“ полемическія посланія, въ

обличеніе другихъ „согласій“, и эти посланія ходили по рукамъ его грамотныхъ приверженцевъ.

Тогда въ обѣихъ смежныхъ деревняхъ—Кулаковой и Гусельниковой съ полутора-тысячнымъ населеніемъ не было ни церкви, ни школы, и учиться грамотѣ только и можно было у наставниковъ-старообрядцевъ—у „Скрыпы“ и „Якуни“. Теперь въ деревнѣ большая школа, въ которой обучается до 70 мальчиковъ и дѣвочекъ и строится новая церковь. Старообрядчество, не подвергаясь прежнему строгому гоненію, давно ослабло и бывшіе старообрядцы мало-по-малу мирятся съ Церковью и становятся православными.

Я засталъ Артемія Скрыпу въ возрастѣ лѣтъ 55, но совсѣмъ сѣдаго, хотя и бодраго, и жизнерадостнаго по настроенію. Его жизнь, подъ постояннымъ страхомъ быть пойманнымъ и пройти сквозь строй шпицрутеновъ, разрушала крѣпкую натуру и преждевременно его старила. Посты и молитвенныя бдѣнія, исполняемые имъ строго и неуклонно, вѣроятно, также отразились на его здоровьи. Онъ ѣлъ въ простое время два раза въ день молочную и рыбную пищу, а по средамъ и пятницамъ только хлѣбъ и постное „варево“ одинъ разъ. Въ Великій-же постъ, на первой и послѣдней недѣляхъ, не принималъ пищи въ понедѣльникъ и вторникъ, и только въ среду вечеромъ ѣлъ черный хлѣбъ и пилъ воду. Въ остальные дни Великаго поста питался только разъ въ день. Молитвенныя бдѣнія въ это время всегда были усиленныя, и всѣ поклоны поясные замѣнялись земными.

Такъ прожилъ Артемій Скрыпа, скрываясь въ деревнѣ Кулаковой около 40 лѣтъ. Умеръ онъ въ шестидесятыхъ годахъ и ночью былъ похороненъ на старообрядческомъ кладбищѣ. Вся деревня провожала его до мѣста вѣчнаго успокоенія, проливая слезы, какъ объ отцѣ, наставникѣ и благодѣтелѣ всѣхъ, къ нему прибѣгавшихъ. Деревянный памятникъ подъ названіемъ „голбчикъ“ безъ всякой надписи, да осьмиконечный крестъ наверху его, долго указывали мѣсто дорогой могилы. Голбчикъ уже сгнилъ, крестъ развалился и только едва замѣтное возвышеніе насыпи надъ могилою указываетъ еще на мѣсто успокоенія дѣда Артемія. Двѣ березки, возлѣ которыхъ нашли пріютъ бренные останки замѣчательнаго человѣка, разрослись теперь въ кудрявыя деревья и высоко шумятъ на воздухѣ. Природа мать покрыла зеленѣющей травой верхушку насыпи и каждую весну стелетъ коврикъ незабудокъ, да пѣвунъ-скворецъ, садясь поочередно на вѣтки двухъ березъ, выводитъ свои пѣсни, подражая разнымъ птицамъ...

II.

Мое отрочество и первая общественная служба.

Мнѣ шелъ десятый годъ, когда отца моего выбрали сельскимъ старшиною. Какъ ни была тяжела эта служебная обязанность родителю, но она была очередная, и посему являлась неизбѣжною. Ея главная задача состояла въ томъ, чтобы въ два періода въ году, собрать съ деревни подати и другія денежныя повинности, и сдать ихъ въ уѣздное казначейство. Ревизскихъ душъ у насъ въ деревнѣ числилось около 600 и денегъ собиралось примѣрно 2000 р., въ каждое полугодіе.

Великое горе моего отца, заключалось въ томъ, что онъ былъ неграмотенъ, и одинъ въ семьѣ работникъ, а спеціальному писцу надо было заплатить, въ теченіе года, за записыванье суммъ съ крестьянъ-плательщиковъ, 50 р. ассигнаціями. А ихъ какъ разъ и не было. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ и состоялся опять у насъ семейный совѣтъ, на которомъ, какъ всегда, присутствовалъ мой дядя Семенъ. Я живо помню это засѣданіе, не смотря на то, что съ тѣхъ прошло цѣлыхъ 52 года.

Въ праздничный день, въ горницѣ у насъ, сидятъ за столомъ: мой отецъ, мать, дядя Семенъ и тетка Анисья. Я пріютился около матери и съ любопытствомъ жду, что будетъ.

— Вотъ что Семенъ Егорьевичъ,—началъ отецъ,—скоро надо собирать подушщину (подать) и нанимать писаря. А денегъ-то у насъ платить ему и нѣтъ. Какъ быть, посовѣтуй Бога ради?

— Какъ быть?—повторилъ дядя Семенъ поставленный вопросъ,—а вотъ какъ: я на счетахъ хожу (кладу, складываю) хорошо; Микола пишетъ и читаетъ ладно. Я буду класть на счетахъ, онъ станетъ записывать въ книгѣ, а ты принимать деньги.

— Что ты, что ты дядя,—удивился отецъ,—да вѣдь денегъ

то тысячи, а ну какъ Микола-то напутаетъ, а мы просчитаемъ? Что тогда будетъ? Вѣдь мы совсѣмъ раззоримся.

— Э! Богъ милостивъ, не просчитаемъ. Дѣлать будемъ не торопясь, да провѣрять почаще. Ну-ка, принесите счеты, мы попробуемъ съ Миколой, походить на нихъ.

Счеты были принесены. Я сѣлъ рядомъ съ дядей.

— Вотъ видишь,—началъ онъ.—Первые четыре королька значатъ—чети копѣйки. Клади одинъ королекъ. Это будетъ четь копѣйки; потомъ клади еще два королька. Это будетъ двѣ чети копѣйки. Теперь у насъ положено три королька, а стало быть и три чети копѣйки. Ну клади еще одинъ, послѣдній королекъ—одну четь. Вотъ теперь у насъ положены всѣ 4 королька, 4 чети, значитъ—полная копѣйка. Смори (скинь) ихъ всѣ назадъ и положи, выше одинъ королекъ. Это будетъ одна копѣйка.

Я все это продѣлалъ и, повидимому, понялъ. Дядя продолжалъ свою лекцію дальше.

— Ну, вотъ, видишь, на второй проволокѣ десять корольковъ, каждый по копѣйкѣ. Когда ихъ всѣ положишь, будетъ десять копѣекъ. Скинь ихъ всѣ назадъ и положи, на верхней проволокѣ, одинъ королекъ. Это будетъ гривенникъ. Все равно, какъ еслибы ты десять мѣдныхъ копѣекъ, обмѣнялъ на одинъ серебряный гривенникъ. А теперь дальше смотри: каждый верхній королекъ въ десять разъ дороже противъ нижняго. Нижній королекъ—копѣйка, верхній—гривна, потомъ—рубль, еще выше—десять рублей, а потомъ—сто рублей.

Объясняя такимъ образомъ устройство счетовъ и разнообразя пріемы, дядя, въ одинъ урокъ, добился отъ меня того, что я сдѣлалъ ему, хотя и медленно, но безъ ошибки, его любимую задачу—положить на счетахъ суммы: „рубль безъ четверти“; „два безъ четверти“ и т. д. до „двадцати безъ четверти“. Итогъ-сумма выходила 205. Потомъ, изъ этой общей суммы, надо было „смаривать“ (скидывать) всѣ частныя суммы, но въ обратномъ порядкѣ, какъ напримѣръ: „двадцать безъ четверти“, „девятнадцать безъ четверти“ и т. д. до „рубля безъ четверти“.

Кончивъ со мною урокъ „хожденія на счетахъ“, дядя объявилъ моимъ родителямъ:

— Ну, вотъ видите, какъ у насъ пойдетъ дѣло складно, да по хорошему. Ты, зять—будешь деньги получать; Микола—записывать въ книгу; а я буду повѣрять на счетахъ. Нечего тужить, сами соберемъ подушшину и писаря не надо. Ты теперь

сходи, хоть завтра, въ волость и возьми оттуда раскладочную книгу, а мы съ Миколой, пока до сбора денегъ, въ эти три недѣли, позаймемся ей, посчитаемъ да приноровимся. А тамъ, Богъ дастъ и дѣло оборудуемъ. Да чего-же лучше—вспомнилъ онъ—сходи-ка завтра къ дѣдушкѣ Артемью Скрыпѣ, да посовѣтуйся съ нимъ.

Такъ и порѣшили.

На завтра отецъ и я пошли къ дѣдушкѣ Артемью.

— Здравствуйте,—сказалъ старикъ при нашемъ входѣ,—здорово братъ Никола. Ну, какъ живешь? ишь вѣдь какъ выросъ,—замѣтилъ онъ, ласково гладя меня по головѣ.

— Слава Богу,—отвѣтилъ я несмѣло.

— Небось по дѣлу. Ну, говорите, что вамъ надо.

Отецъ разсказалъ ему наше затрудненіе и объяснилъ совѣтъ дяди Семена.

— Ну, что-же, добре, добре совѣтуетъ Семенъ Егоровичъ. Я тоже думаю, что Никола съ этимъ дѣломъ справится. Вотъ только малый, на счетахъ еще не умѣетъ класть, да въ этомъ выручитъ васъ дядя Семенъ.

— Я на счетахъ ужь хожу,—замѣтилъ я.

— Ой-ли!—покачивая головой, отвѣтилъ дѣдушка. — Ну-ка покажи мнѣ, какъ ты это дѣлаешь. Вотъ тебѣ и счеты—придвинулъ онъ, снятый со стѣны инструментъ.

Счеты оказались малаго размѣра, противъ нашихъ старыхъ счетовъ крупныхъ и казалось мнѣ, какъ будто что-то въ нихъ иное. Я бойко началъ продѣлывать дядину задачу: „рубль безъ четверти“, но скоро спутался и покраснѣлъ.

— Ну, не бѣда, ошибся. Горя нѣтъ. Вѣдь ты только что началъ учиться, какъ-же сначала не ошибиться? Да, такія-ли у васъ и счеты-то, какъ у меня?

— Нѣтъ дѣдушка,—отвѣтилъ отецъ.—Счеты у насъ большіе.

— Вотъ то-то и есть. Пока къ чему не привыкнешь, все кажется, что-то иное. А ты милый, успокойся и давай, потихоньку, сложимъ дядину задачу.

Я снова началъ класть „рубль безъ четверти“ и сложивъ 20 суммъ безъ ошибки, нашелъ итогъ равнымъ 205.

— Ну, вотъ и слава Богу,—замѣтилъ Артемій Степановичъ.—Я зналъ, что выйдетъ ладно.

— Вотъ что,—сказалъ въ заключеніе дѣдушка,—начинайте съ Богомъ сами собирать подушшину. Никола, видимо, класть на

счетахъ будетъ хорошо, и всякую уплату запишетъ вѣрно. Пусть пока подъучится у Семена Егоровича. А тамъ и выйдетъ все ладно.

— Спаси-те Богъ за совѣтъ и ласку,—сказалъ отецъ, низко ему кланяясь.

Черезъ нѣсколько дней мой отецъ получилъ изъ волости раскладочную книгу и я перечитывалъ эту писанную тетрадь съ какимъ-то страхомъ, хотя въ ней только и было, что заголовокъ, перечисляющій, сколько приходится съ каждой ревизской души: государственной подати, земской повинности, мірскаго сбора, продовольственнаго капитала и пр., а потомъ поименный списокъ крестьянъ, деревни Кулакова, съ суммою въ графѣ линеекъ, противъ каждаго, слѣдующаго съ него, какъ выражались тогда, „взысканія“. Въ концѣ тетради, стоялъ итогъ всѣхъ сборовъ, прописью и цыфрами, да красовались копченыя печати волостнаго правленія и головы, съ замысловатой подписью волостнаго писаря. И тѣмъ не менѣе, тетрадь меня страшила. А ну, какъ—думалъ я,—надѣлаю ошибокъ? Вѣдь тогда мы въ конецъ разоримся и продадутъ у насъ гнѣдка и буренушку. О! Господи, помоги ты намъ въ этомъ горѣ, мысленно взывалъ я къ Богу.

Я досталъ гдѣ-то обрывокъ бумаги, разлиновалъ его по образцу раскладочной тетради и сталъ записывать воображаемые взносы подати, отъ Луки Мелкобродова. За нимъ значится предположилъ я,—4 р. 45 к. Вотъ онъ и приноситъ будто-бы, въ уплату 1 р. 20 к. Я записалъ крупнымъ почеркомъ: годъ, мѣсяцъ, число и сумму. Потомъ въ другое время, сумма взноса, будто-бы была 1 р. 50 к. и наконецъ, въ послѣдній разъ 1 р. 75 к. Все казалось вѣрно и хорошо. Я ликовалъ и радовался. Но вдругъ, замѣтилъ, что моимъ писаніемъ, я занялъ столько мѣста на бумагѣ, что заполнилъ имъ, чуть не три сосѣдніе участка раскладочной тетради. Какъ тутъ быть? Я долго находился въ затрудненіи, пока на догадался сократить слова и писать болѣе мелко.

Вопросъ рѣшенъ, наконецъ, совсѣмъ, и вотъ, я писарь сельскаго старшины, моего отца.

Въ скоромъ времени, отецъ мой, получилъ изъ волостнаго правленія и атрибутъ власти—желѣзную печать, со словами „сельскій старшина“ которую неграмотные люди, накоптивъ на свѣчкѣ, или на берестѣ, прикладываютъ къ документамъ, подлежащимъ ихъ удостовѣренію, какъ напр.: сельскій приговоръ, квитанція въ

пріемѣ подати и пр. въ знакъ того, что какъ-бы данную бумагу они ее, своей рукою, подписали.

Отецъ соорудилъ легкій деревянный ящикъ, для вкладыванія сбоку раскладочной тетради; мать сшила изъ холста футляръ, — мѣшокъ съ бѣлымъ крѣпкимъ шнуромъ на устьѣ,—для того чтобы ящикъ класть въ футляръ, а потомъ, носить его, держа за шнуръ, черезъ плечо, когда требовалось являться въ Волостное Правленіе, въ Уѣздное Казначейство, или ходить по городу за сборомъ податей, по домамъ и квартирамъ проживающихъ тамъ крестьянъ деревни Кулаковой. Я каждый день съ успѣхомъ упражнялся съ дядею Семеномъ въ „хожденіи на счетахъ" и видимо усваивалъ удачно счетную премудрость, что такое значитъ „четь" копѣйки и какъ считать и смаривать задачу „рубль безъ четверти".

Приближалось первое воскресенье сбора податей первой половины года. Въ субботу, двумъ десятникамъ отданъ былъ отцомъ моимъ приказъ обойти всѣхъ домохозяевъ нашей деревни, постукивая подъ окнами палкою и каждому сказать: „Эй, хозяинъ, завтра подушнину неси, къ старшинѣ Чукмалдину". Рано утромъ въ воскресенье пришелъ къ намъ дядя Семенъ. Мать зажгла передъ иконой въ горницѣ восковую свѣчу. Всѣ мы, отецъ, мать, я и дядя помолились Богу, съ началомъ и земными поклонами, прося усердно помощи въ предстоящихъ намъ трудахъ общественнаго дѣла. Въ переднемъ углу поставили столъ. Положили на него раскладочную тетрадь и счеты; поставили пузырь чернильницу съ гусинымъ перомъ; песочницу, подсвѣчникъ съ сальной свѣчкой и должностную печать. Дядя Семенъ сѣлъ на лавку въ самый уголъ; отецъ помѣстился съ одного конца стола, съ двумя холщевыми мѣшками для серебра и мѣди съ одной стороны и ящичкомъ, съ украшеніями изъ соломы, для кредитныхъ билетовъ, съ другой. Я-же примостился на противуположный конецъ стола, съ раскладочной тетрадью и чернильницей.

Явился первымъ плательщикомъ, крестьянинъ Петръ Носыревъ.

— Богъ помочь вамъ,—помолившись на икону въ переднемъ углу, сказалъ онъ.

— Милости просимъ—отвѣтилъ отецъ.—Ну что, Петрованъ, подати принесъ?

— Да, принесъ: пока только 5 р. ассигнаціями. А тамъ Богъ дастъ, какъ продамъ сани, принесу опять.

Говоря это, онъ высыпалъ изъ рукавицы на столъ серебря-

ный цѣлковый и пятнадцать мѣдныхъ гривенъ, прежняго чекана. Отецъ сосчиталъ деньги и разложилъ ихъ въ мѣшки: серебро въ одинъ, мѣдь въ другой. Дядя Семенъ перевелъ счетъ денегъ съ ассигнацій на серебро, причемъ оказалось = 1 р. 43 к.

— Ну, Микола—сказалъ мнѣ отецъ —ищи въ книгѣ Петра Носырева и запиши деньги.

Я быстро отыскалъ въ строкѣ имя и фамилію плательщика, за которымъ значилось податей и другихъ повинностей 6 р. 57 к. серебромъ (23 р. ассигн.).

— А теперь пиши братъ, что получено-молъ, отъ Петра Носырева подати 1 р. 43 к.

— Тятя,—возразилъ я,—да тутъ мало мѣста, чтобы уписать Петра Носырева.

— Эхъ братъ, да какъ-же быть-то, вѣдь надо?

— Нѣтъ мѣста, и не пиши — вмѣшался дядя Семенъ. — Пиши только, что вотъ, 10 января получено 1 р. 43 к. и довольно.

— Петръ Носыревъ—замѣтилъ я робко—въ книгѣ ужъ написано. Я запишу только деньги 1 р. 43 к.

— Ну и ладно—согласился отецъ. Теперь пиши ему съ писарской бумажки „квитанцу“.

Я началъ списывать съ образца квитанцію, что вотъ, такого то года, мѣсяца и дня, получено съ крестьянина Петра Носырева, подати 1 р. 43 к. въ чемъ и приложена, сельскаго старшины Чукмалдина, печать.

Я прочиталъ вслухъ мою первую въ жизни дѣловую бумагу. Отецъ и дядя ее одобрили. Послѣ этого, отецъ накоптилъ на свѣчкѣ желѣзную печать и передалъ мнѣ, чтобы не приложить ее, по его словамъ, „кверху ногами“. Я лизнулъ языкомъ мѣсто на концѣ квитанціи и надавилъ печать изо всей силы. Печать вышла правильно и ясно. Дядя Семенъ сказалъ:

— Хорошо. Молодецъ племянникъ.

Я торжествовалъ.

Подходили другіе плательщики и сдавали также деньги. Процедура счета, записыванье суммъ и выдача квитанцій продолжались тѣ-же, какъ и у перваго плательщика. Мы просидѣли весь зимній день, принимая деньги, записывая ихъ въ книгу и выдавая квитанціи.

Къ сумеркамъ законченъ былъ пріемъ; денегъ оказалось нѣсколько сотенъ. Мы наскоро пообѣдали и потомъ принялись за

провѣрку кассы съ записью. Отецъ пересчитывалъ деньги, я читалъ по тетради суммы, а дядя Семенъ считалъ на счетахъ. Все оказалось вѣрно. Отецъ мой перекрестился и сказалъ:

— Слава тебѣ Господи. Ужь видно Богъ намъ помогаетъ. — Мать, а мать! — крикнулъ онъ черезъ сѣни въ избу — иди-ка сюда.

Мать вошла.

— Говори: слава Богу! Сколько мы денегъ собрали сегодня, и все сошлось у насъ вѣрно. Спасибо скажи дядѣ Семену за совѣтъ и помощь! А Микола-то, все вѣдь записалъ вѣрно!

Мать выслушавъ, стала меня ласкать и цѣловать. Дядя Семенъ, самодовольно улыбаясь, замѣтилъ:

— Ну что? Видите теперь, какъ все у насъ пошло хорошо? А то, нако-ся, чужаго писаря нанимать? На что намъ его; мы и сами справимся.

Такъ продолжалось дѣло нѣсколько праздничныхъ дней, пока денегъ накопилось столько, что надо было, съ рапортомъ и вѣдомостью волостнаго правленія, въ обществѣ волостнаго головы и писаря, ѣхать моему отцу въ Тюмень, сдавать ихъ въ казначейство. Рано утромъ собрались мы съ нимъ въ эту поѣздку. Гнѣдко былъ заложенъ въ „кашеву" и мы примкнули у волости къ земской парѣ лошадей съ колокольчиками, на которой ѣхали впереди насъ волостной голова и писарь.

Въ казначействѣ народу было много и намъ пришлось долго дожидаться очереди, пока приняли отъ насъ деньги. Страхъ для насъ уѣзднаго казначейства былъ не столько въ томъ, чтобы, сдавая деньги, рисковать прочетомъ, а главное въ томъ, чтобы въ массѣ денегъ не оказалось какъ-нибудь фальшивыхъ. У кого оказывались фальшивые кредитные билеты или монеты, тому приходилось трепетать. Кромѣ прямого убытка, пугала волокита слѣдствія и суда, которую ни съ какимъ убыткомъ нельзя было и ровнять. Но и сдача денегъ, сошла у насъ совсѣмъ благополучно.

Послѣ этого отецъ мой, перекинувъ черезъ плечо холщевый мѣшокъ съ раскладочной тетрадью въ ящикѣ, пошелъ со мной по городу собирать подати съ крестьянъ нашей деревни, тамъ проживающихъ, кто въ своихъ домахъ за Тюменькою, а кто въ работникахъ, на кожевенныхъ заводахъ. Ревизскихъ, податныхъ душъ деревни Кулаковой, въ городѣ значилось около 40, и мы нѣсколько часовъ ходили безпрерывно, изъ одной части города въ другую, получая деньги, пока къ сумеркамъ не кончили всего обхода. Не смо-

тря на то, что по дорогѣ мы съѣли по калачику, я проголодался и усталъ такъ, что еле волочилъ ноги и какъ только добрался до своей кашовки, такъ и уснулъ въ ней, какъ убитый. Проснулся я въ своей уже избѣ, въ деревнѣ, ночью; отецъ и мать сидѣли за столомъ и ужинали. Какъ пріѣхали мы изъ города въ деревню, какъ вынесли меня соннаго изъ кашовки, я ничего этого не слышалъ и не помню.

— Ну, что, проснулся Микола?—сказалъ отецъ,—иди покушай. Мы съ тобой, вѣдь, братъ, шибко сегодня потрудились.

— А здѣсь ужь были дядя Семенъ и тетка Анисья—добавила мать, поднимая меня съ лавки.—Все спрашивали, какъ вы съ отцомъ сдавали деньги въ казначейство. Ну, что видѣлъ теперь городъ? Правда, какой онъ большой, да хорошій?

— Правда, мама, правда,—заговорилъ я.—Ужъ такой-то онъ большой, что страсть! Идешь, идешь по улицамъ и конца не видно. А какіе дома большіе да высокіе! Вотъ, домъ Зырянова каменный большущій, пребольшущій: два этажа; внизу лавки съ желѣзными дверями, а дворъ весь выстланъ плахами (досками)... Я сталъ припоминать и огромныхъ собакъ, что какъ залаютъ, такъ и отдается по всѣмъ постройкамъ. Страшно даже туда войти. Припомнилъ, какъ мы проходили базаромъ, на которомъ чего только не было! И пряники, и карамельки, и сапоги, и этакіе картузы съ заломомъ—чудо!

— Ну, хорошо, мой милый,—отвѣтила мнѣ мать.—Иди-ка лучше да поѣшь. А мы поговоримъ съ тобой объ этомъ завтра.

День за день, недѣля за недѣлей, въ этотъ годъ службы моего отца сельскимъ старшиною, мы собрали въ началѣ и концѣ года, всѣ подати и повинности, сдавъ ихъ въ казначейство, безъ всякаго прочета. Прежній сельскій писарь, тотъ самый, который раньше занималъ мою должность, часто стращалъ моего отца „прочетомъ“, добавляя:—ну, гдѣ же видано „робенку подати записывать“, но въ концѣ концовъ и онъ долженъ былъ замолкнуть. Многіе крестьяне меня похваливали, а иные прибавляли нѣсколько скептически:

— Хорошо имѣть такого дядю, какъ Семенъ Егоровичъ. Съ нимъ справлять дѣла, что-тебѣ за каменной стѣною.

Но какъ-бы ни было, дѣло сдѣлано и репутація моя, какъ деревенскаго грамотѣя—счетчика, росла не по днямъ, а по часамъ. На слѣдующій годъ, вновь выбранные сельскіе старшины, стали предлагать моему отцу, отпустить меня къ нимъ на время сбора

податей, за писаря. Преемникъ моего отца, старшина Корнилъ Пимневъ, предложилъ даже жалованье 60 р. ассигнаціями въ годъ (17 р. 14 к.). Отецъ и мать долго не соглашались на это предложеніе, но совѣтъ родныхъ, дяди Семена и тетки Анисьи, громко заявившей—„пусть-де знаютъ нашихъ“—и наконецъ жалованье, деньги, казавшіеся тогда значительными, одержали верхъ надъ всякимъ опасеніемъ моихъ родителей. Соглашеніе состоялось.

Черезъ день—другой, пріѣзжаетъ къ намъ старшина смежной деревни Гусельниковой, Нестеръ Мелкобродовъ и тоже предлагаетъ отпустить меня къ нему для записыванія счета податей, за 50 р. асс. въ годъ. Сначала родители совсѣмъ ему отказали, сказавъ, что я уже нанятъ Кулаковскимъ старшиною. Однакожъ, чрезъ нѣсколько дней, Мелкобродовъ снова пріѣзжаетъ, съ тѣмъ-же предложеніемъ, добавляя, что онъ уговорился съ Кулаковскимъ старшиною распредѣлить мое занятіе: въ Кулаковѣ съ утра до полудня, а въ Гусельниковѣ съ полудня до вечера. Мои родители продолжали отказываться, заявляя, что заниматься у двоихъ старшинъ одинадцати-лѣтнему мальчугану будетъ трудно и, сохрани Богъ, что-нибудь напутаетъ, грѣхъ большой возьмутъ они, на свою душу.

Но старшина упрашивалъ съ такой настойчивостью „явить ему божескую милость“, увѣряя, что онъ самъ, или его племянникъ, каждый разъ, на своей лошади, будутъ меня привозить и отвозить, тепло меня закрывая, что отецъ и мать, въ концѣ концовъ, предварительно испросивъ на то согласіе у старшины Пимнева, согласились. Такимъ образомъ, весь 1849 годъ,въ первые и послѣдніе мѣсяцы его, по праздникамъ, а иногда и въ будни, съ ранняго утра до полудня, я занимался записываніемъ и подсчетомъ платежей податей и повинностей—у Кулаковскаго старшины; а съ полудня до сумерекъ—у Гусельниковскаго. Лошадка въ кашевѣ, ждала меня каждый разъ, когда надо было ѣхать въ смежную деревню, или возвращаться домой.

Занятія по сбору податей шли у насъ своимъ порядкомъ, вполнѣ успѣшно. Прочетовъ денегъ не было. Ко мнѣ стали даже обращаться за разрѣшеніемъ щекотливыхъ вопросовъ: не фальшивы-ли такія-то бумажки, серебро и золото? Я ѣздилъ съ Кулаковскимъ старшиною въ городъ, за сборомъ податей и ходилъ съ нимъ, точно такъ-же, какъ съ отцомъ моимъ, по разнымъ улицамъ, гдѣ жили Кулаковскіе крестьяне. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, старшина купилъ мнѣ книжку „Еруслана Лазаревича“. Вотъ было радости-то

у меня прочесть первую книжку гражданской печати, какая мнѣ попадалась! Нетерпѣніе знать, что въ ней содержится, такъ было велико, что я зимою, на ходу, по улицамъ отъ одного двора къ другому, прочиталъ ее, отъ перваго листа до послѣдняго. Потомъ привезъ ее домой и часто вечерами перечитывалъ опять, волнуясь и любуясь героемъ сказки, съ полнымъ увлеченіемъ.

Еще въ практикѣ съ отцомъ и дядей, я научился бѣгло и хорошо „ходить на счетахъ“ и легко справляться съ переводомъ денегъ съ ассигнацій на серебро. Крестьяне-же съ большимъ трудомъ привыкали къ такому переводу. Имъ все казалось непонятно, для чего, надобно считать совсѣмъ не такъ, какъ оттиснуто на деньгахъ, къ которымъ они привыкли и уже дали имъ свои ходячія названія: грошъ, пятакъ, гривна—мѣдякамъ; четвертакъ, полтинникъ, цѣлковый—серебру; и синяя, красная, мѣшочная—кредиткамъ. Изволь переводить для чего-то въ серебро, въ три раза съ половиной меньше, наши гривны и синюхи,—разсуждали они по своему. Деревенскій бардъ, составилъ даже пѣсню, какъ гуляетъ хвастливый человѣкъ, а у него въ карманѣ:

. . . блоха на арканѣ
Да копѣйка серебромъ.

Чаю по деревнямъ тогда не пили, и въ видѣ угощенія мнѣ въ домахъ старшинъ, ставили: кедровые орѣхи или, порою, пряники. Разъ какъ-то старшина Пимневъ подарилъ мнѣ крупную игрушку, имъ самимъ устроенную—мельницу съ полнымъ подвижнымъ составомъ и жерновами, которая во время вѣтра—вертѣла крыльями, гремѣла шестернями и колесами, а верхній жерновъ кружился какъ волчокъ. Радости моей не было границъ, когда самъ старшина принесъ ее къ намъ въ домъ и установилъ на высокомъ столбѣ нашего двора. Какъ только потянетъ вѣтерокъ, крылья завертятся — мельница моя начнетъ молоть, а я собою изображаю, въ это время, мельника, яко-бы наблюдающаго за нею. Сколько зависти, бывало, у сосѣднихъ ребятъ къ владѣльцу такого неоцѣнимаго сокровища. И очень счастливъ бывалъ тотъ товарищъ мой, котораго я, порою, удостою разрѣшенія—слазить по лѣстницѣ къ поверхности столба, чтобы взглянуть вблизи на это чудо.

Вспоминаются мнѣ нѣкоторые товарищи и друзья дѣтства. Вотъ, сосѣдскій сынъ Илюша, тихій, скромный, не по годамъ задумчивый. Онъ былъ старше меня на 2, на 3 года. Бывало, въ какой нибудь игрѣ, всѣ веселы, выкрикиваютъ громко, хохочутъ безъ

удержа, а онъ смѣется тихо, или только улыбается, да такъ печально, что вотъ, кажется, такъ-бы взялъ и заглянулъ къ нему въ сердце. Иной разъ не утерпишь и невольно спросишь:

— Илюша, ты не боленъ-ли?

— Нѣтъ, не боленъ — отвѣтитъ онъ, и съ этимъ словомъ поведетъ игру усиленно и засмѣется какъ-то громко и ненормально.

Что причиной было Илюшина характера, сказать теперь я не съумѣю, но думаю, что нелады въ его семьѣ и бѣдность крайняя, положили на него подобную печать скорби и угнетенія. Отецъ его много лѣтъ подъ рядъ былъ боленъ и не выходилъ изъ дома, а мать не отличалась домосѣдствомъ. Мальчикъ выросталъ подъ гнетомъ этихъ условій и складывался въ натуру грустную, въ страдальческій типъ. Любилъ онъ порою пѣть пѣсни и пѣлъ чудесно. Лѣтомъ, очень часто, какъ только выйдешь, бывало, въ узкій переулокъ, сзади нашего задворья, тамъ уже и раздается теноръ, поющаго Илюши. Семья его пашни не пахала и Илюша, изо дня въ день, зимой и лѣтомъ мастерилъ „накладки“ *) для продажи на базарѣ. Какъ только наступала легкая работа въ этомъ ремеслѣ—рѣзать зарубки **), закладывать лучинки,—такъ и начинаются Илюшины пѣсни.

17-ти лѣтъ Илюша умеръ.

Былъ у меня другой товарищъ, Федя Пимневъ, однихъ со мною лѣтъ, мальчикъ шустрый и веселый. Бывало, всякая игра затѣвается имъ первымъ.

— Сегодня будемъ въ бабки играть — скажетъ онъ, и мы играемъ въ бабки.

— Давайте въ мячикъ играть, „въ отсталые“, — заявитъ онъ въ другой разъ, и вся ватага ребятишекъ, играетъ въ мячикъ.

Припоминается мнѣ еще товарищъ Семка Кожанъ. Этотъ мальчикъ былъ угрюмъ, любилъ бороться и бѣгать въ запуски. Лицо имѣлъ бронзоваго цвѣта, волосы черные, курчавые, фигуру нескладную и длинныя ноги. При всякихъ спорахъ за товарищей стоялъ горою и никогда не пускался въ разсужденія, правъ или не правъ его товарищъ: „Кто не за насъ тотъ супротивникъ“ — таковъ бывалъ его отвѣтъ на всякіе вопросы.

Были еще у меня пріятели, два брата — Степа и Василій

*) Полукруглая кибитка на телѣгу.
**) Украшенія на передней дугѣ.

Пимневы. Василій, удалая голова, идущая на проломъ, гдѣ-бы не попало. Степа-же былъ мальчикъ чинный, аккуратный. На Васильи платье всегда замарано и изорвано, у Степы-же всегда оно чисто и пуговицы на своихъ мѣстахъ. Василій въ играхъ былъ забіяка, кричалъ безъ смысла и толку громче всѣхъ; Степа же игралъ тихо, скромно и правила игры соблюдалъ строго...

* *
*

Лѣтомъ жилось гораздо веселѣе, чѣмъ зимою и осенью. Весною пашня, потомъ покосъ, ходьба по ягоды и жатва, изо дня въ день, незамѣтно заполняли время. Я помогалъ отцу: весной—рубить дрова, боронить поля; на покосѣ — сгребать сѣно, возить копны; въ жатву—таскать снопы и вообще дѣлать все то, что требуется отъ деревенскаго мальчугана. Не было ничего пріятнѣе и веселѣе лѣтомъ, какъ ходить съ бабушкой Аксиньей за ягодами—земляникой и клубникой. Бывало, бабушка выйдетъ на крыльцо нашего дома и группѣ ребятишекъ скажетъ:

— Ну, дѣтва, хотите по ягоды идти?

— Хотимъ, бабушка, хотимъ. Ты дорогой, скажешь намъ, новую сказку.

— Знала я, дѣтки, сказки—отвѣтитъ, бывало, бабушка—да всѣ разсказала.

— Ну скажи намъ, бабушка, опять про бабу-Ягу и Глинышка.

— Ишь какіе! который разъ мнѣ вамъ пересказывать?

— Еще бабушка скажи разочекъ—кричимъ мы хоромъ.

— Ну, инъ такъ и быть. Вотъ только взойдемъ на горку, тамъ и примемся за сказку. Собирайте посуду.

Мигомъ бросаемся мы, кто за чашкой, кто за корзиной, или за берестянымъ туесомъ *) и чрезъ нѣсколько минутъ, наша экспедиція уже готова.

Деревней идемъ чинно, на горку бросаемся въ запуски, и тамъ дождавшись бабушки, опять идемъ тихонько до поскотинныхъ воротъ. Тутъ всегда привалъ и остановка. Бабушка, снимаетъ чарки **), чтобы идти по травѣ босикомъ, и начинаетъ пѣвучимъ голосомъ сказку:

---

*) Берестяная кружка съ деревяннымъ дномъ и крышкой. Въ крышкѣ ручка.

**) Родъ большихъ кожаныхъ туфель, опушенныхъ краснымъ сукномъ, въ которомъ пропущены «завязки» (шнурки).

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жила была баба-Яга страшная: блинчики пекла, дѣтей заманивала, Глинышка-мальчика излавливала и т. д.

Сказка лилась въ ея разсказѣ такъ плавно и пѣвуче, что мы старались идти тихо, толпясь какъ можно ближе къ ней, чтобы не проронить ни единаго слова. Пока идетъ разсказъ о приключеніяхъ Глинышка, мы незамѣтно достигаемъ знаменитаго „Увала“ въ Большихъ Логахъ, гдѣ всегда бывало множество клубники. Ягода зрѣлая, сочная, такъ и рдѣетъ на солнечномъ припекѣ. Мы начинаемъ брать сначала не столько въ чашки и корзинки, сколько въ ротъ. Потомъ, налакомившись, начинаемъ соревнованіе, кто больше наберетъ и у кого ягода будетъ лучше.

Но вотъ, посуда полна,—пора домой.

— Ну, ребятки—скажетъ бабушка — пойдемъ тихонько. Я нашла въ карманѣ еще сказку. Чуръ, только слушать смирно:

— „Стану я благословясь, пойду перекрестясь, на восточную сторонку, ко синю морю. И стоитъ тамъ гора высокая, и лежитъ тамъ камень Алатырь...“.

И пойдетъ старая разсказывать сказку, слово за словомъ, какъ нанизывать жемчугъ, нитку за ниткой.

Мы снова слушаемъ съ замираніемъ сердца. И гдѣ это бабушка беретъ такія славныя сказки, бывало, думаешь упорно. Все-то у ней такъ складно и пѣвуче.

Славная старуха была эта бабушка!

Наступала осень и зима—пора работъ молотьбы хлѣба, вывозки дровъ и сѣна, а въ свободное время ремесла по выдѣлкѣ хряселъ *), деревенскихъ саней и пошевней **). Для молотьбы хлѣба требовалось всегда 4 человѣка, составлявшихъ дружную, спѣвшуюся группу, умѣло владѣвшую цѣпами, а потому всегда молотильщиковъ нанимали изъ крестьянъ Туринскаго уѣзда, подъ именемъ „молотягъ“. Обычаемъ требовалось только, чтобы самъ нанимающій хозяинъ съ вечера высушивалъ овинъ съ хлѣбомъ. Я всегда любилъ ходить съ отцомъ „сушить овинъ“, хотя помощи моей, въ этомъ случаѣ и не требовалось. Темной ночью бредешь, бывало, къ овину, неся съ собой—огниво, трутъ, сѣрныя спички и растопку. Пройдя туда, лѣзешь въ овинную яму, по крутому бревну, съ вырубленными ступеньками, замѣнявшему лѣстницу, чтобы сложить костеръ изъ дровъ и зажечь его. Огонь

*) Хрясла—верхняя часть телѣги.
**) Пошевни—сани съ высокими стѣнками, обтянутыми лубомъ.

разводился умѣренный, чтобы какъ-нибудь не попала искра въ хлѣбъ и не произвела пожара. На случай приставанія искры къ потолку, всегда имѣлась шайка съ водою и на длинной палкѣ вѣникъ. Все время, пока продолжалась сушка овина, насаженнаго снопами хлѣба, нужно было сидѣть около огня, то подкидывая дровъ, то поправляя очагъ, то зорко посматривая на потолокъ и колосники, нѣтъ-ли гдѣ тлѣющей искры.

III.

Въ тайгѣ.

Послѣ Ильина дня и покоса, бывали годы, что цѣлыя семьи нашей деревни отправлялись караваномъ къ сѣвернымъ Татарамъ за сборомъ брусники. Такой походъ за болота и озера, требовалъ обыкновенно особенныхъ приспособленій. Прежде всего надо было выбрать лошадь, которая умѣла-бы ходить болотами, не проступаясь въ топкую трясину. Умѣлая лошадь ставитъ переднюю ногу на зыбкую болотистую кору—тихо и осторожно, а заднюю кладетъ плашмя до колѣна. Неумѣлая-же, ставитъ ногу быстро и прямо, прорѣзая кору копытомъ и часто проваливается до живота. Съ такою лошадью въ болотномъ пути, одно мученіе.

Потомъ надобно имѣть телѣгу съ накладушкой, покрытую берестою и съ колесами безъ шинъ. Къ телегѣ привязывается длинная доска, какъ подвижный матеріалъ для понтоннаго моста, если встрѣтится непроходимая инымъ путемъ полоса болота. Въ телѣгѣ помѣщались: пологъ, одежда, посуда, топоръ, лопата, съѣстные припасы и другія принадлежности нужныя для кочевки въ дремучемъ лѣсу, въ теченіе цѣлой недѣли времени. Въ такую экспедицію обыкновенно собирались по семи и до десяти семей.

Выѣзжали изъ дома всегда рано утромъ, чтобы къ вечеру пріѣхать въ Верхніе Тарманы—послѣднее жилое татарское поселеніе къ сѣверу отъ насъ, отстоящее отъ Кулаковой верстъ на 25, позади болотъ и озеръ, какъ разъ на границѣ вѣковаго хвойнаго лѣса. Дорога шла 15 верстъ лугами и гривами, ровная и гладкая,а дальше верстъ на 10 тянулись топкія болота, гдѣ надо было пробираться по окраинамъ, черезъ ракитникъ и кочки. По принятому обычаю, впереди обоза шелъ вожакъ; за нимъ тянулись гуськомъ взрослые мужчины и женщины; а сзади, лошадьми управляли дѣти и подростки. И какъ ни бывалъ опытенъ вожакъ,

но въ обозѣ то и дѣло раздавались крики: „Эй, тятька, лошадь утонула!“ Тогда всѣ взрослые спѣшили къ мѣсту остановки, гдѣ обыкновенно лошадь погрузила ноги въ черную болотистую жидкость и безпомощно мотала головою. Мигомъ освобождали ее отъ запряжки, подводили доски и вытаскивали лошадь бокомъ. Послѣ этого, для проѣзда остальныхъ телѣгъ обоза, въ обходъ провала, подыскивалось болѣе крѣпкое мѣсто, а гдѣ его не находили, тамъ строили изъ запасныхъ досокъ понтонный мостикъ, которымъ и переѣзжали растоптанную „няшу“ болота. На такомъ мѣстѣ всегда ставили затѣмъ вѣху, предупреждающую объ опасности.

Но вотъ заблеститъ, бывало, зеркальной гладью Тарманское озеро, а на берегу его затемнѣются дома, съ высокими бѣлыми трубами, Тарманскихъ юртъ, или проще говоря, татарскаго поселка. Болота шли къ концу; чѣмъ дальше, тѣмъ дорога была лучше и почва колебалась подъ нашимъ поѣздомъ все меньше и меньше. Теперь для глаза уже незамѣтны становились волны болотнаго покрова, какія часто видѣлись, при проѣздѣ, чрезъ центральныя трясины. Вожакъ командовалъ: „въ повозки“ и всѣ, усѣвшись на телѣги, крупнымъ шагомъ подвигались къ татарской деревушкѣ. На окраинѣ ея, встрѣчала стая собакъ, съ неистовымъ лаемъ бросавшаяся къ лошадямъ. За нею шли двое Татаръ, знакомыхъ нашему вожаку—Селимъ и Багай.

— Здорово братъ Корма— кричали они издалека.—Что, за ягодъ пошолъ? Карашо!

— Собрались за ягодами. Укажи, пожалуйста, гдѣ переночевать.

— Ходи ко мнѣ—зоветъ Селимъ.—Рыба дамъ, молока дамъ, всего дамъ.

Поѣздъ нашъ линіей вытягивается по улицѣ, противъ Селимова дома. Мы, дѣти, высыпаемъ изъ кибитокъ, глазѣть на грязную, но пеструю и занимательную толпу татарскихъ ребятишекъ, одѣтыхъ въ рваныя рубахи, съ аракчинами на головахъ мальчиковъ, бусами и монетами на шеяхъ дѣвочекъ. Лошадей отпрягаютъ, и ставятъ подъ крышу. Оглобли отъ телѣгъ поднимаютъ кверху, а самыя телѣги сдвигаютъ одна къ другой поближе. Однѣ изъ нашихъ женщинъ, идутъ къ Селимовымъ коровамъ, обмыть имъ вымя и подоить въ свои посуды, дабы не оскверниться молокомъ татарскаго доенія. Другія отправляются къ озеру за водой, также со своей посудой.

Всѣмъ татарскимъ домашнимъ обиходомъ русское населеніе

пренебрегало и относилось къ нему, какъ къ чему-то непотребному, съ чѣмъ грѣхъ даже соприкасаться. Всякая татарская посуда, ихъ хлѣбъ, молоко и мясо, признавалось поганымъ и для христіанина неподходящимъ. Теперь, пожалуй, такое отношеніе къ инородцамъ покажется довольно страннымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ домашнемъ обиходѣ было всюду хорошо вымыто и чисто. Съ этой стороны они стояли ничуть не ниже многихъ христіанскихъ домохозяевъ. Одно у нихъ казалось дурно—это выдача собакамъ, всѣхъ остатковъ пищи, въ тѣхъ-же самыхъ чашкахъ, изъ которыхъ ѣли инородцы сами. Это ужъ для насъ, несомнѣнно, было „погано".

*
* *

Вотъ, на берегу большаго озера запылало нѣсколько костровъ, закипѣли котелки съ рыбой и провизіей. Вынимались изъ телѣгъ: скатерти, посуда и стлались и ставились на чистомъ песчаномъ берегу. Весь таборъ разбивался группами, и каждая отдѣльно разсуждала о своихъ дѣлахъ. Женщины возились съ котелками и провизіей, громко восклицая: „ахъ, батюшки, рыба пригорѣла!", „ахъ, соли положить забыла!" а мужчины толковали съ мѣстными Татарами, добиваясь самой низкой платы „ясака", за право собирать бруснику въ ихъ татарскихъ сограхъ и лѣсахъ. Татары требовали полтину съ человѣка, а наши старики давали по двѣ гривны. Кончили на томъ, что „ясакъ" условили—двѣ гривны съ человѣка и по шкалику съ телѣги полугара, когда пріѣдутъ Татары сами, къ намъ въ деревню.

Рано утромъ на другой день, таборъ нашъ выѣхалъ изъ юртъ по направленію къ сограмъ и сосновымъ лѣсамъ, гдѣ особенно водится брусника. Дорога шла, сначала песчаными буграми, незамѣтно поднимаясь выше и вдвинулась потомъ, черезъ подлѣсокъ, въ густой сосновый боръ, пока совсѣмъ не исчезла. Дальше приходилось подвигаться гривами и косогорами, полагаясь только на особенное чутье и знаніе мѣстъ нашихъ вожаковъ. Тамъ и сямъ, около сосенъ, попадалась спѣлая брусника, но мы не останавливались и ѣхали все дальше и дальше. Порою на прогалинахъ, на пескѣ, попадался намъ свѣжій слѣдъ медвѣдя—то отпечатывались лапы съ когтями, то валялся пометъ. Но это сосѣдство какъ-то не казалось страшнымъ. Лошади шли весело, а „ботала" у нихъ звенѣли сильно, отдаваясь громкимъ эхомъ, въ высокомъ и кондовомъ лѣсу сосны и ели. Но вотъ поднялись на возвышенную гриву и подвигаясь далѣе, спустились въ согру, гдѣ въ пе-

ремежку съ елью, росли кустарникъ и береза. Вблизи ея на отлогомъ холмикѣ, между купъ высокихъ сосенъ, старики опредѣлили мѣсто для нашего становища. Первымъ дѣломъ, вожаки спустились на опушку низменнаго мѣста, между согрой и урманомъ, чтобы выкопать колодезь и брать оттуда воду; всѣ-же остальные люди устраивали лагерь: устанавливали полукругомъ телѣги, поднимали оглобли, натягивали пологи и раскладывали въ центрѣ полукруга костеръ, для постояннаго огня. Отпрягли и спутали лошадей, которыя, похрапывая и звеня боталами, усердно принялись щипать сочную траву, въ ложбинахъ, вокругъ нашего становища...

Часа черезъ два, вожаки вернулись въ лагерь и объявили всѣмъ, что колодецъ выкопанъ, подмостки къ нему сдѣланы и вода, пожалуй, „отстоялась". Костеръ изъ сухихъ сучьевъ и смольняка, былъ подожженъ и пылалъ на славу, разнося дымъ между вѣтвей деревьевъ. Около него вколотили рогатые колья, какъ подставки для тагана, по числу семей и навѣшали на длинной палкѣ котелки съ водою. Началось живое, полное суеты, приготовленіе горячаго обѣда. Тѣмъ временемъ вожаки пошли на развѣдки, разыскивать поляны и бугры по санрамъ, гдѣ особенно растетъ брусника. Черезъ часъ они вернулись съ хорошими вѣстями: ягоды кругомъ, по ихъ словамъ, было видимо-невидимо, а въ доказательство своихъ рѣчей высыпали намъ по пригоршнѣ крупныхъ спѣлыхъ ягодъ.

Весь вечеръ перваго дня прошелъ у табора въ окончательномъ устройствѣ лагерной стоянки и ужина. Кто рубилъ изъ сухоподстойника дрова, запасая на ночь; кто присматривалъ за лошадьми, бродящими по низменностямъ, а кто рубилъ еловыхъ вѣтокъ для прикрытія телѣгъ и пологовъ. Женщины возились съ домашнимъ скарбомъ, приводя въ порядокъ посуду и запасъ провизіи. Мы, дѣтва, весело шумѣли въ новой обстановкѣ, собирая кучи хвойныхъ шишекъ, подбрасывали ихъ въ костеръ и наблюдали, какъ они сначала зашипятъ, а потомъ вспыхнутъ съ трескомъ.

За ужиномъ выбрали единогласно моего дядю, Корнила, старостой табора, а моего отца вожакомъ по лѣсу и по согрӑмъ, когда съ завтрашняго дня придется уходить изъ становища за сборомъ ягодъ. Дежурнаго на ночь, для охраны лошадей отъ „Мишки", рѣшили выбирать по жребію. Кто-то предложилъ произвести эту операцію жеребьевкою еловыми шишками.

— А и то братцы—замѣтилъ дядя Корнилъ—вѣдь мы въ лѣсу, а стало быть и жеребій надо дѣлать, какъ лѣсъ велитъ.

Собрали семь еловыхъ шишекъ, по числу телѣгъ, одинаковаго вида и размѣра, замѣтя на одной изъ нихъ угольный значекъ и положили въ шляпу. Кто выберетъ шишку съ такимъ значкомъ, тому и быть дежурнымъ на ночь. Жребій выпалъ на нашего сосѣда, по деревнѣ, Василья Пимнева.

— Ахъ братцы,—замѣтилъ онъ—что-же мнѣ дѣлать то съ ружьемъ? Я его немножко побаиваюсь.

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ что —сказалъ дядя Корнилъ—ты ружья боишься, а медвѣдь человѣка боится. Ужъ это такъ вѣрно, какъ Богъ святъ! Прошлымъ лѣтомъ,—продолжалъ онъ—съ Федькой Горошенкой, слыхали, какая случилась оказія? Собираетъ это онъ въ лѣсу бруснику, ни о чемъ не думая, а только кладетъ да кладетъ, цѣлыми горстями, ягоды къ лукошко, благо, нашелъ гривку, на какой-то согрѣ, гдѣ брусники было, какъ насыпано. Вотъ онъ ягоды беретъ, да беретъ и только что проползъ на колѣняхъ, кругомъ корня упавшей сосны, да глянулъ на передъ, а тутъ близехонько, лежитъ Михайло Ивановичъ да ягоды кушаетъ. Горошенка крикнулъ, что есть мочи, да бѣжать! Медвѣдь испугался до смерти и давай улепетывать въ другую сторону. Кто кого пуще испугался, это милый мой, и не разобрать.

Шутки и разсказы, то страшные, то забавные, продолжались потомъ долго, пока не стемнѣло. Надъ таборомъ спустилась ночь и въ тишинѣ ея, мелодичнымъ шумомъ заговорилъ лѣсъ, убаюкивая насъ ко сну, подъ пологами и накладушками.

На завтра встали рано, позавтракали, повѣсили себѣ на плечи, кто лукошко, кто кузовъ *) или корзину; въ руки взяли берестяные туесья, куда сунули по куску чернаго хлѣба и отправились за ягодами. Впереди шелъ мой отецъ, мать и я, а за нами гуськомъ тянулась вся ватага мужчинъ, женщинъ и дѣтей. На всякій случай, старики засунули за кушаки топоры и вооружились дубинками. Въ таборѣ остался сторожить ночной дежурный.

Ходьба тайгой, или выражаясь мѣстнымъ языкомъ, ходьба *урманомъ*, сограми и гривами—совсѣмъ особая ходьба. Гривою идешь по сухому мѣсту, гдѣ нѣтъ почти травы и вѣковыя сосны своею тѣнью, совсѣмъ укрыли землю отъ солнца. Но вотъ, на

*) Большая посуда изъ бересты съ крышкой, носимая обыкновенно за плечами.

гривѣ—склонъ;онао кончилась и начинается покатость—*согра*. Сосны порѣдѣли, и то тамъ, то сямъ, гніютъ громадные стволы валежниковъ, убитыхъ бурей, съ поднятымъ щитомъ корней съ землею, а между ними, какъ коверъ, крансѣется брусника. Еще ниже, на самомъ днѣ и стокѣ водъ лежитъ *урманъ*,—сплошная масса кустарниковъ и лиственныхъ деревъ, гдѣ трудно пробираться даже пѣшему. Подъ ногой земля зыбитъ, и уходитъ въ мягкій мохъ чуть не по колѣно, или проваливаетсся между кочекъ, въ грязь и воду. Съ боковъ густая чаща полу-кустовъ, полу-деревъ, ольхи и черемухи. Внутри урмана, растетъ мѣстами—смородина, малина и завершается въ низменныхъ прогалинахъ—клюквой и морошкой.

Отецъ остановился и указалъ намъ на рядъ маленькихъ полянокъ по увалу, освѣщенныхъ косыми лучами утренняго солнца.

— Вотъ и брусника,—сказалъ онъ.

Мы разбрелись направо и налѣво. Передъ нами раскрывались сплошные алые ковры спѣлой ягоды. Надо быть и видѣть самому, среди дѣвственнаго лѣса и урмановъ, это поле красныхъ ягодъ, что бы оцѣнить видъ и красоту подобнаго зрѣлища. На склонѣ согры, между рѣдкихъ, но могучихъ сосенъ, разстилается полянка, одѣтая брусничникомъ, поверхъ котораго, какъ-бы пролита алая лоснящаяся краска. Коверъ изъ ягодъ стелется, изгибаясь по всѣмъ неровностямъ очертанія поляны, забѣгаетъ на холмы, образованные корнями и землей, крупнаго валежника. Роса блеститъ брилліантикомъ на каждой ягодѣ, на каждой вѣткѣ и листочкѣ. Внизу урманъ лежитъ, еще одѣтый пеленой голубоватаго тумана, а вверху на гривѣ стѣной стоитъ могучій боръ сосновыхъ великановъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, всѣ наши запасные ведра, корзины и кузовья были полны ягодами и мы пошли на становище, едва неся на плечахъ и въ рукахъ тяжелыя ноши. Около бивачнаго костра, была уже налита въ котлы вода, остававшимся дежурнымъ, сторожившимъ наше становище и телѣги. Ноши сняты и поставлены въ тѣни. Устали всѣ страшно и ждутъ отдыха и сытнаго обѣда. Пришлось наскоро варить сушеную рыбу, готовить кашу-заваруху и кое-какъ поджаривать ломти чернаго хлѣба съ солью. Всѣ довольны хорошимъ сборомъ, но молчатъ, ограничиваясь только рѣдкими вопросами и отвѣтами.

Къ вечеру разостлали на землѣ полога, разсыпали на нихъ бруснику и пошла кропотливая работа, отдѣленія листковъ и корешковъ, такъ называемая „чистка ягодъ“. Кто-то изъ работаю-

щихъ предложилъ „вѣять на вѣтру“. Но гдѣ-же взять его среди глухаго лѣса? Тогда встаетъ отъ ягодъ изобрѣтательный „Никишенька“ и заявляетъ всѣмъ, что онъ устроитъ вѣялку.

Первымъ дѣломъ выбралъ онъ въ лѣсу прямую мелкослойную, настоящую кондовую сосну; срубилъ ее и, отдѣливъ обрубокъ, аршина въ два длиною, приволокъ его къ костру. Потомъ при помощи другихъ, раскололъ обрубокъ на двое и нащепалъ драницъ, насколько было возможно,тонкихъ. Затѣмъ устроилъ козелки, на манеръ праздничныхъ качелей, съ перекладиной на верху, конецъ которой выдавался наружу примѣрно на аршинъ. Еще дальше, снялъ съ оси телѣги, переднее колесо и, надѣвъ его на перекладину козелковъ, прикрѣпилъ къ нему по радіусамъ спицъ, тонкія драницы. Во втулокъ колеса съ одного конца ступицы, смастерилъ и укрѣпилъ, колѣнчатую рукоятку.

Вѣялка была готова. Примѣнили ее къ дѣлу и оказалось, что дѣйствуетъ изрядно. Всѣ наперерывъ начали похваливать Никишеньку, а онъ краснѣлъ и робѣлъ, не зная, что отвѣтить на сыпавшіеся отъ товарищей одобренія.

Вѣялка все время сбора ягодъ вертѣлась и съ успѣхомъ служила дѣлу. Ее разорили лишь тогда, когда понадобилось возвращаться домой и водворить телѣжное колесо на его законное мѣсто.

Эпизодовъ разныхъ во время сбора ягодъ было, какъ всегда, немало и всѣ они оканчивались шутками и смѣхомъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда стемнѣло, мы сидѣли кругомъ костра, лѣниво перебрасываясь словами. Было тихо и сосѣднія вѣтви сосенъ едва покачивались отъ нагрѣтаго костромъ воздуха. Пламя вспыхивало и понижалось, и отраженіе свѣта на деревьяхъ также, то ярко блестѣло, то темнѣло и какъ-бы потухало. Гдѣ-то на озерѣ крякали утки и чуть слышно стрекотали въ травѣ кобылки. Вблизи костра стояли лошади, покачивая головами и отмахиваясь хвостами; на нихъ звенѣли ботала, точно перекликаясь между собою. Кому-то въ это время, пришло въ голову разсказывать о привидѣніяхъ и „лѣшихъ“. Разсказчикъ чуть не съ клятвой увѣрялъ, что все будетъ одна „истинная правда“.

— Возьмите вы—началъ онъ —случай съ Иваномъ Кулаковымъ. Ѣхалъ онъ однажды въ Каменку на мельницу, чтобы смолоть мѣшокъ ржи, а дорогой, возлѣ самаго села, хоронятъ покойника. Онъ возьми, да и подумай: вотъ, назадъ поѣду ночью, а покойникъ-то меня и схватитъ. И что-же думаете, братцы? Ѣдетъ

онъ съ мѣшкомъ муки обратно, мимо кладбища и опять подумалъ о покойникѣ. Взглянулъ на кладбище, а покойникъ-то лѣзетъ черезъ ограду. Обомлѣлъ Иванъ со страха, ударилъ по лошади. Лошадь понеслась, а покойникъ за нимъ, все ближе и ближе. Иванъ крестится и читаетъ молитвы, а покойникъ уже сзади на облучкѣ трясется. Самъ весь въ бѣломъ, глаза закрыты, зубы стучатъ: умирай со страху, да и только! И чѣмъ-же кончилось такое навожденіе, думаете, братцы? Лошадь въ мылѣ, прискакала къ дому, а Иванъ мертвымъ-мертво, лежитъ на днѣ телѣги безъ движенія. Три недѣли, бѣдный, вылежалъ въ горячкѣ, послѣ этого.

— Или вотъ, — продолжалъ разсказчикъ дальше — „не къ ночи будь сказано", когда лѣсной тебя „заводитъ". Идешь тогда по лѣсу и знаешь, вѣдь, вѣрно по примѣтамъ, гдѣ направо, а гдѣ идти прямо. Но если дѣдушка „лѣсной"—„прости Богъ слово"— поведетъ тебя—пиши пропало. И будешь ты кружиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, цѣлый день, не находя „пути дороги", а онъ тебѣ въ лѣсу, то ворономъ прокаркаетъ сверху, то сорокой прощекочетъ сбоку, то зайцемъ перебѣжитъ дорогу, то наконецъ филиномъ захохочетъ. И вдругъ...

Разсказчикъ внезапно остановился, съ испуганнымъ выраженіемъ лица и къ чему-то сталъ внимательно прислушиваться. Слушатели съ замираніемъ сердца, внимавшіе разсказу, тоже насторожили уши и явственно услышали по близости, въ лѣсу, хохотъ человѣка.

— Да воскреснетъ Богъ!—зашептали женщины.

— Съ нами крестная сила!—восклицали мущины.

Переполохъ вышелъ выше всякой мѣры. Всѣ испугались страшно. Дядя Корнилъ схватилъ ружье и, благословясь, выстрѣлилъ на воздухъ. Громкое эхо раздалось вокругъ нашего становища и пошло повторяться по лѣсу. Оно наконецъ замолкло и вотъ, снова въ лѣсу и на томъ-же, повидимому, мѣстѣ, кто-то вновь захохоталъ, потомъ заплакалъ, какъ дитя, и заблеялъ наконецъ ягненкомъ.

— Да что вы, други, испугались,—заговорилъ отецъ—вѣдь это филинъ передразниваетъ. Неужто филина не слыхали?

— И впрямь—заговорили всѣ хоромъ. Съ ума сошли, наслушавшись поганыхъ разсказовъ.

Всѣ разомъ засмѣялись и стали передразнивать одинъ другаго, кто какъ подскочилъ съ земли со страху, кто какую скорчилъ гримасу. Въ особенности много насмѣшекъ, досталось дядѣ Кор-

вилу за то, какъ онъ серьезно, да съ молитвою стрѣлялъ въ „лѣшаго“, а тамъ оказался только—филинъ.

* *
*

Я былъ малъ, почти ребенокъ, плохо понималъ и сознавалъ, но и тогда, картина окружающаго лѣснаго царства, произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что, не смотря на прожитые долгіе годы, оно мало потускнѣло и теперь. Мнѣ живо вспоминаются: и та грива, гдѣ мы кочевали; и согра, гдѣ мы нашли такъ много ягодъ, и урманъ, гдѣ мы брали воду изъ колодца. Каждый разъ, какъ только вспомню я эту поѣздку за брусникой, такъ и встаетъ въ моемъ воображеніи во весь ростъ, рядъ картинъ нашей сѣверной растительности, одна другой величественнѣе и прекраснѣе.

Вотъ глушь лѣсная въ вѣковомъ и дѣвственномъ бору могучихъ великановъ, сосенъ и елей! Кто передастъ человѣческимъ языкомъ всю гамму этихъ красокъ, всю мощь и красоту этой природы, гдѣ не ступала еще человѣческая нога? Вотъ стволъ сосны, въ два обхвата толщиною; за нимъ другой, третій, и цѣлый рядъ стволовъ, уходящихъ кверху, на 15 саженъ. Ихъ вершины увѣнчаны сѣро-зелеными побѣгами вѣтвей. Кора внизу корня шероховатая съ коричневымъ оттѣнкомъ, а выше, по всему стволу переходитъ постепенно въ желтый, свѣтло-желтый и чуть видно свѣтитъ палевымъ, на сучьяхъ и отросткахъ. Смолистый ароматъ сосенъ наполняетъ воздухъ, а сама смола капаетъ на землю прозрачными слезами янтаря. Сѣрый дятелъ, гдѣ-нибудь вверху стволовъ, долбитъ одинъ изъ нихъ и гулъ ударовъ его клюва звонко раздается въ кондовой древесинѣ. Пронесется вѣтеръ, зашумятъ вершины и цѣлый рой мелодій охватываетъ душу. Прислонитесь къ великану-соснѣ и съ закрытыми глазами отдайтесь на волю грезамъ, мечтамъ безъ словъ, и тогда, природа мать, раскроетъ вамъ, какія глубины великихъ тайнъ, скрываются за видимымъ и слышимымъ, житейскимъ нашимъ міромъ.

Выйдите изъ царства сосенъ къ косогору—согрѣ и взгляните внизъ, гдѣ растутъ другіе великаны — ели. Видъ у нихъ иной, иная зелень цвѣта, иной характеръ сучьевъ и вѣтвей. Какъ широка ея окружность внизу, какъ стройна игла, уходящая стрѣлою кверху, какъ мягки очертанія и формы сучьевъ и вѣтвей! Вотъ прянула на ель гурьба таежныхъ бѣлокъ и пошли качаться вѣтки, плавными размахами. Одна, другая бѣлка мелькнетъ своимъ пу-

шистымъ хвостомъ между вѣтокъ и усядется насторoживъ уши, въ позѣ выжиданія, на качающейся вѣткѣ...

А еще ниже косогора—согры, по близости урмана, виднѣется сибирскій кедръ. Иглы его хвои длинны и висятъ кистями, на концахъ вѣтвей, гдѣ зрѣютъ въ сѣрой шишкѣ, зерна желтаго орѣха. Красиво и величаво, каждое дерево стараго сѣвернаго кедра! Люблю я вѣковую сосну; люблю березу, липу, ель, даже осину, но больше всѣхъ люблю и восхищаюсь нашимъ сибирскимъ кедромъ, въ его природномъ состояніи; сколько въ немъ несравненной красоты и мощи.

Когда вы стоите среди такой тайги, гдѣ не былъ еще хищникъ человѣкъ, не рубилъ деревьевъ, не запускалъ *паловъ*, не жегъ кустовъ для сѣнокоса, тогда увидите вы ясно, почувствуете внутренними духовными очами, какъ живетъ природа, какой великой мощью, творя и разрушая, проявляются ея живыя силы. Земля усыпана хвоей и листвой; упавшія деревья гніютъ и разрушаются, но на ихъ остаткахъ, возникаетъ и растетъ „младая жизнь“, опять съ такой-же, новой силой порыва. Здѣсь громадная сосна, тамъ пихта, ель и кедръ, въ прогалинахъ брусника и багульникъ, въ урманѣ мелкіе кусты и клюква, а на опушкѣ, топкаго болота, волной колышется, высокая зеленая осока!..

Попробуйте разсказать, попробуйте изобразить этотъ дикій лѣсъ и дикую природу!

За недѣлю времени, всѣ участники табора, набрали ягодъ полныя телѣги. Помолившись Богу на востокъ, запрягли лошадей и медленно, одна телѣга за другой, по старымъ слѣдамъ нашего-же пути, потянулись домой.

IV.

Рекрутчина.

1849 и 50 годъ, я занимался въ деревнѣ тѣмъ-же, чѣмъ занимался и въ 48 году, т. е. былъ писаремъ у сельскихъ старшинъ и часто приглашался въ волостное правленіе, дѣлать за неграмотныхъ крестьянъ, подъ постановленными приговорами, рукоприкладство. Во время слѣдствій, по какому - нибудь уголовному случаю, наѣзжавшій засѣдатель Добровольскій, всегда меня приглашалъ, подписывать „руку", при повальныхъ обыскахъ, или одиночныхъ показаніяхъ обывателей и подсудимыхъ. Я старательно выводилъ тогда стереотипную подпись: „вмѣсто крестьянина такого-то, неграмотнаго и по личной просьбѣ, крестьянскій сынъ такой-то, руку приложилъ".

Одно время появился въ волостномъ правленіи, новый помощникъ писаря, какой-то ссыльно-поселенецъ, по фамиліи не то Волынскій, не то Зелинскій, показавшій мнѣ невиданное мною чудо, что можно цифры складывать безъ счетовъ. Это - де называется арифметикой. Долго я дивился, какъ онъ слагалъ, вычиталъ, множилъ и дѣлилъ цыфры. Такой наукѣ и искусству, я страстно пожелалъ выучиться. Но гдѣ-же было взять денегъ, для платы учителю и времени, для занятія такими пустяками, какъ считалось это окружающими? Но желаніе знать было у меня способно перерости всякое препятствіе, и мы съ Зелинскимъ нашли изъ возникшаго затрудненія такой выходъ: онъ напишетъ мнѣ ариѳметику, а я заплачу ему за это 30 к. и буду самъ учиться, самоучкой. Такую сумму денегъ, я накоплю изъ тѣхъ, что мнѣ, порой, давали за написаніе билета на отлучку, или рукоприкладство. Въ планъ этой затѣи, была посвящена моя другая бабушка, Авдотья, согласившаяся быть моимъ временнымъ казначеемъ. Долгое время мнѣ пришлось носить на храненіе бабушкѣ мѣдные пятаки

и двухкопѣечники, а сумма 30 коп. сер. все еще не собралась. Какъ-то разъ, секретъ нашъ, случайно обнаружился. Однажды въ сумерки, въ присутствіи родныхъ, я сунулъ потихоньку въ руку бабушкѣ, мѣдную монету. Та приняла монету неловко, пятакъ упалъ къ ногамъ и звонко покатился по полу. Я ни живъ, ни мертвъ, стоялъ среди избы. Замыслы наши сразу обнаружились, и я долженъ былъ разсказать отцу и матери, съ начала до конца, всю мою затѣю. Меня довольно пожурили, главнымъ образомъ за скрытность, но на завтра-же добавили недостававшія копѣйки и приказали выкупить писанную ариѳметику. Такимъ образомъ вся непріятность, окончилась благополучно.

Какъ теперь, помню; былъ какой-то праздникъ среди Великаго поста. Скворцы ужъ прилетѣли, усердно вили гнѣзда во всѣхъ скворешникахъ нашего двора и, садясь на елки, звонко распѣвали свои пѣсни. Солнце грѣло по весеннему, и грязь двора и переулка значительно просохла. Меня принарядили въ новые сапоги, ситцевую рубашку, нанковый кафтанъ и вручили деньги, чтобы отнести Зелинскому и выкупить „писанную книжку“.

Съ какой неописуемой радостью я несъ домой это сокровище! Едва показавъ его роднымъ, я тотчасъ-же убѣжалъ на сѣноваль, гдѣ никто мнѣ не мѣшалъ заучивать по тетради правила сложенія чиселъ. Мнѣ казалось въ это время, что нѣтъ меня счастливѣе никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ...

* *
*

Поздней осенью, каждый годъ почти, объявлялся у насъ рекрутскій наборъ, или, выражаясь мѣстнымъ деревенскимъ языкомъ, „солдатчина“, вызывавшая всегда, въ любой очередной семьѣ, потрясающія сцены горя и страданія. Въ тѣ времена человѣкъ, принятый въ солдаты, считался для семьи навсегда потеряннымъ. Солдатская служба тянулась 25 лѣтъ, и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ возвращался солдатъ на родину, да и то старымъ инвалидомъ, претерпѣвъ въ строю всякія невзгоды, отчаянную муштровку и тѣлесныя наказанія. Немудрено поэтому, что одинъ слухъ о рекрутскомъ наборѣ производилъ на крестьянъ подавляющее впечатлѣніе. Тягость рекрутской повинности усиливалась еще больше въ тѣхъ случаяхъ, когда она обрушивалась на единственнаго сына у отца и матери. А это случалось, какъ говорится „сплошь и рядомъ“ въ силу прежняго закона, указывавшаго считать души „отъ ревизіи до ревизіи“ и не признавать

раздѣла семействъ во весь промежутокъ между двумя ревизіями, хотя-бы люди жили и много лѣтъ отдѣльными семьями.

Какъ только, бывало, разнесется вѣсть: „солдатчина“, такъ и пойдутъ въ очередныхъ семьяхъ слезы и страданія. Обыкновенно назначалось съ тысячи ревизскихъ душъ отъ 5 до 15 человѣкъ для сдачи въ рекруты. Если требовалось 10 съ тысячи, то приходилось доставлять въ казенную палату, за 280 верстъ разстоянія, двойной комплектъ въ 20 человѣкъ на случай „бритаго затылка“. Сверхкомплектные назывались „подставными“, и бывали случаи, что не хватало годныхъ въ рекруты и двойнаго количества кандидатовъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ сдатчики рекрутовъ возвращались экстренно „заворотомъ“ изъ Тобольска въ дер. Кулакову и опять везли оттуда недостающее число людей, въ двойномъ количествѣ. Всѣ денежные расходы: суточное содержаніе, прогоны, а также первая обмундировка принятыхъ палатой рекрутъ, должны были производиться отъ деревни, именуясь рекрутскимъ поборомъ, и всегда бывали болѣе или менѣе значительны.

Когда кончались въ волостномъ правленіи выборки изъ записей ревизскихъ сказокъ, „кого везти въ солдаты“ и устанавливался окончательный именной списокъ, тогда-же назначался и срочный день отъѣзда. Этотъ день отличался полными контрастами скорби и разгула. На улицахъ деревни въ одно и то-же время: шумъ, пѣсни и безшабашное веселье, а внутри семей очередныхъ кандидатовъ сплошное море слезъ,горе и отчаяніе родныхъ,неописуемая скорбь бѣдныхъ матерей. „Проводины“ всегда бывали вечеромъ, при фонаряхъ и факелахъ, всей толпой крестьянъ, разбившейся на группы, и представляли собою зрѣлище, изъ памяти неизгладимое.

Кандидатъ въ рекруты, переживалъ прежде всего у себя дома, въ своей избѣ или горницѣ, въ послѣдній часъ разлуки съ семьей страшное прощанье „на вѣки“. Въ переднемъ углу комнаты, передъ иконою, безутѣшно рыдая, прощались съ нимъ отецъ и мать, благословляя его „въ путь дороженьку, во дальнюю сторонушку“, и не надѣясь больше свидѣться на бѣломъ свѣтѣ. Затѣмъ „добра молодца“, выводили товарищи подъ руки, на дворъ и улицу, по которой двигалась вся толпа дальше, на сборный пунктъ горы, у Поскотинныхъ воротъ деревни. Кандидатъ шелъ, или вѣрнѣе сказать, его вели товарищи, одѣтаго въ праздничное платье, съ шалью на плечѣ,помахивающаго, порой, пукомъ цвѣтныхъ платковъ надъ

головою. Иногда онъ останавливался, попрощаться „на вѣки вѣчные“ съ какимъ нибудь близкимъ человѣкомъ и потомъ снова продолжалъ свою дорогу. Мать его, убитая горемъ, если могла держаться на ногахъ, плелась, причитая, за сыномъ, а молодежь въ то-же время распѣвала одну за другою, разухабистыя пѣсни.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляло собою глубоко драматическую картину деревенскаго быта, гдѣ люди надрываются надъ пѣсней, чтобы не плакать; даютъ провожаемому на прощанье деньги, а онъ повторяетъ только фразу: „не поминайте братцы лихомъ“!

Проводины продолжались за деревню, до сборнаго указаннаго мѣста, гдѣ сдатчики и волостное начальство, старались поскорѣе оторвать провожаемыхъ отъ толпы родныхъ, усадить ихъ въ приготовленныя сани, на „земскихъ лошадей“ и увезти немедленно „въ путь дорогу, во казенную палату“, какъ причитали остававшіяся матери.

Переѣздъ на земскихъ лошадяхъ до Тобольска сдатчиковъ и кандидатовъ въ рекруты, продолжался дня 4—5, причемъ многое зависѣло отъ ловкости распорядителя, какимъ путемъ вести порядокъ на назначенныхъ ночлегахъ, съ вольной молодежью, позволяющей теперь себѣ, иной разъ, кое что лишнее. Умѣетъ сдатчикъ быть строгимъ, гдѣ нужна строгость и ласковымъ, гдѣ нужна ласка—обозъ людей проѣдетъ разстояніе значительно скорѣе. Не съумѣетъ, и пойдутъ въ дорогѣ шумъ и ссоры, и пріѣзжаютъ къ мѣсту назначенія съ опозданіемъ на 2—на 3 дня.

Въ Тобольскѣ, въ это время, всегда бывало множество сѣраго пріѣзжаго народа—сдатчиковъ, съ стриженными лбами новобранцевъ. съ стриженными затылками бракованныхъ и кандидатовъ въ рекруты. Все это двигалось по улицамъ города, пѣло и гуляло. Шумъ и гамъ въ это время былъ такой, что, какъ говорилось, „только пыль столбомъ стояла“.

Но вотъ казенная палата назначаетъ день пріема рекрутовъ отъ Троицкой волости, куда, какъ часть цѣлаго, входитъ и наша деревня Кулакова. Густой толпой стоятъ на дворѣ, на лѣстницѣ и въ передней палаты очередные кандидаты въ рекруты и ихъ сдатчики съ пакетами документовъ отъ волостныхъ правленій. Присутствіемъ палаты, вызывается громко, черезъ рядъ фельдфебелей, такая то волость, такого-то уѣзда и изъ нея такой-то кандидатъ. Его вводятъ въ залъ присутствія, раздѣваютъ до нага, осматриваютъ и рѣшаютъ, годенъ или нѣтъ, къ пріему. Въ томъ или

другомъ случаѣ, даютъ знать фельдфебелямъ, а тѣ громко повторяютъ въ дверяхъ, чрезъ которыя выходитъ бывшій кандидатъ— „лобъ“ или „затылокъ“, а цирульникъ дальше стрижетъ и брѣетъ ту или иную часть волосъ на головѣ.

Недѣли двѣ послѣ „проводинъ“ томится, бывало, деревня въ ожиданіи вѣрнаго извѣстія, кто именно „ушелъ въ солдаты“ и вотъ тутъ-то наносились въ сердца матерей послѣднія „на вѣки вѣчные“ незаживающія раны.

Для сдачи въ рекруты, богатыя семьи деревни нанимали иногда за подростающихъ сыновей „наемщика“. Условія найма охотника, всегда вращались въ рамкѣ 200—300 р. (ассигн.) единовременной платы; уплата податей до слѣдующей ревизіи; мѣсяцъ гулянки съ заѣздами въ кабакъ; нѣсколько вечеринокъ и неизбѣжный балалаечникъ. У насъ въ деревнѣ былъ захудалый мужиченко, нѣкто „Пошовни“, вѣчный пьяница, пѣсенникъ и балалаечникъ. На каждой вечеринкѣ, на любой попойкѣ, всегда былъ и Пошовни, альфа и омега всякаго веселья. Никто лучше его не пѣлъ пѣсенъ, никто лучше не игралъ на балалайкѣ, которая въ его рукахъ „струнами говорила“, Вотъ этотъ Пошовни, да другой пьяница „Порвало“ и нанимались для гулянки и ѣзды на лошади съ наемщикомъ. Самъ хозяинъ, въ этотъ мѣсяцъ, превращался въ кучера и терпѣливо выносилъ всякіе капризы гуляющаго тріо, возя его по деревнѣ, куда сѣдокамъ вздумается и присутствуя на погулянкахъ. Бывало ѣдетъ по деревнѣ подобная компанія. Пошовни начинаетъ наигрывать и пѣть какую-нибудь пѣсню, а Порвало подхватываетъ и поетъ ее дальше. Сани убраны ковромъ, на дугѣ у лошади развѣваются яркіе платки, на уздѣ звенятъ переливаясь „ширкунцы“, а самъ наемщикъ, опоясанный шалью, важно развалясь въ заду саней, ухарски помахиваетъ въ воздухѣ связкой ситцевыхъ платковъ. У кабака остановка и внутри его начинается шумное веселье, съ выпивкою полугара. Пошовни играетъ плясовой мотивъ и самъ идетъ плясать въ присядку, за нимъ тянется Порвало и завсегдатаи кабака, пьяницы— пропойцы, продолжая выпивку и оргію, пока совсѣмъ не опьянѣютъ. Тогда хозяинъ собираетъ своихъ пассажировъ въ сани и везетъ къ кому нибудь изъ нихъ въ домъ, укладывая спать до другаго утра и подобнаго-же дня, съ погулянками.

* * *

Неграмотный, нигдѣ въ то время не находившій ни праваго суда, ни защиты, деревенскій міръ вырабатывалъ въ себѣ свои особыя воззрѣнія, на все его окружающее. Онъ не могъ себѣ представить даже, чтобы чиновникъ имъ управляющій, судья его судящій, не бралъ взятки и не могъ сдѣлать правымъ неправаго и обратно. Если случалось, что кто нибудь не принималъ подарка, то подноситель объяснялъ себѣ дѣло тѣмъ, что „видно, мало“, но никакъ ни тѣмъ, что чиновникъ поступаетъ по сознанію лежащаго на немъ нравственнаго долга. Всѣ отношенія крестьянина къ міру чиновному „искони вѣковъ“ сопровождались „поборами“, а посему онъ былъ непоколебимо убѣжденъ, что „законы святы“, да исполнители—„злые супостаты,“ и что „до Бога высоко, а до царя далеко“. Деревенскій міръ вообще, и каждый крестьянинъ порознь, сохраняли добрыя христіанскія отношенія только между собою, въ своемъ быту и обиходѣ. Эта нравственная, въ общемъ взятая, суровая простота, была чиста и выражалась заповѣдью физическаго неустаннаго труда, молитвой Богу и воздержностью отъ всякихъ излишествъ. Грамотности почти совсѣмъ не было, а отсюда возникало много суевѣрій, одно другаго нелѣпѣе. Вѣрили тому, что существуетъ „порча“, „дурной глазъ“ что можно „заслонить мѣсяцъ“, „напустить болѣсть“ и проч. Такъ во время холернаго года (1848), разъигрался на сельскомъ сходѣ, страшный случай самосуда и расправы съ портнымъ деревни, поселенцемъ Яковомъ. Въ Тюмени въ это время свирѣпствовала холера, распространяясь и по окружающимъ городъ деревнямъ. Въ нашей Кулаковой, въ селахъ Луговскомъ, Каменскомъ и другихъ, было также нѣсколько случаевъ смерти отъ холеры. Стояла страшная, лѣтняя жара, какую въ той мѣстности, рѣдко кто припоминалъ. Вода въ рѣкѣ Турѣ, приняла цвѣтъ небывалаго, краснаго оттѣнка. Ни пѣсенъ, ни смѣха совсѣмъ не стало слышно, даже цвѣтные наряды въ это время считались неприличными. Всѣ настроены были мрачно, въ ожиданіи дальнѣйшей грядущей бѣды, „Богомъ допущенной за наши грѣхи“, разсуждали міряне, или напущенной, какимъ-то злымъ человѣкомъ, быть можетъ „по вѣтру“, „по водѣ“, „вишь, какая она стала красная“. На сельскомъ сходѣ, кто-то разсказалъ, что вотъ-де надо-бы „доглядѣть“, что за шарики краснаго цвѣта, имѣются у портнаго Якова и почему онъ, точно „нехристь“, въ этакое время распѣваетъ пѣсни? Всѣ встрепенулись, точно нечаянно открыли что-то важное, и стали вспоминать, какъ Яковъ удилъ рыбу и лёсу все забрасывалъ только „слѣва“; какъ

онъ въ кабакѣ пилъ вино и выплескивалъ остатки опять „налѣво" и ходитъ каждый вечеръ, зачѣмъ-то, „въ Таптагай". Раздраженіе противъ Якова поднималось сильное и выросло въ рѣшеніе вытребовать его на сходъ немедленно. Черезъ четверть часа, портной Яковъ, насильно приведенный, стоялъ уже передъ сходомъ и что то громко кричалъ и размахивалъ руками, но за гвалтомъ „міра" разобрать было невозможно. Кто-то изъ толпы вытащилъ изъ кармана у него, красный шарикъ и положилъ его на бревно, лежавшее на улицѣ. Отъ зноя солнца, шарикъ началъ таять, испускать что то въ родѣ пара и издавать запахъ. Толпа пришла тогда въ неистовство, обвиняя Якова въ колдовствѣ, а нѣкоторые начали бить его, чѣмъ попало, не внимая увѣщаніямъ тѣхъ, кто еще оставался благоразумнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Яковъ былъ истерзанъ до того, что лежалъ на землѣ, еле живой, въ разорванной одеждѣ, съ ранами на головѣ, обливаясь кровью и не могъ уже говорить. Тѣло его судорожно вздрагивало и трепетало.

Въ эту минуту, къ галдящей, озвѣрѣлой толпѣ, подошелъ, сѣдой, какъ лунь, старикъ, Карпъ Лазаревъ и когда увидѣлъ и узналъ причину самосуда, то снялъ шапку, бросилъ ее на земь и воскликнулъ:

— Что вы, безумные, дѣлаете? Гдѣ на васъ, крестъ-то Христовъ? Сейчасъ несите сюда воды!

Толпа притихла и изъ нее тотчасъ-же нѣкоторые пустились за водою.

— Ишь вѣдь, что натворили окаянные — продолжалъ дѣдъ, трогая Якова и разстегивая ему воротъ рубахи, гдѣ виднѣлся нательный мѣдный крестъ.

— Вотъ и укоръ злодѣйству вашему—добавилъ дѣдъ Карпъ, указывая на крестъ у Якова.

Толпа молчала, видимо пораженная словами дѣда. Многіе начали обливать Якову голову водою и давать ему пить. Несчастный началъ стонать и приподниматься съ земли. Его подъ руки увели на занимаемую имъ квартиру.

Другой случай изъ міра суевѣрій, сопровождался забавною развязкой. У нашего сосѣда по деревнѣ, Василья Пимнева, заболѣлъ сынишко опухолью ногъ, какъ разъ во время луннаго затменія. Мать его почему-то стала утверждать, что испорчены и мѣсяцъ, и сынъ ея Федюша, никѣмъ инымъ, какъ сосѣдкою Щербихой. Посему безпремѣнно надо осмотрѣть при волости Щер-

биху—вѣдьму, есть-ли у нея хвостъ, и если хвостъ окажется, то закопать ее въ землю на три дня по поясъ, а передъ нею вбить осиновый колъ. Иначе она „и мѣсяцъ, и людей въ конецъ испортитъ". Въ продолженіе вечера „Васиха" обѣгала всѣхъ сосѣдей околодка съ этой новостью, возбуждая всѣхъ на бѣдную Щербиху—вѣдьму. Къ счастію, нашлись благоразумные сосѣди, которые сказали, что надо подождать до завтрашняго вечера и посмотрѣть что „станется" съ мѣсяцемъ и Федей. Случилось такъ, что луна свѣтила безъ затменія, а Федѣ стало лучше и Щербиху оставили въ покоѣ. Но все-таки, въ концѣ концовъ Васиха сказала:

— Помяните мое слово, что Щербиха только съ испугу зачурала мѣсяцъ и болѣсть Федюши. Еслибы не это, сидѣть-бы намъ безъ мѣсяца сегодня.

V.

Старое начальство.

Надъ деревенскимъ міромъ, кромѣ волостныхъ властей, стояли болѣе высокія степени администраціи и чиновниковъ. Однихъ изъ нихъ онъ зналъ по именамъ—это были тѣ, для которыхъ, чередуясь, шли деревенскіе „поборы“, Другіе представлялись ему гдѣ-то далеко, и лишь смутно понимались, какъ „большое начальство“. Въ глазахъ крестьянъ не было различія между судьей, администраторомъ, докторомъ—все это были чиновники, которыхъ всѣхъ было нужно кормить поборами. Ихъ различали лишь по степени вреда, какой могли они нанести обществу—деревнѣ вмѣстѣ взятой, или каждому обывателю порознь. Тотъ чиновникъ, который бралъ умѣренно „оклады“ и не дѣлалъ особенно злыхъ распоряженій, отзывавшихся тяжелымъ слѣдомъ на крестьянскомъ благосостояніи, слылъ даже добрымъ человѣкомъ. Къ первымъ, извѣстнымъ чиновникамъ причислялись: земскій засѣдатель, исправникъ, стряпчій и ветеринарный врачъ. Ко вторымъ все губернское начальство. Средину между тѣми и другими, занималъ окружной начальникъ. Поборы въ пользу первыхъ были прежде всего, косвенные, въ видѣ ежегоднаго оклада отъ волостнаго писаря: засѣдателю 100 р. исправнику 200, стряпчему 50, ветеринару 25, а потомъ прямые отъ лица всей волости, раскладываемые сходомъ всякой деревни на такъ называемую „годную душу“ *) по стольку то гривенъ и копѣекъ и собирались подъ именемъ “спеціальнаго“ такого-то побора, деревенскими десятниками безъ всякой записи въ какую-либо книгу волостнаго правленія или сельскаго старшины, какъ суммы неоффиціальныя. Эти прямые оклады первымъ тремъ категоріямъ чиновниковъ, были въ тѣхъ-же цифрахъ писарскихъ

*) «Годная душа»—работникъ въ возрастѣ 21—60 л. возраста.

окладовъ, какъ разсказано выше, но увеличивались до 100 р. ветеринару, въ виду того, чтобы не было имъ открыто какой-нибудь эпидеміи на скотѣ, что всегда вело за собою значительный расходъ, въ видѣ учрежденія „скотскаго загона“ и убоя больныхъ животныхъ, зачастую совсѣмъ и неповинныхъ въ заразительной болѣзни. Отъ первыхъ зависѣло усилить взысканіе податей и повинностей или дать такой участокъ исправленія почтоваго грунтоваго пути натурой, куда надо ѣздить почти за 40 верстъ разстоянія, въ самую горячую пору страды и сѣнокоса, когда дорогъ каждый часъ для работы у себя на полѣ. Платимые заблаговременно оклады избавляли крестьянъ отъ подобныхъ внезапныхъ, принудительныхъ работъ. А что такое гнѣвъ начальника, не получившаго оклада и какъ онъ могъ проявляться на жизни подчиненныхъ, можетъ дать примѣръ одинъ изъ случаевъ, который я разскажу и по которому легко понять, что за произволъ царилъ въ то время въ отношеніяхъ управляющихъ къ управляемымъ.

Какъ-то старому исправнику годовой окладъ уплаченъ былъ за годъ впередъ сполна, какъ вдругъ назначается исправникъ новый. Общества деревень, составляющихъ административную единицу—волость, порѣшили, что платить до слѣдующаго года ничего не должно. Горько и чувствительно были они наказаны за подобное рѣшеніе. Какъ-то въ іюлѣ мѣсяцѣ, купаясь въ старицѣ *) Туры утонулъ крестьянскій мальчикъ „Синичка“. Какъ водится, возникла суматоха по всей деревнѣ и горькій плачъ родителей и родственниковъ утонувшаго. Съ большимъ трудомъ, рыбачьимъ неводомъ, едва нашли и вытащили на сушу посинѣлый трупъ погибшаго и сколько ни качали его въ пологѣ, сколько ни катали его на боченкѣ, возвратить къ жизни не могли и пришлось положить тѣло въ ледникъ, а начальству донести „о смертельномъ происшествіи“.

Обычаемъ или закономъ, не знаю, но было установлено сторожить мертвое тѣло въ ледникѣ и, день и ночь, двумъ человѣкамъ. Проходятъ 3—4 дня времени, а начальство не является. Тогда ѣдетъ депутація отъ деревни къ исправнику, просить его ускорить слѣдствіе. Она не была даже принята, а черезъ лакея было передано, что, когда надо, исправникъ пріѣдетъ въ Кулаково, и что тамошніе крестьяне непокорны начальству. Тутъ только просители поняли, что міръ сдѣлалъ великую ошибку, не уплативъ вторично

*) „Старица“—бывшее ложе рѣки, теперь оставленное, но заливаемое каждый годъ полою водою по веснѣ.

оклада, но было уже поздно. Цѣлую недѣлю лежалъ утопленникъ на ледникѣ и когда наѣхало начальство—исправникъ, засѣдатель, стряпчій, врачъ—то оказалось, что трупъ значительно разложился и крысы съѣли нѣкоторыя части тѣла. Явилась новая бѣда—порча трупа, и новое преступленіе—недосмотръ сторожей. Результатъ—раскладка по душамъ новаго „побора", а потомъ похороны утопленника и резолюція на дѣлѣ: смерть произошла отъ причинъ неотвратимыхъ".

Дорожная повинность натурою, гдѣ каждое крестьянское семейство, смотря по счету „годныхъ душъ", обязано было исправлять опредѣленное количество погонныхъ саженей пути, главнаго Сибирскаго тракта, ложилась на крестьянъ большою тяжестью и зависѣла вполнѣ отъ исправника—гдѣ именно назначить исправляемый участокъ, какъ его исправить качественно и когда производить работу. Непонятнымъ образомъ, выходило часто какъ-то такъ, что участокъ Троицкой волости отводился въ предѣлахъ волости Багадинской, верстъ на 20 дальше г. Тюмени, а отъ деревни Кулаковой верстъ за 38. Участокъ-же уѣзднаго почтоваго тракта около самой деревни Кулаковой отдавался крестьянамъ смежной волости—Каменской. И вотъ оказывалось, что жители Каменской волости исправляли трактъ за 12 верстъ отъ своей осѣдлости, а Кулаковцы за 38 верстъ, но и тѣ, и другіе въ страдное рабочее время. Въ рѣдкіе, исключительные годы, дозволялось, правда, нанимать подрядчиковъ, и тогда повинность эта переходила изъ натуральной въ денежную, но такой порядокъ, каждый разъ требовалъ большихъ денежныхъ „подношеній" какъ со стороны подрядчика, такъ и со стороны нанимателей.

Дорожные „поборы", какъ и всякіе иные, раскладывались по „годнымъ душамъ" деревенскимъ сходомъ и собирались десятниками для сдачи сборщику; десятники и ходили отъ дома къ дому, стуча палками подъ окнами и выкрикивая:

— Эй, хозяинъ! неси „поборъ" такой-то!

Война въ прижимку,а, можетъ быть, и дѣйствительное желаніе устроить прочно трактовые пути шоссейнымъ способомъ, заставляли уѣздную власть, отыскивать матеріалъ, удобный для шоссе—щебенку, которой вблизи нигдѣ не находилось. Какъ разъ въ трехъ верстахъ отъ д. Кулаковой, на всемъ пологомъ холму, въ 300 десятинъ, подъ именемъ „Борка", на глубинѣ аршина-двухъ, залегалъ большой, крупный хрящъ, называвшійся „галькой", который иногда появлялся на дворѣ и передъ окнами

на улицу у какого нибудь домовитаго кулаковскаго крестьянина. Это давало поводъ начальству искать мѣсторожденіе гальки — и такой-же поводъ, для всей деревни скрывать ее. Всѣмъ обывателямъ деревни ясно было, что для нихъ наступитъ страшная принудительная работа,—возить гальку на дороги,а посему и надо было всячески скрыть ее отъ властей. Для этого копались даже на Борку ямы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было гальки, или гдѣ она находилась слоемъ не болѣе вершка толщиною, заполнялись вновь землею, чтобы въ присутствіи начальства, въ этомъ мѣстѣ пробовать колодцы и доказывать, что гальки мало, или нѣтъ вовсе. Война въ находку, война въ сокрытіе, велась все время между начальствомъ и крестьянами. Начальство чуяло, что есть гдѣ-то мощнымъ слоемъ залегающая галька, но каждый разъ или не находило ее вовсе, или находило въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что доставать ее не стоило труда и времени. Между крестьянами не нашлось предателя, и даже міроѣды не рискнули разсказать начальству, въ чемъ суть дѣла—такимъ это казалось всѣмъ ужаснымъ преступленіемъ противъ себя, сосѣда, каждаго жителя Кулаковой и сосѣднихъ деревень, ибо представлялась впереди неминуемая тягчайшая повинность натурой, которая могла принести всѣмъ безъ исключенія полнѣйшее разореніе.

Отношенія чиновнаго начальствующаго лица къ деревенскому міру въ то время отнюдь не были человѣчными, а покоились всегда на страхѣ, тѣлесномъ наказаніи и преслѣдованіи. Каждый изъ чиновниковъ наѣзжалъ въ деревню съ большой помпой важнаго лица, на тройкѣ лошадей, съ колокольчиками подъ дугою и казакомъ на козлахъ. Останавливался онъ всегда на земской квартирѣ, куда и долженъ былъ являться міръ, стоя безъ шапокъ на дворѣ и выслушивать большей частью одни приказы и порицанія, съ напоминаніемъ „непокорнымъ“ о той странѣ, „куда Макаръ телятъ не гонялъ“. Рѣдко и лишь зимою, собирался сходъ въ зданіи волостнаго правленія, гдѣ бывали, между прочимъ, сцены экзекуціи неисправныхъ плательщиковъ податей, а иногда и просто ручныя расправы самаго администратора, или по его приказу волостнаго головы и казака. Доходила распущенность до того, что одинъ исправникъ заставилъ общество Троицкой волости нанять въ волостные писаря брата своей любовницы, проживавшаго при ней, человѣка полуграмотнаго и сильно выпивавшаго.Всѣ письменныя дѣла волости, были переданы его помощнику, а самъ писарь подписывалъ только готовыя бумаги. Исправникъ часто наѣзжалъ

поэтому въ деревню Кулакову и проживалъ въ ней по нѣсколько дней, подъ видомъ дѣлъ въ уѣздѣ. Такой изъ ряда вонъ примѣръ, вазмущалъ и оскорблялъ нравственную сторону всего міра деревни, но съ прямымъ начальникомъ ничего подѣлать было нельзя, зная напередъ, что каждый, даже самый маленькій намекъ протеста можетъ кончиться для смѣльчака одной бѣдой и карой. Исправникъ каждаго, шутя, могъ согнуть въ бараній рогъ. Больше года продолжалось такое положеніе, пока исправникъ самъ не женился въ городѣ и не убралъ изъ Кулаковой своей метрессы и ея пьянаго братца, волостнаго писаря.

Ближайшимъ къ сельскому населенію начальствомъ были волостные—голова и писарь. Первый выбирался сходомъ волости изъ кандидатовъ, угодныхъ по меньшей мѣрѣ засѣдателю, а второй прямо нанимался по указанію исправника. Эти два должностныхъ лица становились усердными слугами только своихъ начальниковъ, но отнюдь не защитниками интересовъ избирающаго ихъ міра, а порою даже прямо враждебными къ нему. Посему все лучшее и нравственное въ деревняхъ, всѣми мѣрами старалось уклониться отъ выбора на должность волостнаго головы, куда и попадали лица или съ прирожденной наклонностью, быть только на виду у всѣхъ, помыкая всѣми, или прямо съ затаенными корыстными разсчетами. Избирали ихъ міроѣды общества и масса забитыхъ и раболѣпныхъ людей. Волостной писарь былъ истинный вершитель мѣстныхъ дѣлъ и посредникъ въ отношеніяхъ между волостью и начальствомъ, а голова,юридическій хозяинъ волости и нерѣдко даже судья, съ безапелляціоннымъ приговоромъ, превращался фактически въ полнаго манекена, руководимаго писаремъ; онъ прикладывалъ къ дѣламъ и приговорамъ свою печать и произносилъ словесныя рѣшенія руководясь тѣмъ, что написалъ или сказалъ писарь. Такимъ образомъ крестьянинъ у себя дома, въ своей волости, не могъ искать защиты правому дѣлу, а долженъ былъ и здѣсь давать взятку и такъ, сказать, покупать благопріятное рѣшеніе. Самостоятельные и честные люди попадали въ волостные головы рѣдко и случайно. Обыкновенно, защищая міръ и слабыхъ его членовъ, они попадали сами подъ административныя взысканія и несли большой ущербъ въ своемъ хозяйствѣ.

Грамотныхъ крестьянъ было у насъ очень мало, да и грамота была одна церковная, для чтенія книгъ славянской начати и духовнаго содержанія. Грамотные люди выходили только изъ трехъ старообрядческихъ кружковъ Кулаковой: — главы филипповскаго

толка—Скрыпы; наставника стариковщины — Якуни и начетчицы, старой дѣвы—Аннушки, имѣвшей также свою особую „моленну" (молельню). Вліянія духовенства мѣстной церкви, отстоявшей въ 4 верстахъ отъ дер. Кулаковой, не было замѣтно ни въ смыслѣ религіознаго воздѣйствія, ни въ смыслѣ просвѣщенія. Церковь въ ея мѣстномъ приходѣ, была тоже своего рода официальнымъ вѣдомствомъ, куда приходилось обращаться при такихъ событіяхъ, какъ, напримѣръ: крещеніе новорожденныхъ, вѣнчаніе и проч., да при срокѣ выбора отъ прихода церковнаго старосты и двухъ сторожей.

Мѣстный священникъ, служившій у насъ не одинъ десятокъ лѣтъ, относился къ своей обязанности далеко не такъ, какъ подобало духовному пастырю и едва-ли еще не назойливѣе, чѣмъ чиновники, эксплуатировалъ крестьянъ, требуя настойчиво и рѣзко плату за всякую требу и службу. Всѣ старообрядцы, значившіеся православными по метрическимъ книгамъ, составляли для него доходную статью и платили за пастырскіе номинальные труды повышенное вознагражденіе и двойную ругу, когда онъ собиралъ ее въ деревнѣ. Въ деревнѣ Кулаковой была православная часовня, въ которой нѣсколько разъ въ году, священникомъ совершались молебны, какъ-то: на третій день Пасхи, на второй день Рождества Христова и въ нѣкоторые другіе праздники. На Пасхѣ и въ день Богоявленія совершалось хожденіе по домамъ деревни съ Крестомъ и святой водою...

Но я кладу перо. У меня, какъ у православнаго, не поднимается рука, даже спустя полъ-вѣка времени, чтобы написать *по правдѣ* о томъ, каковы бывали сцены въ эти дни...

Да и безъ этихъ подробностей, которыя слишкомъ болѣзненны и горьки, я думаю, понятно, каковы были отношенія мѣстнаго населенія къ приходскому священнику.

Объ интеллигенціи, радѣющей о благѣ обывателей деревни, какая проявляется теперь въ нашихъ захолустьяхъ, во времена мною описываемыя, не было и помину. Не только въ какой нибудь деревнѣ, ее не было и въ городѣ. Чиновники, если и были частью воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, нисколько не были интеллигентными въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. радѣтелями о благѣ общества. Все ихъ время, кромѣ опредѣленныхъ часовъ службы, уходило на картежную игру, взаимные обѣды и вечеринки, гдѣ главную суть также составляли карты и вино; общественное благо, благо деревенскаго населенія едва-ли кому

приходило и въ голову. Начальство считало своихъ подчиненныхъ за овецъ, которыхъ можно только стричь, а кормъ пусть ужь они сами находятъ, гдѣ хотятъ.

Жители деревни Кулакова, искони были земледѣльцами и ремесленниками. Земледѣліе давало имъ—рожь, ячмень, овесъ, пшеницу, гречу, горохъ, рѣпу, ленъ; огородъ—капусту, картофель, огурцы, морковь; конопляники—коноплю, пеньку и посконь. Все это обрабатывалось примитивно, но все шло на домашній обиходъ и только лишнее, сверхъ потребности семьи, вывозилось въ городъ для продажи. Луговъ для сѣнокоса и пашенныхъ угодій было вдоволь, а потому скотоводство успѣшно развивалось и давало широкое подспорье всякому хозяйству, въ виду продажи лишней скотины осенью. Я помню даже, что на выгонѣ были устроены для всего скота деревни, обширные навѣсы, покрытые дерномъ, подъ названіемъ „холодовниковъ“, куда въ каждый жаркій день и прятался скотъ отъ овода и зноя. Сермяги, зипуны, дубленки, посконныя рубахи — всѣ были, своего домашняго издѣлія, и даже женщины носили сарафаны изъ холста льнянаго и посконнаго, окрашеннаго „кубомъ“ *) подъ именемъ „дубасовъ“ и „верхниковъ“. Про женщину, у которой бывали у рубахи ситцевые рукава, обыкновенно иронически замѣчали: „ахъ дѣвоньки, какая щеголюха; у ней, поди-ко ты, ситцевые рукава!“

Ремесло мущинъ было—сани и телѣги; женщинъ — ковры и полазы. Это давало деньги, достаточныя для уплаты податей, повинностей и даже для всѣхъ другихъ общественныхъ поборовъ, о которыхъ говорилось выше.

Соломенныхъ крышъ на домахъ и службахъ не было нигдѣ. Всѣ избы были крыты тесомъ и очень рѣдко драницами. Солома на крышахъ водилась только на навѣсахъ, зимою, для скота; къ лѣту она всегда убиралась.

Вообще надобно признать, что экономическое положеніе народа въ деревнѣ Кулаковой въ то время было въ хорошемъ, сравнительно, состояніи и стало падать лишь въ слѣдующія десятилѣтія, когда въ деревнѣ, послѣ откуповъ, развернулся кабакъ съ свободною продажею вина и особенно, когда тамъ укрѣпились на значительное время, цѣлыхъ три питейныхъ заведенія. Не стало у крестьянъ запаснаго зерна, уменьшилось скотоводство, исчезли „холодильники“, самодѣльные холсты, сермяги и сукно. На плечахъ у всѣхъ стали

---

*) Синяя краска—индиго.

появляться фабричные товары—ситцы, кумачи и шерстяныя матеріи. Деревня стала значительно бѣднѣе прежняго и, если она теперь еще не такъ обѣднѣла, какъ нѣкоторыя села и деревни, ее окружающія, то только благодаря ремесламъ, которыя при поднявшейся волнѣ переселенческаго движенія въ Сибирь, давали много лѣтъ подъ рядъ, хорошіе заработки отъ продажи деревенскихъ издѣлій.

Сто лѣтъ назадъ, какъ разсказывалъ мой дѣдъ (около 1795 г.) все населеніе Тюмени и Тюменскаго уѣзда, а частію и всей губерніи постигло страшнѣйшее бѣдствіе—неурожай хлѣба, равнаго которому съ тѣхъ поръ не повторялось. Стояла лѣтомъ такая сильная засуха, что земля потрескалась, а трава и хлѣбъ въ полѣ совсѣмъ засохли и погибли. Хлѣбъ ржаной поднялся до неслыханной цѣны двухъ рублей за пудъ, когда средняя цѣна передъ тѣмъ много лѣтъ существовала только „два алтына". Прадѣдъ мой Никита, былъ весьма зажиточный крестьянинъ и, умирая, оставилъ дѣду моему, 12-ти лѣтнему мальчику, въ наслѣдство, между прочимъ, рѣшето серебряныхъ рублей. Въ голодный годъ, въ большой семьѣ, состоявшей изъ матери его, малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, все оставленное серебро и ушло на покупку дорогаго хлѣба. Съ тѣхъ поръ въ слѣдующее полустолѣтіе деревня Кулакова мало по малу ожила и поправилась такъ, что къ моему отрочеству считалась чуть-ли даже не богатою.

Кредита въ деревенской жизни, въ смыслѣ нынѣшняго вексельнаго, совсѣмъ не было. О процентахъ никто и никогда даже не слыхалъ. Всякую сбереженную копѣйку прятали дома въ какой-нибудь сундукъ въ узелкѣ изъ тряпокъ, закатывали въ холстины или, наконецъ, складывали въ горшокъ, закапываемый гдѣ нибудь въ землю, въ углу „подполья". Если и давали деньги кому-нибудь „въ займы", то отмѣчали это зарубкой на биркѣ и это считалось вѣрнымъ обезпеченіемъ. Братъ бабушки моей, дѣдъ Василій, часто намъ разсказывалъ, какъ должникъ его въ ноги ему кланялся и умолялъ „не скалывать зарубки", пока онъ не уплатитъ долга.

Наивныя времена, какъ давно вы миновали! Начиная съ 50-хъ годовъ эти порядки стали быстро измѣняться; изчезли патріархальные пріемы и отношенія. Уже тогда наростало поколѣніе, въ которомъ появились люди, хотя еще не взимавшіе процентовъ, но уже выговаривавшіе отдавать имъ на срокъ за $^{3}/_{4}$ цѣны ремесленныя издѣлія, или убирать хлѣбъ съ десятины, вмѣсто полнаго

рубля, за восемь гривенъ. Векселей и росписокъ, правда, не существовало и тогда; все велось на совѣсть, или въ крайнемъ случаѣ требовалось увѣреніе, что „вотъ вамъ Богъ порука“ или „святой угодникъ Никола“. И я не помню за все мое дѣтство случая, чтобы у кого-нибудь возникали споры между должникомъ и кредиторомъ. Всякіе разсчеты оканчивались на оговоренныхъ условіяхъ, всегда добросовѣстно и вѣрно.

Внѣшнія политическія событія глухо доносились въ деревню Кулакову и рисовались тамъ чисто легендарнымъ образомъ. Такъ Венгерская кампанія 1849 года, всплываетъ въ моей памяти въ разсказѣ инвалида, у котораго одна нога была отрѣзана и замѣнялись деревяшкой съ окованной желѣзомъ оконечностью. Въ праздничный день, помню, инвалидъ сидѣлъ на завалинкѣ избы и разсказывалъ собравшимся кругомъ его слушателямъ такую исторію:

— „Эхъ-ма! Изъ за чего война то другой разъ бываетъ. Вотъ, недавно взбунтовались Венгерцы противъ ихняго царя. Царь-то ихъ Нѣмецкій видитъ, дѣло плохо, возьми да и пошли нашему царю грамотку: такъ молъ и такъ, помоги мнѣ, любезный братъ. Нашъ-то царь подумалъ, погадалъ, съ сенаторами совѣту подержалъ, какъ-молъ быть? Сегодня бунтуютъ здѣсь, а завтра, чего добраго, забунтуютъ въ другомъ мѣстѣ и пошло писать. Вотъ онъ и надумалъ: дай-ка проучу Венгерцевъ, да и послалъ на помочь нѣмецкому царю наше войско. Какъ только русскіе солдатики туда пришли, такъ куда тебѣ Венгерцы! Разнесли мы ихъ въ пухъ. Начальникъ-то ихъ набольшій давай Богъ только ноги: удралъ въ другую землю. И ужь какое-же, нѣмецкій царь спасибо-то давалъ нашему-то, бѣлому царю. Вотъ говоритъ, если-бы не ты, совсѣмъ капутъ мнѣ приходилъ. А нашъ-то царь и отвѣчаетъ: ну ладно, ладно, сочтемся послѣ, а теперь не поминай насъ лихомъ, да живите смирно“.

Болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о внѣшнихъ политическихъ событіяхъ въ деревенскую глушь тогда не проникало. Газетъ не было и въ поминѣ, и никто ничего не зналъ, не только о томъ, что дѣлается въ столицѣ государства, но даже и въ ближайшемъ губернскомъ городѣ.

* * *

Обыденныя рабочія занятія шли у насъ своимъ порядкомъ и чередою. Наша семья видимо стала поправляться. Мои писарскіе заработки, личная помощь въ ремеслѣ моему отцу, мало по малу

возвышали наше деревенское благосостоянiе. Чѣмъ больше я подросталъ, тѣмъ больше успѣвалъ по хозяйству и ремеслу. На четырнадцатомъ году, я уже могъ сооружать простыя хрясла, отъ начала и до конца. Артистъ-ремесленникъ, мой дядя Никифоръ, и тотъ даже, глядя на мою работу, подъ-часъ меня хвалилъ и говорилъ: „ну братъ Николаха, мастеръ-же ты будешь, когда выростешь". Черезъ годъ я уже ѣздилъ одинъ изъ деревни въ городъ продавать на рынкѣ, сдѣланные совмѣстно съ отцомъ, сани или хрясла. Изъ этого перiода моей жизни, мнѣ припоминается случай, когда въ городѣ я взялъ подрядъ—сработать особеннаго типа хрясла, за цѣну „золотаго" (полуимперiала) къ назначенному сроку, ровно чрезъ недѣлю. Я сдѣлалъ эти хрясла, безъ помощи отца и самъ отвезъ и сдалъ закащику. Когда-же въ первый разъ, у меня въ рукахъ появился полуимперiалъ, заработанный мною лично, я почувствовалъ въ себѣ гордое сознанiе своей самостоятельности. Дорогою, изъ города въ деревню, я то и дѣло нащупывалъ въ карманѣ „золотой", боясь его утратить, а можетъ быть, желая лишнiй разъ убѣдить себя посредствомъ осязанiя въ новомъ прiятномъ ощущенiи.

Я выучился также „точить точки". Искусство это состояло въ томъ, что на особенномъ самодѣльномъ токарномъ станкѣ, вставлялась сухая строганая, заостренная съ обоихъ концовъ палка. Она обертывалась ремошкомъ гудка и вертѣлась лѣвою рукою въ ту и другую сторону по возможности быстро. Въ правой рукѣ, былъ спецiальный, на длинной рукояткѣ, маленькiй ножъ, направляемый на вертящуюся палку. „Точки" походили на мелкiя балясины разной формы и размѣра, служа украшенiемъ задней части саней. Я готовилъ ихъ для своего ремесла, а также продавалъ другимъ по копѣйкѣ за штуку, зарабатывая на этомъ иногда, въ продолженiе вечера около 30 копѣекъ (ассигнацiями).

Пашня и покосъ у насъ увеличились и мы уже нанимали лѣтомъ работника и „пострадульку". На покосѣ я косилъ траву, убиралъ сѣно; на пашнѣ—жалъ хлѣбъ, вязалъ его въ снопы и наравнѣ съ другими подавалъ на „клади".

Несмотря на такое повышенiе нашего крестьянскаго благосостоянiя, внутреннiй червь грядущей семейной бѣды точилъ насъ каждую минуту. Дѣло въ томъ, что два родные брата моего отца—Корнилъ и Никифоръ, жившiе отдѣльными дворами, въ ревизскихъ сказкахъ, числились въ одной семьѣ подъ однимъ нумеромъ съ нами. У дяди моего Корнила, было два сына, оба съ физическими

недостатками, а у другого дяди Никифора былъ одинъ сынъ, но малолѣтній. Къ моему совершеннолѣтію, въ ревизской семьѣ, состояло-бы шесть полныхъ работниковъ, съ которыхъ требовался срочно въ сдачу рекрутъ. И я, единственный сынъ у родителей, долженъ былъ идти въ солдаты за моихъ дядьевъ и ихъ сыновей. Чтобы избавиться отъ этого, представлялся единственный исходъ—найти наемщика, или купить рекрутскую квитанцію, а это требовало денегъ, по меньшей мѣрѣ 100 р. (ассигнаціями). Ни заработать, ни найти у кого-нибудь такой суммы денегъ, не было возможности, поэтому придумали, отдать меня, 15-ти-лѣтняго подростка, служить къ богатому нашему родственнику, И. А. Рѣшетникову, чтобы къ совершеннолѣтію моему я могъ расчитывать занять у него денегъ для покупки рекрутской квитанціи.

Весной 1852 г. такой исходъ, въ семьѣ нашей, былъ принятъ окончательно, а 12 іюля, я выѣхалъ изъ дому въ г. Тюмень, на новый путь жизни, въ новую среду, оставивъ позади себя деревню и всѣ ея воспоминанія.

Такъ кончились мои отроческіе годы и начиналась жизнь юноши, о которой и поведу разсказъ въ слѣдующихъ главахъ.

VI.

Въ прикащикахъ на заводѣ.

Въ началѣ іюля 1852 года въ семьѣ у насъ состоялся опять семейный совѣтъ для рѣшенія назрѣвшаго вопроса: какой избрать для меня жизненный путь, чтобы избѣгнуть роковой судьбы идти въ солдаты за моихъ дядьевъ и сыновей ихъ, составлявшихъ съ нами одну семейную единицу по прежнимъ правиламъ ревизскихъ сказокъ? На совѣтъ были приглашены: дяди Семенъ и Николай (братья матери), тетка Анисья и одна изъ моихъ бабушекъ Авдотья.

— Вотъ что,—сказалъ собравшимся роднымъ мой отецъ:— Микола подросъ, ему 15 ужъ годовъ. Того и гляди, выростетъ въ „годные", а тамъ и ступай въ солдаты за племянниковъ и братьевъ моихъ. Всѣ вы это знаете; вѣдь, семья, по сказкамъ, семь ревизскихъ душъ. Что теперь намъ дѣлать съ матерью, чтобы не постигла насъ такая бѣда—ума не приложимъ? Посовѣтуйте, родимые.

Вопросъ для всѣхъ былъ очень ясенъ; всѣ они давнымъ давно знали его во всѣхъ подробностяхъ, а потому самъ вопросъ не требовалъ ни фактовъ, ни поясненій. Каждый изъ собравшихся имѣлъ высказать только свое мнѣніе.

— Я-бы пошла къ дядьямъ—заявила бабушка,—да и сказала имъ: такъ, молъ, и такъ, давайте наймемте съобща „наемщика".

— Ахъ, бабушка—возразила мать, да что въ этомъ толку-то будетъ? Вотъ недавно еще деверь мой Никифоръ нашему Миколѣ со смѣхомъ въ глаза сказалъ: „какой - же ты будешь за насъ славный „некрутъ" (рекрутъ). Послѣ этого жди отъ нихъ, дадутъ они тебѣ денегъ на наемщика, какъ-бы не такъ!

— А что ежели-бы—вставилъ дядя Никола—взять мірской приговоръ, что семья твоя, зять, живетъ отдѣльно 18 лѣтъ, да и послать съ прошеніемъ въ казенную палату?

— Ничего, дядя, не выйдетъ изъ этого—возразилъ отецъ.— Напишутъ, что нельзя, и только. А приговоръ-то самъ во что обойдется? Надо вѣдь покупать вина, орѣховъ обществу, дарить особо міроѣдовъ, расходовъ страсть сколько будетъ, а толку все равно не выйдетъ никакого.

— Эхъ вы—громко заявила тетка Анисья—такъ нельзя, и эдакъ нельзя. Да я пошла-бы, да каждому въ глаза и сказала: что вы, нехристи что-ли, брать въ солдаты одного сына! Право, такъ-бы вотъ и начальнику сказала даже: есть на тебѣ крестъ Христовъ? Ну и дѣлай бумагу по-христіански.

— Ахъ, сестра, сестра—вмѣшался дядя Семенъ.—Ну и что же выйдетъ? Велятъ тебѣ уходить вонъ, да и только. А дѣло-то ни на волосъ не подвинется впередъ. Все это никуда не годится. Лучше давайте-ка, поговоримъ о томъ, что уже надумано; это будетъ прямѣе и вѣрнѣе. Разъ положенъ съ семьи некрутъ, тутъ и толковать нечего, подавай его, своего или наемника, а подавай. Какъ ни кинь, остается одно: нанимать наемщика. Разсчитывать на помощь отъ сватовъ Корнила и Никифора нечего: они ни гроша не дадутъ на это. Имъ просто нѣтъ разсчета. Стало быть, черезъ пять годовъ надо самимъ найти денегъ на наемщика. По-моему и остается одна дорога — отдавать теперь-же Миколу къ Афанасьевымъ въ услуженіе, а тамъ они дадутъ и денегъ.

— Господи—воскликнула мать, заливаясь слезами,—отдать служить въ чужіе люди ребенка! Съ кѣмъ онъ будетъ тамъ жить, чему его научатъ? Чего добраго, еще мало будетъ Богу молиться, соблазнятъ его табакъ курить, вино пить. О, я несчастная...

— Эхъ, какая ты, сестра—заговорилъ дядя Семенъ—ну, а въ солдатахъ-то вѣдь и того хуже? Здѣсь хоть въ двѣ недѣли разъ ты можешь повидаться съ сыномъ, а тамъ угонятъ его Богъ знаетъ куда, а будетъ война и убить могутъ.

На этомъ совѣтѣ, послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, вопросъ о моей дальнѣйшей карьерѣ былъ рѣшенъ окончательно въ томъ смыслѣ, что надо отдать меня богатымъ купцамъ въ городѣ, нашимъ дальнимъ родственникамъ, въ прикащики, чтобы потомъ къ совершеннолѣтію моему они дали заимообразно денегъ на наемщика.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого семейнаго совѣта мать, моя, тетка Анисья и я, поѣхали въ городъ къ Аѳанасьевымъ, просить ихъ милости принять меня къ себѣ „въ услуженіе“.

Я не буду описывать сцены, гдѣ, съ одной стороны, было со-

знаніе силы капитала, а съ другой—полная безпомощность и зависимость. Да это понятно и безъ описаній. Для меня, какъ новичка, казалось только многое удивительнымъ и унижающимъ, но думалось, что такъ угодно Богу и надо принимать и переносить всякое ярмо безропотно.

Будущіе мои хозяева подвергли меня испытанію въ чтеніи и письмѣ и нашли, что я читаю и считаю хорошо, а пишу „прескверно", какими-то, по ихъ словамъ, каракулями. Порѣшили на томъ, что я поступлю пока въ подручные къ прикащику, на жалованье 50 р. въ годъ, на всемъ хозяйскомъ содержаніи, причемъ прибавили, что если я буду служить усердно и хорошо, то жалованья мнѣ потомъ прибавятъ и даже дадутъ денегъ на наемщика.

Съ этимъ результатомъ мы отправились домой, въ деревню Кулакову. Мать моя, предвидя предстоящую разлуку со мною, всю дорогу плакала, а тетка Анисья читала мнѣ наставленія, какъ надо себя держать въ богатомъ домѣ, чтобы „не ударить лицомъ въ грязь". — „Ты, Микола — добавляла она — покажи-ка имъ, нашей богатой роднѣ, что и мы „не лыкомъ шиты". Отецъ ихъ, покойный Аѳанасій Егоровичъ, дай ему Богъ царство небесное, бывало заѣдетъ къ намъ въ деревню подъ хмѣлькомъ и матушкѣ нашей, царство ей небесное, часто приговариваетъ: Авдотья Егоровна, Авдотья Егоровна, вѣдь мы съ тобой родня, а? Я богатъ сегодня, вы разбогатѣете завтра, что-же намъ этимъ гордиться? Угости-ко ты меня травничкомъ. *) И такой-то онъ, покойная головушка, бывалъ добрый и ласковый. Всѣхъ насъ, малыхъ дѣтокъ, приласкаетъ да приголубитъ и пряниковъ надаетъ. Вотъ у нихъ старикъ-то какой былъ! Они, теперь, его дѣти, хоть и не такіе, какъ онъ, а все-же и въ нихъ что нибудь отъ старика перешло".

Родители начали снаряжать меня въ путь дорогу, на службу "въ чужіе люди". Мать моя готовила бѣлье для меня и я часто видѣлъ, какъ, молча, роняла она слезы на полотно, какъ усердно работала иголкой. Отецъ выдерживалъ себя и не жаловался, но я видѣлъ его постоянно съ нахмуреннымъ лицомъ, а ночью, просыпаясь, слышалъ, какъ онъ въ темномъ углу передъ иконою усердно клалъ земные поклоны, громкимъ шепотомъ приговаривая: „Боже милостивъ буди намъ грѣшнымъ! Боже, дай ума и разума Миколѣ".

Дядя Семенъ видимо хотѣлъ поддержать бодрое семейное

*) Густой домашній квасъ, настоянный на листьяхъ смородины.

настроеніе и, приходя къ намъ, разсказывалъ, мнѣ, какъ другіе подростки, поступивъ служить мальчиками „выходили въ люди, и дѣлались въ концѣ концовъ славными и богатыми." Ты знаешь-ли Котовщикова—добавлялъ онъ—вѣдь онъ мальчикомъ уѣхалъ, зимой, на козлахъ кашовы, служить въ Кяхту къ купцу. А теперь поди-ка, какой сталъ именитый купецъ самъ! Или, вонъ, купецъ, Иванъ Егоровичъ Рѣшетниковъ. Его увезъ мальчикомъ, также на козлахъ тарантаса, въ Кяхту, обозный прикащикъ. А теперь посмотри-ка, какой у него каменный домъ въ городѣ и какой онъ самъ богатѣйшій человѣкъ теперь.

Я слушалъ эти рѣчи, но никакъ не могъ понять, какимъ образомъ изъ бѣднаго мальчика выходятъ „богатѣйшіе" люди. У меня сжималось сердце при мысли покинуть домъ, отца, мать, сестру; жить въ чужихъ людяхъ, подчиняясь ихъ приказамъ, — но солдатская шапка впереди, если я этого не сдѣлаю, пугала меня страшно, и я, поплакивая втихомолку, готовился къ отъѣзду, предпочитая лучше вытерпѣть въ чужихъ людяхъ службу и нужду, чѣмъ поступать въ солдаты и оставить навсегда свою семью осиротѣлою.

Насталъ, наконецъ, и день моего отъѣзда. Какъ теперь помню, это было 14 іюля 1852 года. У насъ собрались всѣ родные съ материнской стороны. Въ переднемъ углу горницы зажжены были восковыя свѣчи предъ иконою. Отецъ, мать и я положили „началъ" и они поочередно благословили меня крестнымъ знаменіемъ, напутствуя словами:

— Сынъ нашъ родимый, Богъ тебя благословитъ. Видно, такъ ужъ тебѣ на роду написано. Будь на то Его святая воля. Поѣзжай съ Богомъ. Служи хозяину вѣрою и правдой. Не забывай Бога и молись Ему чаще, чтобы Онъ наставилъ тебя и вразумилъ. Хозяевъ слушайся и почитай. Мы часто будемъ тебя провѣдывать.

Дядя Семенъ—я замѣтилъ это — какъ-то особенно серьезно заговорилъ со мною:

— Ну, племянникъ, сегодняшній день у тебя поворотъ съ нашей деревенской дороги на другую. Куда приведетъ тебя этотъ новый путь, мы не знаемъ. Но надѣемся на Бога, что Онъ тебя не оставитъ. Ты отселѣ будешь самъ и работникъ, и хозяинъ своей судьбы. Старайся-же сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ. Благослови тебя Богъ.

Тетка Анисья, присутствуя при этомъ, сильно плакала и по временамъ громко восклицала:

— Смотри-же у меня не вздумай вино тамъ пить и табачище курить! Глаза всѣмъ выцарапаю, кто тебя этому научитъ.

Остальные родственники, каждый по своему, выражали мнѣ свои пожеланія всякаго добра и успѣха.

Я самъ былъ въ сильнѣйшемъ нервномъ возбужденіи, какое когда-либо испытывалъ. Слезы лились изъ глазъ какъ-то сами собою. И странное дѣло! Вся эта бытовая картина, — лица присутствовавшихъ, ихъ жесты, интонаціи голосовъ сохранились въ моей памяти до мельчайшихъ подробностей и теперь, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ протекло почти полъ-вѣка! Я отчетливо помню сумрачную фигуру отца, убитую горемъ мать, фигуру и жесты прихрамывавшаго дяди Семена, горячую, увлекающуюся тетку Анисью; мнѣ какъ-бы слышится тембръ ихъ голосовъ и вырисовывается вся обстановка горницы, гдѣ это происходило, начиная съ печи, выбѣленной золотухой, до знаменитаго дѣдовскаго шкафа съ двумя маленькими стеклами, раскрашеннаго синей и алой красками, съ желтыми отводками.

Прощаніе съ родными и ихъ наставленія, наконецъ, окончены. Отецъ еще разъ благословилъ меня. Мать и я усѣлись въ телѣгу, запряженную старымъ Гнѣдкомъ и поѣхали въ городъ.

*
* *

Купеческая семья Рѣшетниковыхъ, извѣстная подъ имемемъ Аѳанасьевыхъ, состояла изъ главы дома, Ивана Аѳанасьевича, его жены, старухи матери и трехъ пожилыхъ, незамужнихъ дочерей его сестеръ. Глава дома имѣлъ унаслѣдованный отъ отца большой кожевенный заводъ, а его старшая сестра держала въ гостиномъ дворѣ лавку съ мануфактурнымъ товаромъ. Жизнь онѣ, по тогдашнему времени, вели открытую и считались въ Тюмени „богатѣями“, хотя состояніе ихъ не превышало ста тысячъ рублей. На заводѣ выдѣлывалось въ годъ кожъ до 30 т. штукъ, а лавка выручала до 15 т. рублей. Кожи выдѣлывались исключительно „на линейскую руку“, яловыя, въ видѣ красной юфти, „чарошныя“ въ видѣ черныхъ мереныхъ кожъ и копина, въ видѣ бѣлыхъ мягкихъ сортовъ, для голенищъ туземной обуви, подъ именемъ „бродней“.

Красная юфть продавалась потомъ на мѣновыхъ дворахъ пограничныхъ городовъ Троицка и Петропавловска въ обмѣнъ на азіатскіе товары: „мату“, „выбойку“, „армяки“, желтые бараньи шаровары, „кочьмы“, „кишмишъ“ и шелковые товары. Единицей

счета, при мѣнѣ товаровъ, считалось со стороны заводчиковъ, „бунтъ“ (10 кожъ), скатанный трубою, а со стороны Азіатовъ— „конецъ“, „мѣшокъ ягодъ“ и „штука сшитой вещи“ *). Вымѣненные на русскую юфть азіатскіе товары продавались потомъ русскимъ торговцамъ по ярмаркамъ и торжкамъ, существовавшимъ въ предѣлахъ Тобольской губерніи, или вновь вымѣнивались на кожевенное сырье. Кожевенный заводъ и домъ Рѣшетниковыхъ находились на берегу р. Туры, въ зарѣчной части Тюмени.

Въ эту семью Аѳанасьевыхъ и привезла меня мать „въ услуженіе“. Насъ приняла покуда старуха, мать будущаго моего хозяина, и приласкала меня, назвавъ „добрымъ паренькомъ“, наставляя въ тоже время, какъ надо служить хозяевамъ вѣрою и правдой, съ дворней не связываться и помнить, что я, вѣдь, все-же ихъ “родственникъ“. Это нѣсколько меня ободрило, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія въ домъ хозяина, куда-то выѣхавшаго въ городъ.

Все меня въ этомъ купеческомъ домѣ занимало. И домъ, и дворъ казались до того обширными, что я не могъ придумать, для чего требуется такой просторъ. Домъ стоялъ въ углубленіи, среди двора, съ выдвинутымъ впередъ, парадным крыльцомъ, а со сторонъ его фасадами на улицу, тянулись громадныя постройки флигелей съ жилыми помѣщеніями, „завозпями“ (амбарами) и широкими „галдареями“. Дворъ вымощенъ былъ тесанными брусьями, такъ что всякій экипажъ, проѣзжавшій дворомъ, производилъ грохотъ, слышанный изъ каждой комнаты дома и флигелей и отдавался эхомъ въ крытыхъ „галдареяхъ“. Всѣ заборы были унизаны гвоздями, остріемъ кверху, а ворота запирались на ночь висячимъ замкомъ. Всюду носился запахъ дубильной кислоты и все незамощенное деревомъ мѣсто двора и улицы засыпано было „одубиной“.

Но вотъ послышался грохотъ быстро въѣзжавшаго на дворъ экипажа, гдѣ правилъ рысакомъ рослый кучеръ, а на дрожкахъ сидѣлъ верхомъ самъ хозяинъ дома, одѣтый во фризовую шинель и шляпу цилиндръ. Онъ быстро соскочилъ съ дрожекъ и направился во флигель, гдѣ жила его мать и гдѣ мы временно пріютились.

---

*) «Конецъ маты»—14 арш., ручной бѣлой бумажной матеріи. «Конецъ» выбойки»—24 арш., бумажной набивной матеріи.

— Здравствуйте сказалъ онъ матери моей и мнѣ. — Что, сына привезла, — Егоровна?

— Да, сына, Иванъ Аѳанасьевичъ. — отвѣтила мать.

— Ну, что-же, хорошо. Пусть служитъ и привыкаетъ. Я велю помѣстить его вонъ тамъ, во флигелѣ, въ комнатахъ съ прикащиками! А завтра найду ему и дѣло.

Мать повела меня въ эти прикащичьи комнаты. Они оказались на верху надъ амбарами, съ узенькими окнами, выходящими на улицу и широкими на дворъ; комнаты были довольно просторны. Въ нихъ стояли двѣ конторки, нѣсколько кроватей и полдесятка стульевъ. Въ обѣ комнаты далеко выдвигалась громадная печь. За конторкою сидѣлъ какой-то человѣкъ и громко щелкалъ костяшками крупныхъ счетовъ.

Мать моя несмѣло промолвила:

— Иванъ Аѳанасьевичъ велѣлъ помѣстить моего сынка здѣсь. Онъ будетъ у васъ служить.

— А! хорошо, - -сказалъ пишущій у конторки. — Вонъ, кладите въ уголокъ его пожитки. А тамъ его устроимъ. Какъ малаго зовутъ? — спросилъ онъ.

— Николай — отвѣчала мать.

— Ну, братъ, Николай, располагайся здѣсь, гдѣ-нибудь у стѣны къ окошку. Вечеромъ принесутъ тебѣ кровать, вотъ около нея и устроишься.

Мать моя снова обратилась къ прикащику.

— Милый человѣкъ, я не знаю вашего имени, но прошу васъ, поучите моего сынка, чего онъ не знаетъ, на всякое доброе дѣло.

— Не проси объ этомъ, матушка. Если есть въ немъ толкъ, то онъ скоро самъ пойметъ, что надо дѣлать.

Мать попрощалась со мною съ обычными материнскими слезами, надававъ мнѣ всякихъ наставленій и пошла къ своей телѣгѣ. Я проводилъ ее за ворота.

Когда я вернулся въ прикащичьи комнаты, мною овладѣло полное отчаяніе, до того невыносимо было новое чувство заброшенности и одиночества. Я не зналъ, къ кому обращаться за совѣтомъ, не зналъ, что дѣлать и, помню, просидѣлъ до самаго обѣда на одномъ и томъ-же мѣстѣ на старомъ диванѣ. Люди, приходившіе въ прикащицкую, разговоры и манеры ихъ, производили на меня тягостное впечатлѣніе. Что-то новое, до сихъ поръ мнѣ невѣдомое начинало открываться предо мною и поражать меня незна-

комыми сторонами жизни, начиная съ техническихъ выраженій кожевеннаго промысла, до свободныхъ шутокъ и бранныхъ словъ, у насъ въ деревнѣ не употребляемыхъ. Я то и дѣло слышалъ споръ кожевеннаго мастера съ рабочими, приходившими за записью въ рабочіе листы, о какой-то „мереѣ“, „подрѣзяхъ“, „мази“ „передубкѣ“, „3-мъ и 4-мъ дубѣ“, „киселѣ“, но рѣшительно ничего не понималъ, что это все означаетъ.

* *
*

Колоколъ, повѣшенный на кожевенномъ дворѣ, по другую сторону улицы, противъ нашихъ комнатъ, возвѣстилъ время обѣда, и тотъ-же конторщикъ, работавшій за конторкою, пригласилъ меня къ общему столу, въ особую большую комнату, расположенную въ нижнемъ этажѣ отдѣлочнаго зданія, рядомъ съ кухнею. Обѣдающаго народа набралось человѣкъ десять: двое прикащиковъ, конторщикъ, кожевенный мастеръ, кучеръ, строгаль и др. Я въ первый разъ въ жизни садился за столъ среди чужихъ людей и чувствовалъ себя до крайности неловко. Строгаль Прохоръ Степановичъ, давно живущій на заводѣ, замѣтивъ мое смущеніе, посадилъ меня рядомъ съ собою, проговоривъ:

— Что тутъ стѣсняться? Все люди свои. Садись и кушай, не зѣвай. А то, какъ разъ Максимка все захватитъ; вонъ, онъ какой охальный.

Максимка былъ парень, давно живущій на дворѣ, полу-прикащикъ, полу-рабочій, озорникъ, обжора и старался захватить себѣ кушанья изъ общей чашки, какъ можно больше, не заботясь о другихъ. Его за то бранили, надъ нимъ смѣялись, но онъ спокойно отвѣчалъ: „а что же мнѣ дѣлать, что вы зѣваете, а мнѣ ѣсть хочется“, и уписывалъ чужія порціи, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Строгаль Прохоръ Степановъ первый на дворѣ заговорилъ со мною задушевнымъ тономъ искренняго человѣка и я сильно обрадовался этому. Послѣ обѣда онъ пошелъ со мною въ прикащичьи комнаты, распрашивая меня, кто я такой и какъ попалъ на службу къ Аѳанасьевымъ. Я, конечно, разсказалъ ему всю мою біографію и причину поступленія моего на службу.

— Знаю я все это—замѣтилъ онъ—вонъ, кухарка съ мужемъ Ѳедоромъ живутъ здѣсь уже другой годъ—она кухаркой, а онъ работникомъ—за взятыя деньги на наемщика. Что съ этимъ подѣлаешь? Судьба видно такая. А ты шибко-то не печалься; ко

всему по маленечку привыкнешь и будешь жить по хорошему. Хлѣбъ-соль тутъ добрые, пожаловаться нечего. Утромъ и вечеромъ пьемъ чай, въ полдень обѣдъ, а вечеромъ ужинъ. Хозяинъ у насъ немножко горячъ, но хорошій человѣкъ. Вотъ только не сходись съ Максимкой, да съ отдѣловщиками: не путевые они люди и охальные.

Я слушалъ всѣ эти замѣчанія строгаля Прохора и принималъ ихъ, какъ нѣкое откровеніе.

— А нельзя-ли мнѣ посмотрѣть, какъ тутъ на заводѣ работаютъ?—спросилъ я несмѣло.

— Пойдемъ, я тебѣ все покажу. Вотъ я строгаль — ты знаешь, что это за работа?

— Нѣтъ, не знаю.

— Пойдемъ со мной и увидишь. Я иду на заводъ кожи принимать, а потомъ строгать ихъ буду.

Я съ радостью согласился. Прохоръ пошелъ со мною на заводъ, гдѣ вся земля и строенія пропитаны были спеціальнымъ запахомъ дегтя, извести и дубильной кислоты, а всѣ рабочіе обрызганы и какъ бы облиты грязной жидкостью изъ той-же извести, дегтя и дубильныхъ соковъ. Мы прошли сначала въ зольное отдѣленіе завода, гдѣ, казалось мнѣ, невозможно быть и часа времени отъ ѣдкаго запаха, проникающаго въ носъ и горло, но гдѣ люди, всѣ въ грязи и мокрые, вытаскивали желѣзными клещами изъ зольниковъ кожи, раскладывали ихъ „на кобылы" и сбивали тупиками шерсть въ продолженіи цѣлаго дня.

Потомъ пошли мы въ другое отдѣленіе завода—дубильное; тамъ сотни деревянныхъ чановъ заполнены были кожами, пересыпанными толченою ивовой корою. Здѣсь казалось нѣсколько чище и лучше, чѣмъ „въ зольникахъ", но и тутъ сильный запахъ дубильной кислоты и мелкая пыль толченаго корья, носящаяся въ воздухѣ, казалась мнѣ трудно выносимою.

Потомъ пошли мы далѣе въ сушильное отдѣленіе, на такъ называемые „вѣшала", откуда выдаются кожи строгалямъ,—отдѣловщикамъ, для приданія имъ внѣшняго вида разныхъ сортовъ— юфти, чарошной, сапожной и проч. Путеводителю моему, Прохору Степанову, отсчитали 20 кожъ и мы съ нимъ перенесли ихъ въ уголъ „отдѣльной" (отдѣлочной) на занимаемое Прохоромъ мѣсто. Тутъ мой строгаль снялъ съ себя верхнее платье, сапоги, засучилъ рукава и принялся за работу „отдѣловщика". Прежде всего, онъ разложилъ кожу на широкій деревянный „катокъ",

взялъ воды изъ „туеса“ въ ротъ и спрыснулъ кожу „по лицу“. Потомъ началъ мять ее руками и ногами на специальномъ станкѣ—„окованной кобылѣ“. Послѣ этого разложилъ кожу на колоду“ бахтармою къ верху и специальнымъ стальнымъ ножемъ,—„стругомъ“, началъ снимать съ нее длинныя ленты до тѣхъ поръ, пока кожа не достигла желаемой толщины. Дальше особыми, выработанными практикою прiемами отминалъ ее на „кобылѣ“ и прокатывалъ на „полкѣ“ насѣчкою до тѣхъ поръ, пока кожа не стала мягкою и неузнаваемою.

Я долго стоялъ и смотрѣлъ на эти новыя для меня манипуляцiи съ кожами; онѣ меня очень занимали и удивляли.

— Къ вечеру въ „завознѣ“—сказалъ мнѣ Прохоръ—я буду „бунтить“ кожи. Приходи туда смотрѣть и учиться, какъ надо это дѣлать.

Я охотно согласился, а пока пошелъ въ прикащицкую. Тамъ конторщикъ далъ мнѣ для провѣрки какой-то счетъ. Я началъ класть на счетахъ, скоро и, повидимому, удачно, такъ что онъ замѣтилъ:

— Э, братъ, да ты на счетахъ ходишь хорошо. А ну-ка, возьми листокъ бумаги и напиши мнѣ: „милостивый государь, дайте мнѣ переписать письмо“.

Я написалъ и подалъ ему.

— Пишешь ты не важно. Тебѣ нельзя еще давать переписывать что-нибудь набѣло. Почеркъ твой никуда не годится. Надобно будетъ поупражняться, пока станешь писать красиво. И гдѣ только научился ты выводить такiе крючки и завитушки?

За вечернимъ чаемъ, который я пилъ въ первый разъ въ жизни, мнѣ пришлось испытать горькiя минуты, такъ какъ на мой счетъ отпускались окружающими шутки и насмѣшки. Я не умѣлъ обращаться съ горячимъ стаканомъ чая, и мои неловкiе прiемы вызывали ѣдкiя издѣвательства шустраго Максимки. Одинъ только строгаль Прохоръ, да всегда серьезный кучеръ Симеонъ, не принимали участiя въ этой травлѣ, а даже защищали меня. Остальные присутствующiе, не стѣсняясь, громко хохотали. Даже мальчикъ Сила, племянникъ хозяина, живущiй также вмѣстѣ съ прикащиками, не утерпѣлъ подтрунить надъ новичкомъ-деревенщиной выставляя на видъ, какъ предметъ для юмора, мою одежду, жесты и не всегда удачныя выраженiя.

Послѣ чая я пошелъ съ Прохоромъ бунтить кожи. Процедура эта заключается въ слѣдующемъ: вы входите въ амбаръ,

гдѣ стопами навалены крашеныя кожи, которыя надобно завернуть скатаннымъ тюкомъ, по 10 штукъ въ каждомъ, но такъ, чтобы въ десяткѣ было ровно 98 четвертей мѣры, считая по длинѣ кожи „отъ зарѣза до зарѣза“. Этого мало. Ихъ надобно еще уложить такъ, чтобы постепенно кожа крупная закрывала собою кожу мелкую и, наконецъ, весь „бунтъ“ завершался-бы кожей самой крупной, безъ всякаго изъяна какъ, на самой кожѣ, такъ въ ея отдѣлкѣ и окраскѣ. При „бунченіи кожъ“ всегда имѣлась въ виду конечная цѣль — покупатель юфти, въ Петропавловскѣ, обыкновенно при осмотрѣ товара перелистывающій весь бунтъ отъ первой кожи до послѣдней. Разсчитывалось на то, чтобы у него послѣднее впечатлѣніе было самой крупной, „лучшей“ кожи во всемъ ея объемѣ. Все это требовало особой спеціальности приготовить товаръ съ „казовымъ концомъ“, для чег у каждаго заводчика и имѣлись спеціалисты, умѣющіе накладывать кожи въ бунтъ такъ, чтобы выдвинуть впередъ достоинства и затѣнить, по возможности, недостатки. Такіе люди назывались отъ слова: бунтить кожи—„бунтовщиками“.

Строгаль Прохоръ Степановъ, кромѣ спеціальности „строгаля“, владѣлъ еще искусствомъ „бунтить кожи“, но для него, какъ неграмотнаго, трудно было подсчитывать четверти и вершки. Когда мы съ нимъ пришли въ амбаръ, онъ прямо мнѣ сказалъ объ этомъ затрудненіи, прибавивъ:

— Ты поможешь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и самъ увидишь и научишься, какъ бунтятся кожи.

Я съ радостью взялся за эту подсобную работу.

Прежде всего мы начертили мѣломъ, на полу завозни, 16 квадратовъ, для складыванья въ нихъ кожъ разной мѣры: въ 8, $8^1/_4$, $8^1/_2$ и такъ далѣе до 12 четвертей. Всѣхъ кожъ въ амбарѣ было около 300 штукъ и надо было забунтить ихъ въ 30 свертковъ, въ общемъ равной величины и качества. На помощь намъ были позваны со двора три отдѣловщика.

Строгаль Прохоръ развертывалъ кожу, осматривалъ краску и лицо на ней; я мѣрялъ саженью длину въ четвертяхъ и вершкахъ, рабочіе складывали кожу вчетверо и относили въ намѣченные квадраты. Когда же вся партія была осмотрѣна и промѣряна, тогда сдѣланъ былъ подсчетъ четвертей и вершковъ во всѣхъ квадратахъ, для выясненія вывода, сколько каждаго размѣра требуется положить въ бунтъ, чтобы вышла принятая мѣра, 98 четвертей въ десяткѣ. Выходило такъ, что надо положить

сначала самую большую кожу въ 12 четвертей, потомъ самую маленькую и постепенно, увеличивая размѣръ кожъ, покрыть десятой, опять самой большой кожей въ 12 четвертей. Закатавъ крѣпко свитокъ въ 10 кожъ и перевязавъ его скрученнымъ мочаломъ, получали тотъ „бунтъ“, который требовался на мѣновомъ азіатскомъ рынкѣ.

Ужинъ, вечеромъ, былъ повтореніемъ обѣда, ничѣмъ отъ него не отличаясь, ни персоналомъ участвующихъ лицъ, ни количествомъ подаваемыхъ къ столу кушаній.

Такъ прошелъ мой первый день служенія въ людяхъ.

Утромъ слѣдующаго дня меня позвали къ хозяину, въ его кабинетъ. Это была маленькая комната, не больше пяти квадратныхъ саженъ величиною, со столомъ-конторкою, маленькимъ диваномъ и принадлежностями охоты въ углу и на стѣнахъ. На полу лежалъ яркаго цвѣта персидскій коверъ, на столѣ куча конторскихъ книгъ и счеты. Хозяинъ самъ сидѣлъ на стулѣ предъ конторкою и что-то писалъ. Я остановился у дверей.

— А, Николай! Ну что, походилъ вчера на дворѣ и на заводѣ? Что ты тамъ видѣлъ?

— Видѣлъ—отвѣчалъ я—какъ кожи дѣлаютъ, видѣлъ, какъ ихъ складываютъ.

— Кожи не дѣлаютъ, а *выдѣлываютъ*, и ихъ не складываютъ, а *бунтятъ*. Замѣть это. Понялъ?

— Понялъ.

— Съ сегодняшняго дня—продолжалъ хозяинъ—ты будешь помогать прикащику въ его занятіяхъ и дѣлать то, что онъ тебѣ велитъ. Къ вечеру ты съ нимъ поѣдешь въ Парфенову и Мысъ отдавать кожи отдѣловщикамъ. Слушай-ка—добавилъ онъ—твой кафтанъ здѣсь не годится. Надо сшить тебѣ новый халатъ, пальто и платье. А пока скажи прикащику, чтобы выдалъ тебѣ изъ „завозни“ подходящій армякъ и кушакъ. Въ лавкѣ пусть купитъ фуражку. Вотъ и все пока. А теперь иди и занимайся.

— Ладно,—промолвилъ я.

— Здѣсь не деревня и „ладно“ не отвѣчаютъ. Надо говорить: слушаю-съ.

Съ этого момента начался самый тяжелый для меня періодъ времени „служенія въ людяхъ“, такой тяжелый, что я не выдержалъ его и, по прошествіи мѣсяца, сбѣжалъ въ деревню; но объ этомъ ниже.

Но буду продолжать разсказъ день за днемъ, въ порядкѣ обыденной жизни, какъ она въ то время протекала.

Послѣ обѣда, на второй день моей службы, прикащикъ и я наложили въ двѣ телѣги 300 штукъ выдѣланныхъ кожъ и, усѣвшись на верху, поѣхали въ д. Парфенову и Мысъ, для раздачи строгалямъ-отдѣловщикамъ. У дома какого-нибудь Данила Парфенова мы останавливались и между прикащикомъ и Даниломъ начинался разговоръ:

— Эй, Данило, слушай! надо кожъ?—кричитъ подъ окномъ дома прикащикъ.

Немного погодя, отворяется форточка въ окнѣ, высовывается голова Данилы и онъ отвѣчаетъ отъ себя вопросомъ:

— Какія у васъ кожи-то?

— Линейскія и чарошныя.

— Нѣтъ не надо. Привезите завтра для меня сапожныхъ.

Прикащикъ приказываетъ мнѣ записать, что завтра нужно отвезти Данилу Парфенову сапожныхъ кожъ 10 паръ.

Мы ѣдемъ дальше, къ какому-нибудь Якову Яркову, повторяя тѣ-же вопросы и отвѣты, съ тою только разницей, что сдаемъ ему для отдѣлки 10 паръ чарошныхъ. Прикащикъ, по обыкновенію, лѣниво сидѣлъ на своемъ возу кожъ, покуривая самодѣльную „цыгарку", а я отсчитывалъ кожи и наскоро записывалъ ихъ на листокъ бумаги.

Послѣ раздачи кожъ съ нашихъ возовъ въ упомянутыхъ деревняхъ, мы начали подъѣзжать къ тѣмъ-же дворамъ отдѣловщиковъ, но въ обратномъ порядкѣ, получая отъ нихъ отдѣланныя кожи въ видѣ „красной юфти", „чарошныхъ" и „сапожныхъ". Принимая товаръ, прикащикъ, каждую кожу развертывалъ, для осмотра, сгибая бахтармою внутрь, проводилъ ее между пальцевъ правой руки и часто бранилъ отдѣловщика на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Ты что это, чортовъ сынъ, перестрогалъ кожу!—кричалъ онъ на всю улицу. — А это что за подрѣзъ? —Вонъ, тутъ нѣтъ скулы и лапы. Ахъ, ты дьяволъ такой сякой!—и пойдутъ непечатныя выраженія.

Отдѣловщикъ сначала хладнокровно увѣряетъ, что онъ немножко промахнулся, перестрогалъ, а тамъ лапа оборвалась, стругъ зарискнулъ и проч. въ этомъ-же родѣ, но потомъ на безпрерывныя обидныя выраженія прикащика разражался бранью самъ, и тогда разыгрывалась между ними такая сцена ругани, что, казалось, вотъ, вотъ перейдетъ въ драку и потасовку.

Когда мы съ собранными кожами вернулись домой, моя запись на скорую руку оказалось невѣрна и я долженъ былъ выслушать отъ прикащика такую брань, что заплакалъ горькими слезами отъ обиды и оскорбленія. Я совсѣмъ не зналъ, что отдѣлка кожъ за каждый сортъ, оплачивается разными цѣнами; никто мнѣ этого не разъяснилъ, а теперь, когда невольно я напуталъ, меня бранятъ, какъ человѣка, учинившаго сознательное преступленіе. Только строгаль Прохоръ заступился за меня, устыдивъ прикащика, и тѣмъ избавивъ меня отъ дальнѣйшаго нравственнаго страданія.

— Ну, смотри-же, напутай только другой разъ, я покажу тебѣ, кто я такой—пригрозилъ мнѣ въ концѣ прикащикъ, но уже болѣе мягкимъ тономъ.

За ужиномъ всѣ знали, какъ прикащикъ, по его манерѣ, приводилъ меня „къ порядку" и жестоко надо мною издѣвались.

— Здѣсь, видно, „не дуги гнуть на телѣги" и „не шаньги ѣсть у матери"--язвительно твердилъ Максимка.

— Мама, маманька!—крикнулъ Сила и подставилъ палецъ съ боку моего носа.

Я невольно обернулся и попалъ какъ разъ на палецъ носомъ. Всѣ захохотали разомъ и больше всѣхъ Максимка.

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ среди другихъ. Слезы оскорбленія подступали къ горлу, не я не могъ заплакать, ибо это уронило-бы меня и надолго сдѣлало-бы мишенью всякихъ насмѣшекъ. Въ это время, неожиданно для меня, грозно крикнулъ кучеръ Симеонъ:

— Силка, собачій сынъ, что присталъ къ новичку? Мало, видно, пороли тебя за куски сахара!

Этотъ возгласъ сразу измѣнилъ господствовавшее настроеніе. Сила замолчалъ, а Максимка усиленно принялся уписывать кушанье.

— А ты, Максимка—продолжалъ кучеръ Симеонъ—грязная твоя душа, забылъ Плѣханова?

Максимка покраснѣлъ отъ этихъ словъ до самыхъ ушей, и съ тѣхъ поръ рѣдко приставалъ ко мнѣ съ своими насмѣшками. Тогда-же я началъ постигать, что всякій озорникъ,—„герой на время только", пока не знаютъ люди его интимной стороны. Узнали, и все обаяніе пропало. Тотъ-же злой языкъ, тѣ-же острыя слова, но они не производятъ былаго впечатлѣнія; озорникъ не можетъ уже взять подчиняющаго тона.

— Слушай-ка, Микола — идя со мною изъ кухни по двору,

заговорилъ душевно Прохоръ.—Ты не огорчайся шибко на прикащика; онъ, вѣдь, только „собачливый" человѣкъ и ругается каждую минуту, а не дуракъ, какъ Сила, и не поганецъ, какъ Максимка. Я также, какъ живу здѣсь, сколько натерпѣлся отъ Максимки. А теперь, самъ видишь, онъ ко мнѣ не пристаетъ. Вонъ Симеонъ молчалъ, молчалъ, да какъ потомъ „обѣихъ" отдѣлалъ! Потерпи, казакъ, атаманомъ будешь.

Я вернулся въ прикащицкую, когда уже тамъ никого не было, бережно досталъ изъ сундучка благословеніе матери,—маленькую икону—и, поставивъ ее надъ своей постелью, излилъ предъ нею мою душу.

На завтра прикащикъ, въ 5 ч. утра, грубо разбудилъ меня,

— Вставай, возьми Прохора и выдай изъ завозни отдѣловщикамъ кожъ, сколько кому надо, приказалъ онъ.

Я въ точности исполнилъ приказаніе и принесъ ему записку, сколько и кому сдано кожъ, каждому отдѣловщику поименно. Все это было сдѣлано вѣрно.

Кромѣ жившихъ по деревнямъ отдѣловщиковъ, были еще жившіе при заводѣ и работавшіе въ особомъ помѣщеніи, называемомъ „отдѣльною". Тутъ они работали, стругая кожи, дѣлая насѣчку, намазывая дегтемъ и тутъ-же подъ колодами и спали. Плата заработная производилась имъ поштучно, сдѣльная, не смотря на то, какая была кожа — крупная или мелкая. Отсюда самый заработокъ, бывалъ у нихъ то большій, то меньшій. Все это отдѣловщики знали тонко и при пріемѣ кожъ старались выбирать наиболѣе мелкія и тонкія, оставляя для послѣдующихъ товарищей кожи крупныя и тяжелыя. Когда потомъ прикащикъ выдавалъ имъ кожи самъ, то всегда бывало возникало пререканіе изъ-за крупныхъ кожъ. Я-же ничего этого еще не зналъ и выдавая кожу, наблюдалъ только вѣрный счетъ поштучно. Въ результатѣ оказалось, что въ складѣ остались кожи только крупныя и на меня обрушилась жесточайшая брань прикащика. Даже Прохору досталось, зачѣмъ онъ допустилъ такое „безобразіе". Но Прохоръ тихо и резонно замѣтилъ прикащику:

— Развѣ вы не знаете, что за народъ у насъ набранъ въ домашніе отдѣловщики? Подите-ка, справьтесь съ ними. Я самъ отдѣловщикъ, а долженъ былъ принять крупные сорта, только-бы не вздорить.

Такой аргументъ, повидимому, подѣйствовалъ нѣсколько на прикащика; онъ притихъ и пересталъ ругаться.

— Иди теперь къ Максимкѣ—сказалъ онъ мнѣ—вели ему запрягать лошадей въ двѣ телѣги. Накладывайте съ нимъ по полтораста кожъ „мостовья" на каждую. Мы поѣдемъ съ тобой въ Парфенову. Да смотри у меня, кожи сосчитай вѣрно!

Новая поѣздка въ Парфенову была повторенiемъ предъидущей и не представляла собою ничего особеннаго. Я имѣлъ уже вчерашнiй опытъ и тщательно записывалъ имена и фамилiи отдѣловщиковъ, сорта и счетъ кожъ, а посему, на этотъ разъ не подвергся отъ прикащика ни брани, ни упрекамъ. Къ тому-же сами кожи, какъ выданныя, такъ и принятыя, были въ одномъ сортѣ, именуемомъ „мостовье" при выдачѣ и „юфть" при принятiи, гдѣ не представлялось для меня незнакомыхъ техническихъ названiй.

Послѣ обѣда заставили меня принимать отъ закройщиковъ нарѣзанныя ими изъ цѣлыхъ кожъ составныя части бродней, чирковъ и рукавицъ. Тутъ были голенища, переда, задники, подошвы, оторочки и пр., все это я плохо понималъ, а потому и попросилъ сначала все мнѣ указать.

— Ну, вотъ еще, учителя къ тебѣ приставить, что-ли — грубо заявилъ прикащикъ.—Возьми вонъ Силу; онъ также безъ толку болтается на дворѣ.

Я направился къ Силѣ Михайловичу и передалъ ему распоряженiе прикащика, на что онъ только разсмѣялся и замѣтилъ:

— Иди и принимай. Ты привыкъ въ деревнѣ работать, вотъ тебѣ и занятiе.

Оставалось обратиться къ Прохору Степанову. Душевный человѣкъ, остановилъ свою работу, стружку кожъ и пошелъ со мной показывать, какъ нужно принимать кроеные товары.

— Ты не говори закройщикамъ, что посланъ принимать отъ нихъ товаръ—сказалъ мнѣ Прохоръ.—Пускай думаютъ, что буду принимать я, а ты приставленъ только для записи. Тѣмъ временемъ и приглядись, какъ я буду это дѣлать.

Мы вошли въ „закройную" гдѣ рѣзали кожи „по наметкамъ", человѣкъ 5—6 закройщиковъ.

— Ну ребята — громко сказалъ Прохоръ — кто много накроилъ, у того я принимать буду.

— У меня ужь мѣста нѣтъ, куда складывать товаръ—отозвался Прокофiй съ Городища.—Принимайте у меня.

— Ладно—согласился Прохоръ.

Сначала перебралъ онъ голенища для „бродней", прикинувъ

ихъ размѣръ наметкой; потомъ пересмотрѣлъ, въ какую сторону направлены „пашины“; гдѣ допустимы подрѣзи, ломины и откидывалъ особо каждый выкроенный листъ не подходящій, къ неписанымъ, но существующимъ „условіямъ“. На сотню паръ кроеныхъ голенищъ браку оказалось паръ пять.

— Ну Микола, давай завяжемъ голенища въ два тюка— сказалъ мнѣ Прохоръ,—а въ книгѣ запиши, что у Прокопья съ Городища, оказалось браку 5 паръ на сто. Годныхъ-же голенищъ: 100 паръ.

— Да что-жъ ты Прохоръ, такъ бракуешь—произнесъ Прокофій недовольнымъ тономъ.—Развѣ ты не знаешь, какая будетъ ругань отъ прикащика за это?

— А ты „десять разъ примѣряй, да одинъ отрѣжь“, вотъ и будетъ ладно — возразилъ Прохоръ. — А то все дѣлаешь на „махъ“, да „глазомѣромъ“. Изъ кожи, надо брать четыре пары, ты и дѣлаешь четыре; да не смотришь всѣ-ли онѣ годны. Ты наложь наметку, да разчерти по кожѣ, а потомъ и посмотри съ лица, всѣ-ли голенища годны, тогда и рѣжь. Если не годятся, примѣряй снова, по иному, вотъ тогда и будетъ хорошо.

— Да эдакъ, только 20 кожъ и искроишь за цѣлый день!

— Что-же дѣлать. Если не умѣешь, какъ надобно работать, то и 20 кожъ не изрѣжешь. На то вѣдь ты и мастеръ.

Я слушалъ практическій урокъ Прохора Степанова, со всѣмъ вниманіемъ, на какое только былъ способенъ.

Этимъ-же порядкомъ, Прохоръ принималъ и другіе кроеные товары отъ закройщиковъ: переда, подошвы для „бродней“ и „чарковъ“—изъ кожъ яловыхъ; голенища, рукавицы—изъ кожъ коневьихъ. Пріемы сортировки кроенаго товара, всюду прилагались одинаково. Въ кожахъ, кромѣ общихъ пороковъ, были еще спеціальные пороки: въ яловыхъ—*свищи*, въ конинахъ—*ломины*.

Принятые отъ закройщиковъ товары, мы съ Прохоромъ, перевязали бичевками и переносили въ кладовую. Я составилъ на листѣ бумаги подробную запись, всѣмъ закройщикамъ, прочиталъ ее и провѣренную, передалъ прикащику. На этотъ разъ все сошло благополучно, но къ вечеру я такъ усталъ, что, сидя на кровати, уснулъ какъ убитый. Меня будили, чтобы идти ужинать, но я не могъ проснуться и проспалъ всю ночь, не раздѣваясь.

Такимъ образомъ, изо дня въ день, я цѣлый мѣсяцъ подвергался поистинѣ невыносимому и непосильному режиму. Жаловаться, я разумѣется не смѣлъ, боясь прослыть наушникомъ и

тѣмъ ухудшить еще болѣе мое служебное положеніе. Къ концу мѣсяца, вмѣсто поощренія моего усердія, я началъ замѣчать, что хозяинъ встрѣчаясь со мною, не такъ уже добродушно отвѣчаетъ на мои вопросы, по какому-нибудь дѣлу. Я совсѣмъ упалъ духомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать. Сила и Максимка снова подняли тонъ своихъ насмѣшекъ и чаще начинали издѣваться надо мною. Какъ-то вечеромъ, Прохоръ Степановъ, тихонько мнѣ шепнулъ:

— А вѣдь Максимка, или Сила что-нибудь насплетничали на тебя хозяину! Я, это замѣтилъ.

Горю моему не было границъ. Я всю ночь не могъ уснуть и рѣшилъ завтра-же бѣжать къ роднымъ въ деревню. Едва дождавшись утра, когда только-что ворота, отъ висячаго замка были освобождены, я ушелъ пѣшкомъ домой. Тамъ я заявилъ отцу и матери, что лучше идти въ солдаты, чѣмъ выносить эту каторжную жизнь подручнаго прикащика, съ котораго спрашиваютъ правильной записи и подсчета товаровъ, заставляя въ то-же время работать наравнѣ съ другими; вставать въ 6 час. утра и ложиться въ 11 ч. вечера, да выслушивать постоянно не заслуженую брань прикащика. Отецъ и мать встревожились сильно, опасаясь, не надѣлалъ я какой-нибудь бѣды и поплакавъ надъ моею участью, на завтра-же отвезли меня назадъ къ Афанасьевымъ. Хозяева также всполошились, по поводу неслыханнаго казуса, мною учиненнаго, но, выслушавъ мои жалобы, приказали измѣнить режимъ моихъ занятій, въ смыслѣ нѣкотораго облегченія. Съ этихъ поръ, условія въ моей жизни измѣнились къ лучшему. Меня перевели изъ общей комнаты конторы, въ особую небольшую комнату, гдѣ я могъ по временамъ оставаться наединѣ. Мои сослуживцы, не исключая Силы и Максимки, перемѣнили тонъ на болѣе мягкій и пріязненный. Я понемногу начиналъ входить въ колею моихъ обязанностей и быстро познавать пріемы техники, какіе требовались отъ подручнаго прикащика въ кожевенномъ производствѣ. Въ праздничные дни и вечера, появилась нѣкоторая свобода, которая временами позволяла участвовать въ играхъ— въ мячъ, въ лапту и бабки.

О книгахъ и газетахъ въ то время не было даже помину. Ихъ какъ-бы вовсе не существовало. Разъ въ недѣлю, хозяинъ получалъ „Московскія Вѣдомости“, но давать читать ихъ прикащикамъ было-бы сочтено за баловство и непроизводительную затрату времени. Газета получалась, прочитывалась хозяиномъ и

складывалась, нумеръ за нумеромъ, въ особую пачку, завязанную бичевкою. Мнѣ выдана была единственная книга: „Часы благоговѣнія", которую я много разъ перечитывалъ съ начала и конца. Лишь годъ спустя, единственный разъ намъ отпущенъ былъ нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей", въ которомъ сообщалось о переходѣ нашихъ войскъ съ Южной стороны на Сѣверную, при защитѣ Севастополѣ. Что это былъ за маневръ, мы совсѣмъ не знали, но хотя смутно, а догадывались, что побѣды онъ не означаетъ. Толки о войнѣ ходили разные, но всѣ они вращались на томъ, что европейскія державы, изъ зависти напали на Русскаго Царя, но гдѣ-то тамъ, на самомъ „краешкѣ" нашего государства. Всѣмъ вѣрилось, что Французъ не посмѣетъ забраться въ Россію далеко, ибо 12-й годъ, научилъ его порядкомъ. Извѣстные стихи:

Какъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ...

ходили въ спискахъ по рукамъ и заучивалось наизустъ почти каждымъ грамотнымъ человѣкомъ. Порою дѣлались со вздохомъ замѣчанія на ту тему, что „сколько православныхъ погибнетъ въ этой войнѣ —страсть"! или „вотъ-бы намъ теперь Суворова командиромъ, задалъ-бы онъ непріятелямъ перцу".

О томъ, чѣмъ вызвана была война, какія политическія причины побудили европейскія державы ее начать и какія принесетъ она послѣдствія для Россіи, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Въ нашемъ сибирскомъ захолустьѣ, война отражалась только усиленнымъ наборомъ рекрутъ и денежными сборами.

VII.

За прилавкомъ.

Старая хозяйка, мать хозяина, Аграфена Ивановна, жила со старшей дочерью въ особомъ флигелѣ, гдѣ устроена была богатая старообрядческая „моленна“, съ прекрасными древними иконами и книгами. Каждый праздникъ совершалось тамъ обще ственное моленіе, и у нихъ всегда, бывало, проживала какая-нибудь начетчица изъ Москвы, подъ именемъ „старицы“, которая читала по Часослову и Псалтыри, положенныя службы и состояла регентомъ хора и блюстительницей порядка. Иногда, по праздникамъ, въ послѣобѣденное время, приглашали и меня прочитать собравшимся какое-нибудь „слово“ или „житіе“ то изъ Пролога, то изъ Четьи Минеи, или Маргарита. Но мнѣ, какъ состоявшему въ никоніанствѣ, не позволяли, ни молиться вмѣстѣ съ ними, ни ѣсть и пить изъ одной посуды. Я прочитывалъ извѣстныя страницы книги, получалъ „спасибо“ и уходилъ въ мою квартиру.

Лавка съ краснымъ товаромъ, хотя и числилась отъ имени хозяина оффиціально, но фактически принадлежала старшей незамужней сестрѣ его Натальѣ Афанасьевнѣ и она давно вела эту торговлю отъ себя, имѣя прикащицу старушку Екатерину Алексѣевну. Въ базарные субботніе дни, хозяйка продавала товары сама, а ей помогала только ея прикащица. Въ остальное-же время недѣли, торговала одна Екатерина Алексѣевна. Торговля велась старымъ способомъ съ запрашиваніемъ цѣнъ вдвое и втрое противъ цѣнъ дѣйствительныхъ. Товары продавались исключительно мануфактурные, и вся годовая выручка денегъ не превышала суммы тысячъ пятнадцати рублей. Покупателями были преимущественно сельскіе жители, и лишь изрѣдка заходили городскіе обыватели.

Черезъ два мѣсяца, послѣ моего пріѣзда изъ деревни, на

службу къ Афанасьевымъ, мнѣ предложили поступить въ упомянутую лавку продавцемъ товара, съ прибавкой жалованья до 120 р. въ годъ. Я, конечно, съ радостью принялъ это предложеніе.

Рано утромъ на другой-же день, я пошелъ во флигель Аграфены Ивановны взять ключи отъ лавки, получить ея благословеніе и идти въ Гостиный Дворъ въ занимаемую Рѣшетниковой лавку. Сама хозяйка на первый разъ дала мнѣ нѣсколько практическихъ уроковъ, какъ укладывать товары и какъ ихъ продавать покупателямъ. Прикащица ея, Екатерина Алексѣевна, была тихая, добрая старушка, а посему отнеслась ко мнѣ ласково и сердечно.

Техника торговли была такъ проста и примитивна, что я скоро ее понялъ и началъ выдвигаться впередъ быстро и успѣшно. Приходитъ покупательница, какая-нибудь деревенская баба и спрашиваетъ, напримѣръ, сарафаннаго ситца. Вотъ типичный діалогъ, какой ведется, бывало, въ этомъ случаѣ.

— Ну-ка, покажи мнѣ ситца сарафаннаго—спрашиваетъ баба.

— Вамъ какого?—ласковымъ вопросомъ, отвѣчаетъ продавецъ,—есть ситцы свѣтлые и темные. Не угодно-ли кубоваго, самой прочной окраски?

— Ну, покажи кубоваго.

Достается съ полки цѣлая стопа кусковъ кубоваго ситца разныхъ рисунковъ и добротъ. Развертываются куски и вытягиваются на прилавкѣ предъ покупательницей такъ, чтобы представить рисунокъ въ наиболѣе выгодномъ освѣщеніи. Баба выбираетъ ситецъ, какой ей нравится и спрашиваетъ цѣну.

— Вотъ этотъ ситецъ чего стоитъ?

— 32 коп. серебромъ, или 1 р. 12 к. ассигнаціями—не запинаясь отвѣчаетъ продавецъ.

— Что такъ дорого! Я вижу, ты запрашиваешъ въ три дорога. Я не знаю что тебѣ и „подать“ (предложить).

— Сколько вамъ угодно подавайте, но ситецъ прочный, кубовый, и въ сарафанѣ будетъ прямо заглядѣнье. А вымоете, еще будетъ ярче и красивѣе.

— Ну, ужь ты пошелъ нахваливать! Скажи-ка, лучше, что стоитъ рѣшительно?

— Извольте, для васъ только: десять старыхъ гривенъ.

— Нѣтъ, дорого! Возьми-ка половину.

— Что вы, что вы, помилуйте, да это вѣдь убытокъ будетъ!

Даже фабрикантъ не можетъ продавать за такую цѣну. Вѣдь одна кубовая краска чего стоитъ?

Баба колеблется и молчитъ. Потомъ рѣшается и заявляетъ:

— Ну вотъ тебѣ семь гривенъ, и больше не прибавлю.

— Невозможно это. Посудите сами, вѣдь семь гривенъ — только 20 к. серебромъ. Ну хотите — вотъ вамъ цѣна: прежній рубль, а теперь $28^1/_2$ коп.

— Ну, вамъ, краснобаямъ, можно развѣ вѣрить? Берите, что даю и мѣряйте 10 аршинъ.

Баба намѣревается изъ лавки уходить. Ее надо, во что-бы то ни стало, удержать.

— Вы посмотрите-ка, какъ ситецъ этотъ проченъ—заявляетъ продавецъ и при этомъ быстро отрываетъ ленту отъ ситца.

Трескъ разрыва ткани интересуетъ бабу. Она подходитъ снова къ прилавку и любуется оторванною лентой, разсматривая ткань и разорванныя нитки основы.

— Посмотрите ка, какъ блеститъ колеръ краски—снова начинаетъ продавецъ свою рекламу—нигдѣ вы такого ситца не найдете. Вотъ рядомъ Ермаковскій ситецъ, низенькой доброты и линючихъ красокъ—я возьму съ васъ цѣну за него только 20 к. Но куда-же онъ годится противъ вотъ этого?

Баба еще колеблется съ минуту, то разсматривая ленту обрывка, то спуская съ прилавка полосу ситца.

— Ну вотъ вамъ: семь гривенъ и семишникъ (22 к.), и больше я не дамъ ни гроша—заявляетъ она, намѣреваясь снова уходить изъ лавки.

— Только для васъ я отдаю за четвертакъ серебряный — отвѣчаетъ продавецъ и намѣренно завертываетъ ситецъ по старымъ штапамъ, какъ-бы желая убирать его на полку.

— Ну и не надо—заявляетъ покупательница, направляясь рѣшительно къ выходу изъ лавки.

— Пожалуйте, пожалуйте—настойчиво продолжаетъ — продавецъ—я вамъ уступлю еще копѣйку.

— Чего-же вы меня вернули, а сами опять тянете канитель? Сказано, болѣе не прибавлю.

— Дѣлать нечего, извольте отдамъ и по вашей цѣнѣ. Убытокъ вѣдь беру, только чтобы знали вы, гдѣ хорошій товаръ продается.

На самомъ дѣлѣ, ситецъ стоитъ продавцу 15 к., и его можно продавать съ хорошею пользой за 18 к. Но тенденція торговцевъ

въ тѣ временл была такая, чтобы продавать „съ запросомъ“ какъ съ кого придется. Запрашивать больше, чѣмъ двойныя цѣны, продавать товары съ 30—40 % пользы, считалось столь нормальнымъ, что продавецъ, умѣвшій успѣшно это дѣлать, былъ „на счету“ и пользовался славой хорошаго человѣка.

Я быстро успѣвалъ въ этой новой должности, присматриваясь по сосѣдству къ тѣмъ порядкамъ, какіе были въ крупныхъ лавкахъ того-же гостинаго двора. Мало по малу я завелъ лучшее убранство лавки и болѣе точную запись въ книгахъ, когда была продажа въ кредитъ своимъ кліентамъ. Старушка Екатерина Алексѣевна, была мною довольна и часто выставляла на видъ моей хозяйкѣ „какъ хорошо Миклушка занимается“. Теперь уже никто меня не бранилъ, и я приходилъ домой по вечерамъ, не изнуренный, а довольный. Послѣ чая, я охотно занимался съ прикащиками повѣркою счетовъ, пріемкою товаровъ и т. п., ибо это не носило уже характера принужденія.

Находясь въ лавкѣ цѣлый день, я имѣлъ много свободнаго времени и въ началѣ употреблялъ его на упражненіе въ переписываніи попадавшихся подъ руку бумагъ и писемъ, чтобы, какъ твердили мнѣ хозяева, „наторѣть въ почеркѣ“. Но пришла зима, нельзя стало писать чернилами въ холодной лавкѣ, и я чаще началъ выходить въ уголъ корридора, гдѣ собирались на скамейкѣ нѣкоторые торговцы сосѣднихъ лавокъ. Тутъ я свелъ первое знакомство съ Васильемъ Прокофьевичемъ Шмурыгинымъ, которому затѣмъ обязанъ чтеніемъ первыхъ книгъ гражданскаго содержанія. У него въ домѣ, много лѣтъ подъ рядъ, жилъ образованный человѣкъ, нѣкто г. Устиновъ, который, умирая, завѣщалъ ему порядочную библіотеку изъ книгъ русской литературы. Въ ней были полныя собранія русскихъ выдающихся писателей и довольно много отдѣльныхъ романовъ, повѣстей и историческихъ сочиненій. Г. Шмурыгинъ былъ въ то время человѣкомъ среднихъ лѣтъ, обыватель Тюмени, побывавшій въ дѣтствѣ въ уѣздномъ училищѣ, и развившійся въ общеніи съ Устиновымъ настолько, что поражалъ меня своими знаніями и замѣчательнымъ даромъ слова. Сидя со мною на скамейкѣ корридора, онъ часто мнѣ разсказывалъ содержаніе нѣкоторыхъ книгъ, относясь всегда критически къ прочитанному сочиненію. Прежде всего, онъ началъ систематически давать мнѣ книги для прочтенія изъ его библіотеки. Первая книга, какую онъ мнѣ посовѣтывалъ прочесть—была „Юрій Милославскій“ Загоскина. Я не помнилъ себя отъ радости, когда

читалъ этотъ романъ. Секретно, конечно, я принесъ книгу домой и, дождавшись ночи, на-глухо завѣсилъ окна, чтобы не видно было со двора свѣта, дабы не возбуждать неудовольствія хозяевъ. Когда я возвращалъ прочитанную книгу Шмурыгину, онъ потребовалъ отъ меня разсказа ея содержанія и, видя, что я разсказываю неумѣло и нескладно, посовѣтывалъ прочесть ее вторично. Двѣ зимы и лѣто продолжалось мною чтеніе книгъ библіотеки Устинова, при постоянномъ руководствѣ Шмурыгина.

Я подросталъ и развивался умственно настолько, насколько позволяли мои практическія служебныя занятія въ лавкѣ и въ домѣ моихъ хозяевъ.

Торговля въ лавкѣ мануфактурою давала мнѣ значительный запасъ свободнаго времени, но и въ ней были своего рода „шипы", о которыхъ вспоминается теперь съ горечью и болью. Такъ зимою, несмотря на холодъ, доходившій иногда до 35° Реомюра, приходилось мѣрить ткани желѣзнымъ аршиномъ и пересчитывать мѣдныя деньги голыми руками, а это вело къ тому, что нѣсколько разъ въ теченіе зимы я отмораживалъ себѣ, бывало, пальцы обѣихъ рукъ. И это горе было выносимо. Всего-же хуже и труднѣе было спать ночами въ холодномъ балаганѣ, въ продолженіи января, когда въ Тюмени открывалась Васильевская ярмарка и нужно было на это время перемѣщаться изъ гостинаго двора во временныя лавки. Балаганы, гдѣ мы торговали, наружно охранялись сторожами, но такъ какъ въ балаганахъ не было дверей, а только западни, изъ которыхъ, на день, одна нижняя половина служила прилавкомъ, а другая на шарнирахъ поднималась кверху, — то и надо было ночью сторожить товаръ внутри, за плохо замкнутыми западнями. Эта служба приходилась и на мою долю. Бывало, въ сумерки идешь домой напиться чаю и поужинать, а потомъ въ сопровожденіи двороваго человѣка, отправляешься ночевать въ дырявый балаганъ, въ которомъ и запираютъ меня снаружи висячими замками, унося ключи домой. Утромъ около 7 часовъ, тотъ-же дворовый человѣкъ приходилъ отворять замки, для выпуска меня оттуда, и замыкалъ ихъ снова до полнаго разсвѣта. Вставая изъ подъ шубы и кочьмы, бывало, дрожишь отъ холода напропалую, одѣваешься на скоро и полной рысью бѣжишь домой, чтобы сколько нибудь согрѣться. Какъ я это выносилъ въ теченіи мѣсяца, не схвативъ горячки, до сихъ поръ не понимаю! И никому не приходило въ голову, что случись пожаръ въ этихъ временныхъ рядахъ, построенныхъ изъ тонкаго теса и досокъ, гдѣ

люди спали, запертые висячими замками, ключи отъ которыхъ унесены въ квартиры, мы всѣ погорѣли-бы заживо. Морозъ по кожѣ пробираетъ меня даже теперь, когда я вспомню время этой ярмарки.

Спустя два года послѣ начала моей службы, продавцомъ товаровъ въ лавкѣ, я пріобрѣлъ на столько довѣрія отъ хозяевъ, что они разрѣшили мнѣ сдѣлать нововведеніе въ способѣ продажи. Меня постоянно возмущали запросъ цѣнъ и обманъ довѣрчивыхъ покупателей: претило увѣреніе въ завѣдомой неправдѣ, выдавая ложь за истину. По этому я задумалъ объявить цѣны безъ запроса и съ такою цѣлью помѣстить надъ лавкой вывѣску, гласящую:

„Цѣны безъ запроса“.

Многіе кому я ранѣе разсказывалъ о моемъ проектѣ, находили его несбыточнымъ и непрактичнымъ. Даже пріятель мой Шнурыгинъ находилъ его преждевременнымъ. Ты подумай—говорилъ онъ — кто повѣритъ намъ, что мы, цѣлые вѣка увѣряя нашихъ покупателей въ неправдѣ, вдругъ въ одинъ присѣстъ, сразу все измѣнимъ и скажемъ ему правду? Да развѣ покупатель этому повѣритъ? Никогда. А если такъ, то перестанутъ покупать товаръ и для тебя наступитъ пораженіе“. Старушка Екатерина Алексѣевна сомнительно качала головою, приговаривая: „Господи Исусе, какое ты Миколушка затѣялъ неслыханное дѣло“. Но я крѣпко вѣрилъ въ успѣхъ дѣла; настаивалъ на немъ упорно и наконецъ добился отъ хозяевъ разрѣшенія на полное его примѣненіе.

Съ лихорадочною поспѣшностью разцѣнилъ я товары съ 20% барыша, написавъ крупно цѣны на кускахъ матеріи и повѣсилъ надъ лавкой мою вывѣску, гдѣ большими буквами было нарисовано: „Цѣны безъ запроса“. Все это произвело въ мѣстномъ захолустьѣ большую сенсацію и заставило говорить обывателей, какъ о нѣкоемъ событіи изъ ряда вонъ выходящемъ. Я началъ торговать по новому методу. Никто сначала мнѣ не вѣрилъ, и покупатель уходилъ изъ лавки безъ покупки, не добившись сбавки цѣнъ. Въ первые дни торговля продолжалась плохо, а въ базарный день, субботу, выручка едва достигла четверти того, что обыкновенно выручалось. Но за то молва объ этомъ разошлась по цѣлому уѣзду. Я нѣсколько пріунылъ, хотя вѣра въ конечный результатъ меня поддерживала, и я настойчиво продолжалъ вести новую систему продажи. Къ концу мѣсяца, однакожъ, торговля улучшилась, а потомъ

постепенно расширялась дальше, пока не опредѣлилась лучше прежней. Я былъ героемъ дня и съ гордостью смотрѣлъ, какъ новая система заслуживала между кліентами лавки все больше и больше довѣрія. Хозяинъ мой теперь часто освѣдомлялся о положеніи дѣла и видимо доволенъ былъ самъ моимъ нововведеніемъ.

Въ первые года моей службы каждое лѣто, мы ѣздили съ товарами для продажи на торжокъ въ село Каменское, отстоящее въ 28 верстахъ отъ г. Тюмени. Народу собиралось „въ Каменкѣ", въ храмовой праздникъ „Прокопьевъ день", по мѣстному выраженію видимо не видимо и торговля всѣми сельскими товарами бывала изъ ряда вонъ хорошая. Изъ Тюмени прибывалъ туда крестный ходъ, и это придавало сельскому торжку видъ заправской ярмарки. Кругомъ церкви шли квадратомъ маленькія деревянныя лавки, носившія громкое названіе Гостинаго Двора, въ которыхъ бойко торговали—краснымъ товаромъ, мелочью, пряниками, и тамъ-же выдѣлялись постоянною толпой народа лавочки съ косами и серпами; звонъ стоялъ кругомъ отъ постоянно ударяемыхъ о дерево стальныхъ „литовокъ". Вся внутренняя площадь Гостинаго Двора занята была толпой народа; весь отлогій берегъ, внѣ его, по направленію къ рѣкѣ Турѣ, сплошь былъ заставленъ рядами телѣгъ и складовъ на землѣ, гдѣ продавались и покупались—ковры, рогожи, холстъ, конопляное сѣмя, сермяги, туесья и кузовья *).

У самой рѣки устраивался рядъ временныхъ шалашей, съ очагами для огня, гдѣ готовились „пряженики" и гдѣ разгулявшаяся молодежь веселилась и пѣла пѣсни. Косогоръ занимался также молодежью въ яркихъ праздничныхъ нарядахъ. Здѣсь-же часто разрѣшались семейные вопросы о женихѣ или невѣстѣ. Густыми толпами виднѣлись „круги", среди которыхъ происходила борьба „подъ пояски", и гдѣ героемъ дня часто выступалъ Антошка Лазаревъ, поборавшій постепенно до 70 человѣкъ къ ряду и не имѣя болѣе соперниковъ, „уносившій кругъ съ собою". На самомъ гребнѣ берега длинными рядами стояли мужчины и, женщины, желавшіе наняться на лѣтнюю работу „отъ сегодня до Покрова"; между ними выступали наниматели, желавшіе найти себѣ работника иль „пострадульку". Тамъ и сямъ слышались хоры пѣсенниковъ, смѣшанные голоса и звуки, и надъ толпой носился постоянный гулъ многотысячнаго сборища.

---

*) Котомка изъ бересты особеннаго типа.

Я не довольствовался уже той ареной дѣятельности, какую представляла мѣстная торговля, и предложилъ хозяевамъ развить ее поѣздкою съ товарами въ большую ярмарку — Бобровскую, происходившую отъ Тюмени въ 100 верстахъ разстоянія. Эта ярмарка продолжалась 2 недѣли и занимала время съ 15 по 30 іюня. По обыкновенію, изъ Тюмени снаряжалось нѣсколько каравановъ изъ торговцевъ и нанимались возчики „на долгихъ“ для доставленія въ Бобровку какъ торговыхъ людей, такъ и товаровъ. Ѣзда тянулась медленно, обозомъ лошадей въ 15—20, съ остановками для кормежки лошадей и ночлега пассажировъ гдѣ-нибудь на берегу рѣчки или озера. Каждый годъ подобная поѣздка составляла цѣлое событіе среди монотоннаго строя нашей городской торговли. Она представляла, по крайней мѣрѣ для меня, какъ-бы повтореніе той поѣздки, когда мы ѣздили изъ Кулаковой за брусникой. Здѣсь было только большее удобство и сравнительный комфортъ, чѣмъ тогда въ деревнѣ, и не было опасности отъ топкаго болота по дорогѣ и встрѣчъ съ медвѣдями въ лѣсу. Все-же остальное— гладкая дорога, чистый воздухъ, сосновые лѣса, поляны, разложенный костеръ огня, ночлегъ подъ открытымъ небомъ — представляли собою одно глубокое наслажденіе.

Ярмарка представляла собою, какъ-бы повтореніе торжка въ селѣ Каменскомъ, но только была продолжительнѣе, нѣсколько обширнѣе, а потому для торговли выгоднѣе. Описывать ее—считаю безполезнымъ повтореніемъ.

* *
*

Знакомство мое съ В. П. Шмурыгинымъ, служившимъ мѣщанскимъ старостой въ городѣ, указало намъ дорогу—хлопотать о томъ, чтобы, перечислившись въ мѣщане, тѣмъ самымъ выдѣлиться изъ ревизскихъ сказокъ большой крестьянской семьи и избѣжать солдатчины. Для этого требовался увольнительный приговоръ отъ деревни, пріемный отъ мѣщанскаго общества и утвержденіе таковаго мѣстною Казенною Палатой. Какихъ большихъ и унизительныхъ хлопотъ стоило намъ получить увольнительный приговоръ сельскаго общества, мнѣ съ горечью вспоминается даже и теперь. Отецъ мой предлагалъ деревнѣ за этотъ приговоръ всѣ наши угодья (пашни, покосы, лѣса) и кромѣ того денегъ 100 р., но ничто не помогало. Общество отказывало на отрѣзъ. Но когда нѣкоторымъ міроѣдамъ даны были подарки, поставлено 5 ведеръ водки и нѣсколько пудовъ орѣховъ обществу,

увольнительный приговоръ сразу былъ составленъ. И Боже мой, какія сцены пьянства и разгула въ кабакѣ вызвала поставленная водка! Кабакъ стоялъ какъ разъ напротивъ зданія волости; дѣлежъ водки и орѣховъ занялъ все пространство улицы. Я помню ужасъ моего отца, не употреблявшаго ни пива, ни вина, когда смотрѣлъ онъ на эти отвратительныя сцены, приговаривая, что „только сатана придумалъ водку“.

Получить пріемный приговоръ мѣщанскаго общества въ городѣ стоило меньшаго труда и денежныхъ расходовъ, хотя и тутъ много зависѣло отъ своихъ мѣщанскихъ міроѣдовъ. Вслѣдъ за этими приговорами, мнѣ пришлось ѣхать въ Тобольскую Казенную Палату, гдѣ, благодаря протекціи покойнаго Н. А. Тюфина, очень скоро все было устроено благополучно. Я вернулся въ Тюмень уже сыномъ мѣщанской семьи, и мы вздохнули наконецъ свободно отъ висѣвшаго надъ нами Дамоклова меча. Я никогда не видывалъ большей радости у матери и отца, чѣмъ тогда, когда они узнали, что сына ихъ наконецъ-то не возьмутъ въ солдаты.

Но недолго продолжалось это радостное и семейное настроеніе. Чрезъ какой-нибудь годъ времени объявленъ былъ новый законъ о воинской повинности, и мнѣ, хотя одиночкѣ, приходилось подвергнуться жеребьевкѣ. Въ семьѣ у насъ опять наступили тревожныя времена. Приходилось снова рѣшать вопросъ, покупать-ли рекрутскую квитанцію, пріискивать-ли наемщика или, наконецъ, записывать меня въ купцы 3-й гильдіи. Благодаря помощи моего хозяина, быстро удалось превратить меня изъ мѣщанина въ купца и на этотъ разъ уже навсегда покончить съ кандидатурою моею подъ красную шапку.

VIII.

Къ свѣту и волѣ.

Въ 1856 году, въ моей духовной жизни совершилось одно событіе, заставившее меня усиленно идти къ возможному самообразованію. Хозяинъ мой Рѣшетниковъ въ это время выписалъ изъ Вятки новаго прикащика, Михаила Анфимовича Рылова, молодаго человѣка, кончившаго курсъ мѣстнаго уѣзднаго училища, а посему писавшаго грамотно и правильно. Свѣжій человѣкъ, больше меня видѣвшій и знавшій свѣта, даже, какъ мнѣ тогда казалось, довольно ученый, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и мы съ нимъ скоро сошлись въ товарищескія хорошія отношенія. Какъ то разъ я показалъ ему нѣсколько моихъ стихотвореній, явившихся подражаніемъ балладамъ Жуковскаго, и получилъ отвѣтъ, что нельзя писать стихи, не зная грамматики. Не долго думая, я на слѣдующій-же день купилъ въ уѣздномъ училищѣ грамматику и началъ проходить ее пока подъ руководствомъ Рылова. Но учить грамматику въ лавкѣ, на виду у всѣхъ, было очень трудно; заниматься дома ночью и украдкой и того труднѣе, потому что это скоро вызвало-бы со стороны хозяевъ строгое порицаніе. Я долго ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ этого вопроса и пришелъ опять къ тому-же заключенію, что единственный исходъ въ моемъ положеніи—это заниматься только урывками и посвящать ученію праздничные дни. Долго-ли продолжались эти занятія, я теперь не помню, но видимо для ментора моего они стали казаться утомительными и мнѣ пришлось снова ограничиваться „самоучкою“.

Въ эти времена, мы съ Рыловымъ читали много книгъ и занимались даже стихотворными посланіями одинъ къ другому. У насъ заведены были альбомы съ надписью: „Все, что есть, мое“, куда мы заносили свои стихотворенія. Мнѣ почему-то нравились

особенно баллады Жуковскаго, и я старался подражать ихъ размѣру; Рыловъ-же сочинялъ стихи на темы реальной, обыденной жизни. Трудясь надъ этимъ, мы послушались одного здраваго сомнѣнія, въ насъ заговорившаго и рѣшились показать стихи учителю словесности въ уѣздномъ училищѣ Николаю Ивановичу Яковлеву. Этотъ прекрасный, душевный человѣкъ принялъ насъ ласково и одобрительно, предложивъ намъ оставить у него альбомы на просмотръ. Когда-же мы явились къ нему за приговоромъ, онъ вѣжливо, но искренно отвѣтилъ намъ, что поэты мы плохіе, и въ доказательство своего мнѣнія прочелъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, наглядно показавъ, какъ плохо мы владѣемъ стихотворной формою. Въ особенности Яковлевъ порицалъ стихи товарища моего Рылова, находя, что они чужды всякой музыкальности. Ко мнѣ-же онъ отнесся нѣсколько снисходительно, замѣтивъ, что при неумѣніи моемъ владѣть стихомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываютъ искорки поэзіи.

Разочарованные, вернулись мы домой съ своими альбомами стихотвореній. Товарищъ мой, какъ болѣе нетерпѣливый, взялъ топоръ и тутъ-же изрубилъ альбомъ на мелкіе кусочки. Я-же долго хранилъ свое сокровище, по временамъ въ него заглядывая, пока наконецъ его не затерялъ.

Читать книги охота была сильная, а покупать ихъ, выписывая изъ Москвы, средствъ не было. Ни публичной библіотеки, ни городской читальни въ Тюмени и въ поминѣ тогда не было. Лишь у нѣкоторыхъ богатыхъ лицъ имѣлись маленькія собранія книгъ, но они крѣпко запирались въ шкафы и достать ихъ оттуда для прочтенія не было для насъ возможности. Къ числу такихъ владѣльцевъ библіотекъ принадлежалъ богатый человѣкъ въ Тюмени, Е. А. Котовщиковъ, имѣвшій мальчикомъ при комнатахъ нѣкоего Степу Шаршавина. Этотъ Степа часто заходилъ ко мнѣ въ лавку и видя, что я постоянно что нибудь читаю, высказалъ однажды, что вотъ у хозяина его хранятся въ шкафу такія замѣчательныя книги, что даже переплеты ихъ украшены золотомъ.

— Ахъ, вотъ-бы почитать то! — невольно вырвалось восклицаніе у меня.

— Ну что-же, хочешь я принесу тебѣ одну книжку? Читай на здоровье — отвѣтилъ Степа.

— Сдѣлай милость, вѣкъ не забуду — упрашивалъ я.

— Только вотъ что: книгу заверни въ бумагу и читай такъ, чтобы книгу никто не увидалъ. А то на первомъ листѣ написана

фамилія „самого“ и, бѣда будетъ мнѣ и тебѣ, если кто-нибудь объ этомъ ему скажетъ.

Итакъ, каюсь, книги вынимались изъ шкафа ихъ владѣльца не совсѣмъ легально; я зналъ объ этомъ, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и я не могъ устоять предъ нимъ и пользовался чужою собственностью безъ вѣдома владѣльца. Книга за книгой, я перечиталъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, сочиненія Марлинскаго, Вальтеръ Скотта и проч. Владѣлецъ книгъ такъ и умеръ, не зная, что когда-то, томъ за томомъ, его сокровища тихонько вынимались изъ шкафа, прочитывались чужимъ человѣкомъ и ставились опять на свои мѣста.

Рыловъ и я завели свою секретную библіотечку, выписывая изъ Москвы пока одни учебники и руководства — онъ по технической химіи, а я по физикѣ. Какъ-то разъ я прихожу домой изъ лавки и вижу Рылова, стоящаго на колѣняхъ у лѣстницы ведущей въ наши комнаты и восклицающаго: „ура! химія и физика пріѣхали!“ Вечеромъ, когда всѣ угомонились, мы тщательно закрыли окна, чтобы свѣтъ не проникалъ наружу и усѣлись за присланныя руководства. Но какое-же постигло насъ разочарованіе, когда мы тамъ нашли цѣлыя строки и столбцы, наполненныя алгебраическими формулами, въ которыхъ ни онъ, ни я ничего не понимали! Чего мы не придумывали, чтобы побѣдить неожиданное затрудненіе, ничего у насъ путнаго не выходило, а потому мы рѣшили, что я пройду къ учителю ариѳметики Семенову попросить совѣта, какъ-бы намъ изучить алгебру. Учитель Семеновъ выслушалъ меня въ передней, и расхохотался мнѣ въ глаза, проговоривъ: „ишь, что выдумалъ — алгебру учить! Иди-ка домой, мнѣ некогда съ тобой разговаривать“.

Эта неудача нашего рвенія однако не остановила. Въ слѣдующій-же праздникъ, я и Рыловъ съ тѣми-же запросами явились къ смотрителю училищъ Неугодникову, который также, какъ и его коллега Семеновъ, выпроводилъ насъ обратно съ нотаціей—не браться за чужое дѣло.

Впослѣдствіи, когда я попривыкъ писать нѣсколько литературно, этотъ случай вызвалъ даже мѣстную полемику въ неоффиціальной части „Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ между мною и смотрителемъ уѣзднаго училища Неугодниковымъ.

Наши учебныя занятія и чтеніе книгъ не могли долго укрываться отъ вниманія нашего хозяина. Какъ-то разъ, откуда-то вернувшись въ наши комнаты, мы нашли нашъ шкафъ откры-

тымъ и книги наши унесенными. Мы догодались, что тутъ ходила хозяйская рука, и что за эти книги будетъ намъ головомойка. Мы ждали ее со страхомъ и нетерпѣніемъ. Въ тотъ-же вечеръ позвали насъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ сидѣла и мать его, старушка Аграфена Ивановна.

— Вы что это, книги завели?—строго заговорилъ хозяинъ— и проводите время за чтеніемъ ихъ, а хозяйскимъ дѣломъ манкируете? Вотъ посмотри-ка маменька, развертывая книгу и показывая ее неграмотной матери, продолжалъ хозяинъ—что у нихъ за книги: физика Писаревскаго, техническая химія Ходнева, сочиненія Жуковскаго!

— Я давно говорю — отвѣтила Аграфена Ивановна — къ добру это не поведетъ. Ну читали-бы что божественное, а то нако-ся,—какъ ты, Ванюша, назвалъ книгу то?

— Физика, маменька.

— Господи помилуй! Фезика какая-то. Отъ роду моего не слыхала такой книги. И на что имъ она?

— Намъ хочется узнать, что такое теплота, свѣтъ—заявилъ я запинаясь.

— Да развѣ вы не знаете, что солнышко свѣтитъ, а огонь грѣетъ? Какого вамъ рожна еще нужно?

— А я хочу узнать, какъ корье дѣйствуетъ на кожу — вставилъ мой товарищъ.

— Иди въ заводъ и работай, вотъ и узнаешь — рѣзко и наставительно перебилъ его хозяинъ.

Мы замолчали.

Хозяинъ сердито перелистывалъ Жуковскаго и снова заговорилъ:

— Корье, какое тамъ корье! Вотъ они учатся, какъ лучше пѣсни сочинять. Въ этой книгѣ, маменька, есть такое, что и прочитать-то срамъ.

— Безстыдники—заключила Аграфена Ивановна и поднялась сердито съ своего мѣста.

— Возьмите ваши книги—рѣзко заявилъ хозяинъ — и что бы я больше ихъ у васъ не видѣлъ. Занимайтесь лучше дѣломъ.

Мы молча захватили наши книги и вышли вонъ изъ кабинета хозяина, точно пойманные на преступленіи, радуясь въ душѣ, что дешево еще отдѣлались. Съ этихъ поръ, мы удвоили осторожность, и когда читали и учили что-либо, то завѣшивали окна ночью и прятали книги на день гдѣ нибудь подъ ящикъ. Къ учителю

Яковлеву мы ходили только въ праздничные дни, когда хозяинъ уѣзжалъ къ обѣднѣ: я сдавалъ уроки изъ грамматики, а Рыловъ просилъ отвѣта на какіе-нибудь трудные вопросы, какіе представляла научная терминологія технической химіи. Иногда для насъ дѣлался разборъ какого-нибудь литературнаго произведенія. Вообще, учитель Яковлевъ былъ для насъ такой чудный руководитель, что сердечная благодарность ему останется у насъ въ глубинѣ души, какъ говорится, до гробовой доски.

Какъ-то разъ Рыловъ написалъ корреспонденцію въ „Московскія Вѣдомости“, и газета ее напечатала. Это подняло его въ глазахъ у всѣхъ. У меня также зародилось соревнованіе, и я рискнулъ послать мою корреспонденцію о Бобровской ярмаркѣ въ „Казанскій Экономическій Журналъ“. Корреспонденція была тоже напечатана и притомъ съ моей полной подписью. О насъ въ Тюмени заговорили, какъ о чемъ-то, невиданномъ и неслыханномъ въ торговомъ мірѣ. Къ хозяину нашему стали пріѣзжать гости— чиновники города и купцы — и спрашивать его, что у него за прикащики, что „въ газетахъ даже пишутъ“? Это видимо ему польстило и съ этихъ поръ, отношенія его къ намъ и нашимъ литературнымъ занятіямъ стали мягче, и насъ начали удостоивать разговоромъ. Я изъ Николая превратился въ „Николашу“, а товарищъ мой изъ Рылова въ „Мишеля“. Разъ хозяинъ даже позвалъ меня къ себѣ, прося прочесть какое-нибудь мое сочиненіе въ присутствіи его гостя, того самого Рѣшетникова, котораго когда-то въ деревнѣ, называлъ дядя Семенъ „именитымъ“. Я не помню что я имъ прочелъ, но похвалы гостя видимо пріятны были моему хозяину; онъ ликовалъ и какъ-бы говорилъ своимъ видомъ и осанкой, что вотъ-молъ, каковы его прикащики — ребята, сочиняютъ и въ газеты даже пишутъ“.

Манія учиться въ то время завладѣла мною сильно. Я выписалъ, между прочимъ, самоучитель французскаго языка, какую то книжонку съ Никольскаго рынка въ Москвѣ, по которой будто бы на русскихъ буквахъ можно выучиться — „читать, писать и говорить по французски“. Я возился съ нею нѣсколько недѣль, твердя наизусть: „ломъ—человѣкъ, сѣлъ—небо“, пока какой-то добрый человѣкъ не растолковалъ, что я напрасно трачу время. Потомъ судьба столкнула меня, съ старымъ семинаристомъ, который соблазнилъ меня учиться греческому языку; скоро потомъ долженъ былъ онъ сознаться, что зналъ его давно и теперь ужъ многое забылъ. Мы оставили въ покоѣ греческій языкъ, но часто раз-

суждали о религіозныхъ вопросахъ вообще и старообрядческихъ въ частности. Какъ-то рѣчь зашла объ „Олонецкихъ отвѣтахъ" Діонисова, которыхъ онъ не зналъ и не видалъ. Я выпросилъ у хозяевъ эту рѣдкую рукопись съ рисунками на поляхъ „перстнаго сложенія" и далъ ему для прочтенія. Въ одно изъ своихъ посѣщеній онъ похвастался, что умѣетъ писать книги по славянски и копировать рисунки, и что, если я хочу, онъ спишетъ эту книгу „точка въ точку" только за 5 р. вознагражденія *). Я согласился. Но подсмотрѣлъ-ли кто-нибудь такое преступленіе и донесъ о томъ городничему, самъ-ли мой знакомый гдѣ-нибудь проболтался,—только разъ приходитъ ко мнѣ полицейскій солдатъ съ приказомъ явиться завтра утромъ къ городничему въ квартиру.

Я обомлѣлъ отъ страха, зная его взяточничество и придирки. Бросился-было къ хозяину, прося защиты, но тотъ отвѣтилъ, что городничій и на него за что-то сердится и что онъ слышалъ, что „разстригу моего" за переписку „Олонецкихъ отвѣтовъ" упрятали въ кутузку. „Не слѣдовало переписывать, вотъ и вся штука"— укоризненно замѣтилъ мнѣ хозяинъ, но прибавилъ, что завтра надобно идти къ городничему и взять съ собою 25 р. для подарка.

На другой день рано утромъ, я былъ уже въ пріемной градоправителя.

— Ты что задумалъ? Распространять еретическія книги?— напустился на меня городничій!—Да знаешь-ли ты, что за это полагается? Посадить тебя въ острогъ, а потомъ сослать въ Березовъ!..

— Я только изъ любознательности далъ переписать это сочиненіе и вовсе не думалъ распространять его—замѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

— Знаю я вашу любознательность—перебилъ меня городничій—сегодня перепишетъ одинъ, завтра дастъ другому, а тамъ и пошло совращеніе въ расколъ...

— Ваше высокоблагородіе, не можете-ли удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ времени наединѣ? Я имѣю вамъ сообщить нѣчто по секрету,—отвѣтилъ я.

— А! хорошо!

Мы перешли въ его кабинетъ и затворили дверь.

Я молча положилъ на столъ 25 р., прибавивъ:

---

*) 5 расс. = 1 р. 43 к. сер.

— Сдѣлайте милость, прекратите это дѣло.

— Ты просишь прекратить? — сказалъ онъ мягко. — Только жалѣя твою молодость, я не буду производить слѣдствія, но чтобы сегодня-же было мнѣ доставлено еще столько-же, сколько ты тамъ положилъ! Иначе прикажу тебя арестовать и посадить въ острогъ.

Я замиралъ отъ страха и обѣщалъ добавить 25 р., лишь-бы только не сидѣть въ острогѣ, что по тогдашнимъ временамъ, легко могъ сдѣлать городничій.

Въ тоже время, другая меньшая напасть, тоже съ книгой, постигла меня вотъ по какому случаю. Чрезъ Шмурыгина я свелъ знакомство съ однимъ священникомъ, съ которымъ мы иногда, по-долгу бесѣдовали о старообрядцахъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ. Священникъ былъ глубоко религіозный, прекрасный человѣкъ и часто жаловался мнѣ, что не можетъ достать книги Симеона Діонисова о паденіи Соловецкаго монастыря, которую ему хотѣлось бы прочесть. Я проговорился, что могу достать, но только книга рѣдкая и цѣнная, а посему — прибавилъ я — онъ долженъ дать мнѣ слово, что книгу только прочитаетъ и сейчасъ-же возвратитъ. Слово было дано и книга ему вручена. Но вышло такъ, что священникъ написалъ объ этомъ въ консисторію, которая потребовала присылки самой книги; мнѣ-же онъ отвѣтилъ, что обязанъ былъ такъ сдѣлать. Я вынужденъ былъ заплатить за книгу 30 р., не говоря уже о томъ, какіе непріятности я вынесъ отъ ея владѣльцевъ.

*
* *

Между тогдашними нашими пріятелями, былъ одинъ оригинальный человѣкъ, кузнецъ Яковъ Удаловъ. Никто лучше его не ковалъ въ городѣ лошадей, никто лучше не оковывалъ „долгушъ“ и „дрожекъ“. Всякая старая машина, ружье, затѣйливый замокъ занимали его и онъ слылъ въ Тюмени чудакомъ-механикомъ. Отецъ его былъ „шваль“, т. е. шилъ кожанныя рукавицы, но сынъ Яковъ, настоялъ отпустить его въ работники къ кузнецу и къ 30-лѣтнему возрасту имѣлъ уже свою кузницу и прославился работой. Яковъ Удаловъ былъ неграмотенъ, но цѣлые вечера, бывало, просиживалъ надъ книгою „Механика“ Писаревскаго, разсматривая рисунки машинъ и оптическихъ приборовъ. Всегда молчаливый и серьезный, съ черными блестящими глазами, сидитъ и слушаетъ, бывало, какъ кто-нибудь изъ насъ читаетъ что-нибудь беллетристическое, а порою не утерпитъ и скажетъ:

— Какую пустяковину читаете вы, господа! Вотъ, если-бы божественное вы читали, или что нибудь про машины, то людямъ была-бы польза, а это что?

— Ахъ, Яковъ Ивановичъ, опять ты за свое принялся— отвѣтимъ мы ему. — А что-же, вѣчное движеніе подвигается у тебя впередъ?

— Что-же вѣчное движеніе.? Это штука поважнѣе вашихъ книжекъ. У меня, вопъ, только не хватаетъ полъ-зубца въ ходу колесика, а то бы и совсѣмъ готово было.

— Да покажи ты намъ хоть разъ твое „перпетуумъ-мобиле,— пристаемъ мы къ нему.

— Ну нѣтъ, не просите, не покажу! Вотъ, Богъ дастъ, когда полъ-зубца послѣдніе осилю, ну, тогда другое дѣло, приходите и смотрите.

Необыкновенно соблазнительнымъ казалось намъ имѣть лодку-самоходъ, съ механическимъ двигателемъ, на которой мы могли-бы плавать по р. Турѣ и вотъ, толкуя съ Удаловымъ какъ-то о машинахъ, мы рѣшили начать строить эту лодку-самоходъ на товарищескихъ началахъ: лодка, желѣзо и рабочіе—наши, а работа механика Удалова. Товарищество наше составляли: я, Рыловъ, Сила и Прохоръ. Мѣсяцъ цѣлый продолжались у насъ оживленные дебаты и работы надъ этой лодкой. И вотъ, какъ-то въ праздникъ, мы встали на разсвѣтѣ и отправились на рѣчку Монастырку, чтобы собрать тамъ нашъ самоходъ и, плывя рѣкою, удивить Тюменцевъ новымъ изобрѣтеніемъ. На берегу рѣчки собрали мы нашу лодку. Все готово, колеса съ лопастями по бокамъ, какъ у парохода, внутри колѣнчатыя рукоятки съ колесами и шестернями для вращенія. Мы попробовали вертѣть механизмъ и оказалось, что на сушѣ прекрасно работали гребныя колеса! Восторгу нашему не было границъ.

Лодка, наконецъ, спущена на воду. Мы усѣлись внутри, выплыли въ рѣку и понеслись по ея теченію. Рабочіе вертѣли рукоятки; лопасти колесъ легонько загребали воду и лодка наша двигалась исправно. На берегахъ рѣки явилась публика, глядя на невиданное чудо. Намъ неслись оттуда одобрительные крики и мы почти торжествовали. Но, какой-же горестный конецъ ожидалъ насъ! Какъ только повернули лодку противъ теченія рѣки, такъ оказалось, что ея машина совершенно слабосильна, и наша лодка двигалась впередъ едва замѣтно, не смотря на большія усилія рабочихъ, вертѣвшихъ рукоятки.

Таже публика по берегамъ, что насъ одобряла раньше, начала смѣяться надъ нами безпощадно. Мы растерянно смотрѣли другъ на друга и не знали, гдѣ-бы выбрать мѣсто для причала лодки. Кое-какъ мы пристали къ кожевеннымъ плотамъ, но толпа и тутъ насъ окружила, издѣваясь надъ нашей неудачей. Со стыдомъ поспѣшили мы домой, гдѣ дворня дома хохотала „до упаду" надъ нашимъ пароходомъ. И долго намъ потомъ не давали проходу, смѣясь надъ нами и дѣлая вопросы: „а ну, какъ вашъ пароходъ? Какая такса будетъ за пассажирскіе билеты?"

Яковъ Удаловъ задумалъ потомъ строить въ своей кузницѣ паровую машину, съ какими-то новыми прибавленіями. Безъ устали работалъ онъ надъ этимъ дни и ночи. Машина была уже почти готова. Но въ то-же время, какъ на грѣхъ, гдѣ-то онъ купилъ старое, тяжелое ружье и, пробуя стрѣлать усиленнымъ зарядомъ, попалъ на несчастье: стволъ ружья около казенника разорвало, и Яковъ Удаловъ лишился четырехъ пальцевъ лѣвой руки. Это горе и болѣзнь сломили богатырскую натуру Удалова. День за днемъ, онъ сталъ задумывается больше и больше и наконецъ сошелъ съ ума, сначала буйно и неистово, такъ что нѣкоторое время былъ прикованъ цѣпью у стѣны, а потомъ мало по малу впалъ въ тихое но безвозвратное помѣшательство. Въ этомъ состояніи Яковъ Удаловъ и умеръ.

*
* *

Между родственниками моими, проживавшими въ Тюмени, были двѣ замужнія тетки (сестры матери) изъ которыхъ одна, крестная мать моя, Марья Егоровна, жила сравнительно богато, имѣя съ мужемъ постоялый дворъ, а другая, тетка Авдотья Егоровна, была замужемъ за ремесленникомъ и, хотя жила не такъ богато, какъ первая, но все-таки въ довольствѣ и достаткѣ. И та и другая тетка, были замѣчательны по энергіи и дѣловитости, управляли домомъ и промысломъ отъ имени мужей, и были душею своего дѣла. Одна держала въ городѣ постоялый дворъ, замѣнявшій порядочную гостинницу, а другая вела скорняжное ремесло бѣличьихъ мѣховъ съ полнымъ и возрастающимъ успѣхомъ. Одинъ, изъ дядей моихъ, (мужъ тетки Авдотьи Егоровны) былъ добрый душевный человѣкъ, немного временами запивавшій, но отличался тѣмъ, что успѣшно вылѣчивалъ „опасную" болѣзнь (сибирскую язву) на людяхъ и животныхъ. Оффиціальные ветеринары много разъ запрещали ему эту его профессію, но каждый разъ, когда

эпидемія возникала и когда они не могли съ ней справиться,— тогда городская администрація, разрѣшала дядѣ практику лѣченія, и онъ тогда не зналъ ни отдыха, ни покоя, помогая каждому человѣку нуждающемуся въ его лѣченіи. Платы за труды онъ ни съ кого не бралъ, исключая копѣечныхъ расходовъ на лѣкарство. Чѣмъ онъ эту болѣзнь лѣчилъ, многіе содержимое лѣкарствъ знали, но никто не зналъ, чему обязанъ дядя своимъ успѣхомъ, потому что тѣ-же лѣкарственные матеріалы, изъ другихъ рукъ, ни кому не помогали. Дядя всегда надъ лѣкарствами молился Богу и что-то долго нашептывалъ. Этому собственно и приписывалась всѣми чудодѣйственная сила дядинаго лекарства.

Я часто спрашивалъ его, что такое онъ нашептываетъ, но получалъ одинъ и тотъ-же неизмѣнный отвѣтъ, что это „Божескій секретъ", который онъ могъ-бы, умирая, передать только кровному лицу, сыну или отцу, а такъ какъ у него ни сына ни отца въ живыхъ не было, то и секретъ вмѣстѣ съ нимъ сойдетъ въ могилу. Я иногда смѣялся надъ „шопотами" дяди, но результаты представлялись поразительными. Бывало, больное животное едва къ нему приведутъ, ужь прямо-таки обреченное на то, что оно „подохнетъ", но животное отъ его лекарствъ неизмѣнно выздоравливало. Позовутъ его порою и къ больному человѣку этой же болѣзнью, и я не слыхивалъ примѣра, чтобы больной не оправлялся. Судить и насмѣхаться надъ суевѣріемъ народа можно, сколько угодно, но факты иногда побиваютъ на повалъ насмѣшку и остаются фактами, до сихъ поръ необъяснимыми.

Женщина въ Сибири не раба мужчины; она ему товарищъ. Умираетъ мужъ—не погибаетъ домъ и промыселъ, мужемъ заведенный. Жена—вдова ведетъ его дальше съ тою-же энергіей и знаніемъ, какіе присущи были мужу. Въ Тюмени, въ Гостинномъ Дворѣ, было съ мануфактурными товарами до двухъ десятковъ лавокъ, и половина ихъ велась и управлялась женскимъ персоналомъ не менѣе удачно, чѣмъ другая половина. У меня была истиннымъ другомъ и совѣтникомъ вдова Татьяна Алексѣевна Пеньевская, до самой смерти послѣ мужа торговавшая кожевеннымъ товаромъ. Она вела свои дѣла прекрасно и пользовалась общимъ уваженіемъ. На ея прилавкѣ, всегда лежала какая нибудь книга духовнаго или свѣтскаго содержанія. Я также зналъ множество ремесленныхъ семей, потерявшихъ главу семьи—мущину, которыя потомъ руководимы были женой умершаго, а заведенное ремесло продолжалось и развивалось безостановочно.

Крестная мать моя была даже изъ тюменскихъ женщинъ, по ея енергіи и труду, выдающеюся женщиной. Иной разъ казалось даже непонятнымъ, какъ она можетъ справляться съ такимъ сложнымъ управленіемъ торговлею и хозяйствомъ, входить во всѣ детали и въ то-же время, что называется, быть душею дѣла? Меня она любила сильно и часто мнѣ говаривала: „къ стани и Богъ пристанетъ" (т. е. труду и раннему вставанью Богъ помогаетъ). Уходя отъ нее, я часто получалъ такое наставленіе:

— Ну Миколушка, послужи еще нѣсколько годковъ и потерпи неволю, а тамъ я помогу тебѣ встать на свои ноги.

*
* *

Не помню хорошенько, у кого изъ насъ зародилась мысль— у меня или товарища моего Рылова—но мы сообща написали Петербургской Обсерваторіи о нашемъ желаніи быть въ Тюмени наблюдателями метеорологическихъ явленій. Предложеніе наше было принято, и Обсерваторія прислала намъ физическіе инструменты и таблицы, бланки для занесенія нашихъ наблюденій цифрами и принятыми терминами, предписавъ, въ то-же время, мѣстному почтамту принимать безплатно нашу корресподенцію. Мы устроили эти наблюденія на чердакѣ „отдѣльной", гдѣ раскрыли нѣкоторую часть тесовой крыши. Каждый день въ 8 ч. утра, въ полдень и въ 9 часовъ вечера, мы лазили туда по лѣстницѣ записывать: высоту барометра, температуру воздуха по Реомюру, осадки воды, силу вѣтра и видимое состояніе неба.

Въ этотъ періодъ времени, умеръ мужъ моей крестной матери, мой дядя Кривошеинъ, и я нѣсколько дней находился около покойника. Послѣ похоронъ, прійдя домой поздно вечеромъ, я, по обыкновенію своему, отправился въ нашу обсерваторію для записи наблюденій. Что-то напѣвая, я весело поднимался по лѣстницѣ и только-что просунулъ голову въ западню чердака и глянулъ къ инструментамъ, какъ увидѣлъ моего дядю, покойника, лежащаго въ гробу, на которомъ колыхалось бѣлое покрывало. Я остановился на ступеняхъ лѣстницы и обмеръ отъ страха. Въ моемъ мозгу блеснуло воспоминаніе о деревенскомъ повѣрьи, что ежели бѣжать назадъ, то покойникъ вскочитъ, нагонитъ и загрызетъ до смерти, а что лучше идти прямо на него и тогда нечистый духъ исчезнетъ. Творя молитвы, какія только вспомнились, я съ рѣшимостью отчаянія, ринулся впередъ и схватилъ колыхающееся покойницкое покрывало. Это оказалась рогожа, нами-же повѣшенная

на стропилахъ. Луна въ отверстіе крыши ее освѣщала, вѣтеръ слегка колыхалъ и она казалась совершенно бѣлою!

Нужно-ли прибавлять, какой смертельный страхъ я испыталъ въ этомъ приключеніи? Сердце мое билось и сжималось такъ, что я вернулся въ приказчицкую, по выраженію Силы, „блѣднѣе мертвеца“.

Другой случай былъ вызванъ слѣдствіемъ суевѣрія и безразсудства моего. Кто-то подстрекнулъ меня къ тому, что можно видѣть чорта, отправившись въ полночь въ баню безъ огня. Раздѣвшись тамъ, необходимо позвать его три раза. Чортъ долженъ явиться въ томъ образѣ, каковъ онъ носитъ на самомъ дѣлѣ. Только де на это нужна смѣлость и рѣшимость.

Баня наша находилась въ заднемъ углу кожевеннаго двора, какъ разъ на берегу р. Туры и выдавалась задней стороной прямо надъ водою. Дождавшись полночи, я отправился одинъ въ баню, отыскивая ощупью двери изъ темнаго передбанника. Тамъ я раздѣлся, поднялся по ступенькамъ на полокъ, усѣлся въ самый уголъ и три раза произнесъ опредѣленную формулу:

Чортъ, чортъ, явись ко мнѣ показать себя.

Конечно, никто не явился, и я вернулся въ комнаты къ себѣ ничего и никого не видѣвши. Но представляю я себѣ, что если бы въ моментъ вызова чорта, забѣжала въ сѣни бани собака, закричалъ-бы на рѣкѣ рыбакъ, — что было-бы тогда съ моею храбростью? Въ то время я достаточно былъ суевѣренъ и все-таки пошелъ одинъ ночью въ баню вызывать чорта.

* * *

Лѣтомъ въ праздничные дни, мы иногда плавали на лодкѣ по р. Турѣ, въ видѣ прогулки. Соберется, бывало, кучка пѣсенниковъ и мы, сидя въ лодкѣ во время плаванья, распѣвали пѣсни; то захватимъ самоваръ, чайную посуду и уплывемъ за городъ, куда-нибудь на бережокъ съ полянкой, гдѣ и устраивалось чаепитіе. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ товарищу моему Рылову надо было перейти изъ лодки на нагорный берегъ р. Туры. Онъ выскочилъ изъ лодки на берегъ и началъ, шутя кидать въ меня комочками земли. Лодка оттолкнута была отъ берега и плыла внизъ по теченію рѣки. Я стоялъ среди нея, уклоняясь на право и налѣво отъ бросаемыхъ въ меня комковъ глины и вдругъ, поскользнувшись, упалъ за бортъ лодки, головою въ низъ, въ воду. Плавать я не умѣлъ, а мѣсто рѣки было глубокое. Люди, бывшіе

на лодкѣ, въ первые моменты растерялись и не знали, какъ мнѣ помогать, ибо я, по ихъ выраженію, „какъ камень скрылся подъ водой и лишь пятки сверкнули возлѣ лодки“. Я живо помню обуявшія меня первыя ощущенія, когда я начиналъ тонуть. Въ глазахъ стоялъ желтый цвѣтъ, въ ушахъ звенѣло, а въ головѣ съ невѣроятной быстротой проносились мысли и картины сознанія, что я утопаю и умираю, что родные будутъ плакать, а мать моя замретъ отъ жгучаго страданья. Со страшной быстротой проносились въ головѣ картины видѣнныя въ дѣтствѣ. Какъ могло все это умѣститься въ моемъ сознаніи, въ такое короткое время, пока я шелъ ко дну рѣки, на глубину какихъ нибудь 5 аршинъ, я не могу понять, но отчетливо сознавалъ и видѣлъ ярко, одну картину за другою. Мнѣ вспомнилось даже, что я одѣтъ въ платье и сапоги, которые, намокнувъ, наполнились водою и я не успѣю ихъ снять въ водѣ до момента задушенія. Я успѣлъ даже вспомнить, что надобно руками сильно оттолкнуться отъ дна рѣки, когда я прикоснусь къ нему. Такъ я и сдѣлалъ, и быстро вынырнулъ на поверхность рѣки, гдѣ меня схватили люди и втащили въ лодку. Воды я проглотилъ довольно, и у меня пришлось искусственно вызвать рвоту.

*
* *

Въ кругу моихъ знакомыхъ, былъ еще удивительный субъектъ, гитаристъ, Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Маленькаго роста, тщедушный человѣкъ, съ бритой бородою и стриженными подъ гребенку волосами, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, Васильевъ представлялъ собою типъ, о которомъ говорится: „тише воды и ниже травы“. Онъ всю жизнь свою провелъ писцомъ въ канцеляріи Городской Думы, и славился игрою на гитарѣ. Васильевъ былъ питомцемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, за что-то сосланный въ Тюмень; здѣсь онъ женился и всю жизнь находился подъ командой своей дрожайшей половины. Каждый день, придя со службы, онъ увлекательно игралъ на гитарѣ и въ это время забывалъ все окружающее. Порою Васильевъ пилъ запоемъ по нѣскольку дней и въ это время становился храбрымъ, гналъ отъ себя свою жену-злодѣйку и игралъ на своемъ излюбленномъ инструментѣ грустные мотивы пѣсенъ. Въ такіе времена Васильевъ становился полною противуположностью трезваго человѣка, начиная съ одежды и оканчивая характеромъ.

Вотъ съ этимъ человѣкомъ я какъ-то познакомился и началъ

у него учиться игрѣ на гитарѣ... Уроки продолжались нѣсколько недѣль, но видимо ученикъ не обладалъ музыкальными способностями, и Васильевъ какъ-то, въ періодѣ запоя, храбро объявилъ: безъ всякаго стѣсненія:

— Бросьте вы учиться на гитарѣ, изъ васъ не выйдетъ музыканта. Только тотъ артистъ, который любитъ инструментъ, какъ я люблю мою гитару и играю на ней по шести часовъ къ ряду. Вы посмотрите на мои пальцы, какъ ихъ оконечности стали широки отъ постояннаго соприкосновенія со струнами....

Какъ мнѣ ни казался такой отзывъ непріятнымъ, но я послушался благоразумнаго совѣта и забросилъ ученіе на гитарѣ. И лишь временами сталъ я заходить къ Васильеву слушать его артистическую игру, пока не узналъ, однажды, что мой артистъ во время приступа запоя отдалъ Богу душу.

*
* *

Служа прикащикомъ, мнѣ рѣдко удавалось пріѣзжать въ деревню Кулакову. Но когда я тамъ бывалъ, то всегда заходилъ къ моему старому учителю Скрыпѣ, живо интересовавшемуся все время, какъ я живу, чѣмъ занимаюсь и какія читаю книги. Я разсказывалъ ему въ подробностяхъ многія обстоятельства моей жизни, а по поводу прочитанныхъ книгъ, которыхъ онъ не зналъ, я получалъ отъ него совѣтъ, относиться къ нимъ разсудительно.

— Я этихъ книгъ не знаю—бывало скажетъ Скрыпа—а потому и не могу сказать о нихъ опредѣленнаго мнѣнія. Думаю только, что большая часть пустыя книги, а ты самъ уже долженъ разбирать ихъ, которыя вредныя или полезныя.

Мой пріѣздъ теперь въ деревню, вызывалъ уже обо мнѣ большіе толки, между всѣми ея обывателями, какъ о человѣкѣ ускользающемъ изъ ихъ сферы.

— Микола-то, Микола-то нашъ, смотрите-ка, какой сталъ. Его теперь и рукой не достанешь. Вотъ оно, что значитъ городъ-то!

Пріѣхавъ въ деревню, я, бывало, обойду и навѣщу всѣхъ своихъ родныхъ и непремѣнно съѣзжу въ „Таптагай“ и въ „Лога“, гдѣ въ дѣтствѣ часто приходилось бывать за ягодами—клубникой, малиной и черемухою. Нужно-ли прибавлять, что посѣтишь и осмотришь, бывало, также всѣ тѣ мѣста и закоулки, какіе почему нибудь были дороги по воспоминаніямъ дѣтства? Такъ я непремѣнно побываю на сѣновалѣ, гдѣ часто читалъ моего Еруслана

Лазаревича и училъ „писанную“ ариѳметику; потреплю по шеѣ стараго хромаго Гнѣдка въ конюшнѣ; загляну въ гнѣзда ласточекъ и схожу въ напогребникъ посмотрѣть кучу песка, гдѣ печатала свои слѣды бѣлая ласта. Потомъ загляну въ уголъ „задворья“ гдѣ я работалъ топоромъ, пилой и рубанкомъ. Сбѣгаю наконецъ въ высокую крапиву, растущую на дворѣ старой часовни и загляну между стоекъ подъ полъ, гдѣ, бывало, мы играли въ прятки, и кончу огородомъ тетки Матрены, гдѣ, срѣзая большимъ ножомъ подсолнечникъ и перелѣзая черезъ заборъ, какъ-то разъ я глубоко ранилъ себѣ ножомъ ногу.

Въ первое время въ нашемъ домѣ самовара не было; онъ считался несовмѣстимымъ со строгостью старообрядческаго режима и порядка въ домѣ. Мать моя, бывало, зная, что я уже привыкъ къ чаю, дипломатично скажетъ:

— Микола, ты-бы шелъ къ теткѣ Оринѣ погостить.

Другими словами, это значило, что у себя дома, какъ-бы грѣхъ имѣть самоваръ, а въ чужомъ домѣ, сыну находящемуся въ гостяхъ, можно и напиться чаю.

Жалованье мое изъ года въ годъ росло: я получалъ уже 300 р., въ годъ, что въ то время считалось значительнымъ окладомъ. Хозяинъ мой, какъ - то предложилъ мнѣ торговать отъ себя какимъ нибудь товаромъ, который-бы не нарушалъ хозяйскихъ интересовъ. Я выбралъ для продажи чай, что и было мнѣ разрѣшено. Когда-же я сообщилъ объ этомъ моей крестной матери, она подарила мнѣ 100 р. на мою торговлю, какъ фондъ, и основаніе для будущей моей торговой карьеры. Съ какою гордостью самостоятельности, обратился я тогда къ чайной фирмѣ Шешуковой, за покупкой цѣлаго цыбика! Вѣдь это превышало всѣ мои мечты, какія когда-либо, приходилось лелѣять! Я развѣсилъ цыбикъ чая въ фунты и полуфунты, продавая ихъ въ той же лавкѣ моихъ хозяевъ, и помню до сихъ поръ, что распродажа эта, длившаяся мѣсяцъ времени, дала мнѣ барыша цѣлыхъ „пятнадцать цѣлковыхъ“!..

Изъ жалованья моего, я расходовалъ на свой незатѣйливый костюмъ и книги не больше половины; остальное уходило на расходы по перечисленію нашего семейства въ мѣщане, а потомъ на переходъ мой въ купеческое званіе, Остатки жалованья передавались моему отцу въ помощь по домашнему хозяйству въ деревнѣ. Какъ-то разъ призвалъ меня хозяинъ къ себѣ въ каби-

нетъ, гдѣ находились его мать, Аграфена Ивановна, и старшая сестра, негласная владѣтельница лавки, Наталья Аѳанасьевна.

— Вотъ что, Никола,—заговорилъ хозяинъ,—ты занимаешься «по лавкѣ» хорошо, и мы рѣшили помочь тебѣ ссудой въ 200 р. Отвези эти деньги твоимъ родителямъ и скажи имъ, пусть они чѣмъ нибудь приторговываютъ въ деревнѣ.

Я изумленъ былъ неожиданнымъ предложеніемъ и могъ только промолвить:

— Спасибо вамъ за это.

— Откладывать нечего,—продолжалъ хозяинъ.—Вотъ тебѣ деньги и завтра-же поѣзжай къ родителямъ въ деревню.

Я такъ и сдѣлалъ. Дома у насъ радости семейной не было границъ. Было между нами рѣшено, что отецъ будетъ закупать ремесленныя издѣлія на деревнѣ—сани, телѣги, накладушки — и потомъ поѣдетъ въ ярмарки—въ Устькаменскую, Курганскую и Ишимскую—для продажи ихъ. Я-же буду отъ себя вести торговлю, при лавкѣ Рѣшетниковой, развѣшаннымъ байховымъ чаемъ.

Такъ продолжалось дѣло нашихъ экономическихъ успѣховъ года два. Отецъ и я постепенно и успѣшно увеличивали матеріальный семейный достатокъ. Торговля ремесленными издѣліями велась удачно, и мы рѣшили домъ и дворъ въ деревнѣ продать, что значичельно увеличивало нашъ денежный фондъ и давало возможность еще большаго развитія нашихъ торговыхъ операцій. Домъ былъ проданъ и семья наша переѣхала на квартиру въ городъ, къ моей крестной матери, теперь вдовѣвшей и закрывшей свой постоялый дворъ.

Я понемногу мужалъ и развивался, мои корреспонденціи печатавшіяся въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», придавали мнѣ въ глазахъ общества вѣсъ и значеніе. Въ качествѣ купца, я бывалъ уже въ думскихъ засѣданіяхъ и помню случай, когда на представленіи общества губернатору, покойному Деспотъ-Зеновичу, онъ предъ всѣми заявилъ городскому головѣ:

— Кто у васъ тутъ авторъ корреспонденцій изъ Тюмени, г. Чукмалдинъ?

Меня представили и я имѣлъ съ нимъ маленькій диспутъ о сломкѣ стараго Гостинаго Двора.

Этотъ случай породилъ въ глуши провинціальнаго города большую сенсацію. Одни меня хвалили, а другіе находили, что я какой-то деревенскій «выскочка», который полѣзъ даже къ губернатору.

Въ это-же время крестная мать моя, видя успѣшность моего

дѣла, предложила мнѣ денегъ 1500 р. съ тѣмъ, чтобы я изъ приказчика сталъ компаніономъ моихъ хозяевъ, предъявивъ имъ эту комбинацію. Я долго не рѣшался на такое предложеніе, опасаясь показаться рѣзкимъ и назойливымъ, но перспектива независимости и самостоятельной жизни дѣйствовала неотразимо и я рѣшился наконецъ заявить о томъ хозяевамъ, а если они на то не согласятся, то отказаться отъ должности приказчика и продолжать съ отцомъ моимъ торговлю ремесленными издѣліями. Какъ-то въ праздничный день, усердно помолившись Богу, я пошелъ къ хозяевамъ съ этимъ предложеніемъ и, къ удивленію моему, не встрѣтилъ ни спора, ни отказа. Тутъ-же было и рѣшено, что я вкладываю денегъ въ общую лавочную торговлю 2000 р. и становлюсь участникомъ въ трети прибылей, не получая жалованья. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пересчитаны были всѣ товары, внесены въ реестръ благонадежные долги, составленъ общій счетъ актива и пассива и я превратился изъ приказчика въ компаніона. Семья моя въ то время жила уже въ Тюмени, и я послѣ семилѣтней службы въ чужихъ людяхъ снова зажилъ совмѣстно съ моими родными.

Въ первое время я какъ-бы не вѣрилъ въ эту перемѣну жизни, въ это счастливое сочетаніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ измѣнятся условія, и я опять попаду въ зависимость и снова помѣщусь въ маленькую, съ двумя березовыми стульями и софою, приказчицкую комнатку, въ которой прожилъ столько времени! Я напрягалъ всю мою энергію, чтобы торговля шла какъ можно лучше, чтобы результаты ея, въ смыслѣ прибыли и стройнаго теченія дѣлъ, были безупречны и постепенно достигалъ того и другого. Я самостоятельно покупалъ въ Ирбитской и Крестовской ярмаркѣ товары и самостоятельно же продавалъ ихъ...

*
* *

Съ каждымъ мѣсяцемъ и годомъ мое матеріальное и умственное состояніе росло и развивалось, а это въ свою очередь давало мнѣ репутацію дѣловаго человѣка, съ которымъ начали искать знакомства многіе изъ тѣхъ, которые еще недавно смотрѣли на меня, какъ на выскочку изъ деревни. Въ числѣ первыхъ пріѣхали ко мнѣ въ квартиру познакомиться, покойный теперь, Ф. С. Колмогоровъ и И. В. Канонниковъ. Я былъ уже, какъ равный членъ, на купеческихъ собраніяхъ и меня избрали секретаремъ коммиссіи по собиранію свѣдѣній и составленію доклада о нуждахъ города, какія требовались отъ городскихъ думъ, передъ введеніемъ Городового поло-

женія. Мало-по-малу у насъ составился кружокъ, въ которомъ интересовались общественными интерессами, и устроились даже дни, когда по вечерамъ происходили чтенія въ квартирѣ то у одного, то у другого изъ членовъ-товарищей, пока полиція не придала этимъ вечерамъ неподобающаго значенія и не пригрозила намъ отвѣтственностью. Понятно, послѣ этого, вечернія чтенія съобща сами собою прекратились.

Бывало, съ какимъ животрепещущимъ интересомъ ожидалась новая книжка «Современника», которая ходила по рукамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ знакомые, интересующіеся литературными новинками, не прочтутъ ее! Особенно много волновали насъ и порождали безконечные споры и разсужденія: журналъ «Ясная Поляна» и романъ «Война и міръ» — графа Толстаго. По поводу ихъ спорамъ и толкамъ не было конца, и у кого нибудь вечеръ за чаемъ затягивался далеко за полночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Меланія Егоровна Чукмалдина,

Мать Н. М. Чукмалдина.

(† 28 мая 1894 г. на 80-мъ году жизни.)

IX.

Самостоятельность.

Ведя торговлю въ лавкѣ, отъ своего имени, на компанейскихъ началахъ съ бывшими моими хозяевами, я долженъ былъ ѣздить за покупкою товаровъ въ большія ярмарки—Ирбитскую и Крестовскую. Въ ярмаркахъ я покупалъ мануфактурные товары за деньги и въ кредитъ; въ послѣднемъ случаѣ выдавалъ отъ себя векселя, хотя и былъ на самомъ дѣлѣ маленькимъ вкладчикомъ въ негласную компанію, гдѣ все основано на вѣрѣ и обѣщаніи и гдѣ, кромѣ разсчетныхъ книгъ, не было никакихъ другихъ письменныхъ документовъ.

Ирбитская ярмарка, по своимъ размѣрамъ, тогда казалась такою колоссальною, что ярмаркѣ этой наши Сибиряки только удивлялись, не находя ей мѣры для сравненія. Про ярмарку и выражались больше односложными словами, да знаками восклицанія: «а, Ирбитъ!» или: «это вѣдь въ Ирбитской было»! подразумѣвая, что эта ярмарка есть основа, центръ, развязка всѣхъ дѣлъ, своего рода «крайній судія». Передъ ярмаркой и послѣ нея товарные обозы тянулись черезъ Тюмень цѣлыми вереницами и заполняли собою всѣ улицы и постоялые дворы Затюменской части. Часто можно было видѣть, какъ, обгоняя другъ друга, неслись по улицамъ галопомъ, такъ называемые «возки съ чаями», съ шумомъ, гиканіемъ и криками ямщиковъ и топотомъ пяти лошадей, впряженныхъ въ громаду «возокъ», заключающій отъ 80 до 100 пудовъ байховаго чая. Проѣзжихъ на Ирбитъ и обратно, въ кошевахъ, повозкахъ и другихъ незатѣйливыхъ экипажахъ, было всегда такое большое количество, что казалось невѣроятнымъ даже, гдѣ они въ Ирбитѣ и помѣститься могутъ?

Все это двигалось и ѣхало въ Ирбитъ, гдѣ, сдѣлавъ свое дѣло, продавъ и купивъ товары, — разъѣзжалось опять въ обратномъ направленіи, обмѣнявъ товары — восточное сырье, на товары западные, обработанные на русскихъ фабрикахъ и заводахъ.

Въ Ирбитѣ пріѣзжающій занималъ у обывателя въ домѣ комнату, уголъ, каморку, гдѣ только можно было найти теплое помѣщеніе, а для торговли — лавку, лавочку, ларь въ Гостиномъ дворѣ и на площадяхъ, все на полномъ холодѣ и вѣтру. О теплыхъ помѣщеніяхъ для торговли въ тѣ времена и помину не было; тогда не было еще устроено знаменитаго теплаго ирбитскаго Пассажа, и лишь изрѣдка и только кое-гдѣ существовали отапливаемые магазины, преимущественно съ часами и музыкальными машинками.

Я также пріѣзжалъ въ Ирбитъ и цѣлыми днями ходилъ по лавкамъ, выбирая нужные товары, гдѣ лучше и дешевле, а потомъ собиралъ ихъ и съ извозчиками отправлялъ въ Тюмень. Обозрѣніе ярмарки давало мнѣ о сырьевыхъ товарахъ большія свѣдѣнія, которыхъ въ другомъ мѣстѣ получить было трудно, или даже прямо невозможно. Я съ интересомъ всматривался и наблюдалъ длинные ряды всякаго сибирскаго сырья и старался узнавать качество и цѣны, чтобы на слѣдующую ярмарку испробовать торговлю ими, а не пріѣзжать въ Ирбитъ только за покупкой мануфактуры. Такъ я мало-по-малу становился не только торговцемъ мануфактурой, но и продавцомъ на ярмаркѣ — бѣлки, щетины, косицы, кожъ, опойковъ и другихъ сырыхъ товаровъ, что большей частью давало мнѣ постоянные барыши. Вернувшись въ Тюмень, я пробовалъ заводить торговлю все новыми и новыми товарами и только въ рѣдкихъ случаяхъ убыточно и неудачно. Перебирая въ памяти теперь номенклатуру товаровъ, какими я въ тѣ годы торговалъ, мнѣ кажется, что пришлось испробовать куплю-продажу всѣхъ сырыхъ товаровъ и фабрикатовъ, какіе только собирались и выдѣлывались въ Тюмени и около Тюмени. По крайней мѣрѣ я не помню такого мѣстнаго товара, которымъ-бы не пробовалъ торговать.

Бывали случаи, что я дѣлалъ ошибки, влекущія за собой неизбѣжные убытки, но это давало опытъ и знаніе, которые потомъ предохраняли отъ послѣдующихъ ошибокъ и убытковъ. Въ большинствѣ же случаевъ моя торговля давала хорошую прибыль и развивала сметку, расширяя опытное знаніе и большой кругозоръ товаровѣдѣнія.

Спустя два года, послѣ начала моей самостоятельности, я купилъ у моихъ хозяевъ все ихъ участіе въ мануфактурной торговлѣ съ выплатою денегъ, въ теченіе трехъ лѣтъ и сталъ единоличнымъ владѣльцемъ лавки.

Въ эти послѣдующіе годы я настолько расширилъ въ лавкѣ чайную торговлю, что пришлось учредить для нея особый торговый домъ въ образѣ «Товарищества Чукмалдинъ и Глазуновъ» въ отдѣльной лавкѣ того-же Гостинаго двора. Составляя по учрежденію Т-ва между собою договоръ, мы внесли въ проектъ параграфъ, гласящій, что ежели кто либо изъ насъ не соблюдетъ подписанныхъ условій свято, «тому да будетъ стыдно». Опытный юристъ, просматривая проектъ, посмѣялся надъ нашей наивностью и разъяснилъ намъ, что въ законѣ такого наказанія не полагается.

Чайная торговля пошла у насъ удачно и мы вели ее, какъ въ Тюмени, такъ и въ ярмаркахъ—Ирбитской и Крестовской, съ постояннымъ успѣхомъ и расширеніемъ, такъ что даже открыли отдѣленіе въ Омскѣ. Характернаго въ этой торговлѣ мнѣ припоминается только одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ дѣятельности нашего товарищества. Въ одну изъ навигацій въ Западной Сибири затонула баржа на р. Тоболѣ съ 3000 ящиковъ зеленаго кирпичнаго чая, принадлежавшихъ покойному Хаминову. Чай этотъ высушили, привезли въ Тюмень и начали продавать по 12 р. за ящикъ. Мы и конкурентъ нашъ г. Гилевъ купили чая по 500 ящ., но, соперничая между собою, продавали его только по 13 р., хотя по качеству товара могли-бы продавать по 20 р. Какъ нашему торговому дому, такъ и конкуренту Гилеву хотѣлось купить въ однѣ руки и остальныя 2000 ящиковъ чая. Довѣренный-же Хаминова продавалъ намъ весь остатокъ, но съ условіемъ, если г. Гилевъ не заплатитъ цѣнъ дороже. Мы съ товарищемъ моимъ поэтому пошли на рискъ—предложить Гилеву купить у насъ 300 ящ. чая по 10 р. яко-бы потому, что деньги намъ ужъ очень нужны, разсчитывая, что Гилевъ такого предложенія испугается и чая нашего не купитъ. Такъ и вышло. Гилевъ былъ такъ пораженъ неожиданнымъ съ нашей стороны предложеніемъ, что не только не купилъ чая, но отказался отъ покупки и у Хаминова. Мы въ тотъ-же день купили весь остатокъ, 2000 ящиковъ чая и въ теченіе года продали его съ пользою болѣе, чѣмъ по 5 р. на ящикъ.

Черезъ нѣкоторое время оказалось, что мой товарищъ Глазуновъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могъ болѣе оставаться въ торговомъ домѣ и намъ пришлось прекратить его существованіе. Весь активъ и пассивъ торговаго дома я принялъ на себя, выплативъ товарищу его долю участія наличными деньгами.

X.

Промышленные опыты.

Въ Тюмени торговалъ мануфактурой Елабужскій уроженецъ Дмитрій Ивановичъ Лагинъ, съ которымъ мы сошлись на короткую дружескую ногу. Надоѣла ли ему и мнѣ торговля ситцами, желали-ли мы сильно испытать что нибудь новое,—только мы придумали пуститься въ промышленное предпріятіе. Опыта въ этомъ мы оба не имѣли никакого, но теоретическіе выкладки и подсчеты обѣщали намъ вѣрнѣйшую прибыль, не говоря уже про славу піонеровъ дѣла. Короче сказать, мы задумали устроить въ Тюмени ткацкую фабрику хлопковыхъ издѣлій, какъ напримѣръ: твина, тика, трико, нанки и сарпинки. Пряжу рѣшили выписывать изъ Москвы, а рабочіе ткачи въ Тюмени находились изъ ссыльныхъ поселенцевъ; они увѣряли насъ, подкрашенными свѣдѣніями и цифрами, въ необыкновенной выгодности такого предпріятія. Мы арендовали зданіе на Маломъ Городищѣ (часть города) для ткацкой фабрики, ремонтировали его и выписали изъ Москвы становъ съ батанами, челноковъ, бердъ, шпуль, пряжи и проч. Мы наивно были убѣждены, что всѣ орудія этой фабрикаціи нужны только для перваго обзаведенія, а что потомъ въ такомъ ремесленномъ городѣ, какова Тюмень, все будетъ сдѣлано на мѣстѣ, около фабрики, значительно дешевле, чѣмъ въ Москвѣ и и Владимірской губерніи, потому что лѣсные матеріалы и топливо въ Тюмени по крайней мѣрѣ въ пять разъ дешевле. Послѣдній аргументъ—дешевизна топлива и лѣсныхъ матеріаловъ — казался намъ, неопытнымъ людямъ, на столько важнымъ, что онъ какъ-бы покрывалъ собою всякій рискъ, наше полное незнаніе дѣла и былъ важнѣе даже покупки пряжи за тридевять земель.

Трудно и разсказать теперь, какихъ трудовъ и хлопотъ стоило намъ поставить и пустить въ работу 10 ткацкихъ становъ въ Тюмени, гдѣ на мѣстѣ не было для этого ничего подготовленнаго окружающей промышленностью. Сломается челнокъ, испортится бердо, покривится навой,—надобно усиленно искать мастера для исправленія, а потомъ платить ему за поправку дороже, чѣмъ стоитъ новое орудіе. Не хватило какого нибудь цвѣта пряжи,—нельзя оканчивать «сновать основу» и вотъ, останавливай ткацкій станъ на два мѣсяца, пока получится нужная пряжа изъ Москвы.

Но за то какія бывали славныя минуты иллюзіи, когда напр. мы съ Лагинымъ наклеили на кускахъ твина и сарпинки нашъ ярлыкъ съ громкимъ титуломъ:

«Сибирская фабрика»

и принесли ихъ въ свои лавки, для продажи потребителямъ. О! такія хорошія минуты, порою, стоятъ массы трудовъ, времени и матеріальныхъ убытковъ, потраченныхъ на то, чтобы пережить ихъ.

Два года мы возились съ этой фабрикой, пока рѣшили, что лучше ликвидировать ее, чѣмъ продолжать предпріятіе, явно не имѣвшее будущности.

На этомъ опытѣ, приведшемъ насъ къ полной неудачѣ и убыткамъ, мы однако не остановились. На родинѣ моей, въ д. Кулаковой, мы съ тѣмъ-же Лагинымъ устроили спичечную фабрику и мыловаренный заводъ. И то и другое, казалось намъ, будетъ давать хорошую пользу,—первое потому, что главная работа въ спичечномъ производствѣ, «древесная соломка», сподручна ремесленности жителей деревни, а второе потому, что мыло будемъ выдѣлывать по методѣ нашего мастера-изобрѣтателя и получимъ фабриката противъ другихъ на 10% больше. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, конечно, была полная ошибка, а отсюда неизбѣжный убытокъ и гибель производства. Соломку намъ готовили въ деревнѣ, но требовали плату, ровно втрое большую, чѣмъ существуетъ въ Вяткѣ; мыло, правда, выходило вѣсомъ на 10% больше, чѣмъ у другихъ мыловаровъ, но когда просыхало, вѣсъ его уменьшался на 15% и самъ фабрикатъ превращался въ куски съ высокими краями и втянутой серединой.

Такимъ образомъ и здѣсь, несмотря на массу нашего труда и хлопотъ, намъ не удалось ввести на родинѣ моей ни новаго производства спичекъ, ни новаго способа варки мыла. И то и другое разбивалось въ прахъ о суровую дѣйствительность и подтверждало лишній разъ, что надо помнить никогда непререкаемый законъ жи-

тейскій: «берись за такое только дѣло, которое знаешь не меньше твоего мастера или приказчика. Иначе будетъ вѣрная неудача».

*
* *

Я покупалъ порою кожевенное сырье и хлѣбные товары, которые тутъ-же въ Тюмени потомъ и продавалъ: кожи — заводчикамъ, а хлѣбные товары—продавцамъ. Какъ-то осенью я поѣхалъ за покупкою овса въ г. Тару и случайно остановился на квартирѣ въ домѣ мѣстнаго торговца хлѣбомъ, бывшаго каторжника, поселеннаго въ томъ городѣ. Я не зналъ этого и только встрѣтившись съ исправникомъ, услыхалъ, что хозяинъ дома отбывалъ когда-то каторжное наказаніе, имѣетъ на лицѣ каторжныя клейма, а теперь, поселенный въ Тарѣ, женился на туземкѣ и живетъ себѣ припѣваючи. Исправникъ былъ еще молодой чиновникъ, недавно пріѣхавшій изъ Россіи, а посему приходилъ въ ужасъ оттого, что, имѣя съ собою деньги, я буду ночевать въ домѣ бывшаго каторжника. Я, какъ природный Сибирякъ, улыбнулся его страху, замѣтивъ, что ссыльные въ Сибири совершаютъ преступленія ничуть не больше природныхъ жителей и что у меня въ Тюмени есть сторожъ Никита и кучеръ Иванъ, оба изъ ссыльныхъ, и я нисколько не боюсь того, что они поселенцы или, какъ выражаются въ Сибири, «варнаки» или «посельщики». Такъ я и остался на квартирѣ въ домѣ каторжника на все время моего пребыванія въ Тарѣ и даже закупилъ у него партію овса съ выдачею впередъ значительнаго денежнаго задатка.

XI.

Сибирскіе картежники и гуляки.

Вечеромъ того же, дня составилось у исправника маленькое общество, гдѣ пили чай и по обыкновенію играли въ карты; былъ приглашенъ и я въ качествѣ гостя изъ Тюмени. Составились зеленые столы и меня уговорили поиграть въ простую «стуколку», хотя до тѣхъ поръ мнѣ никогда не приходилось упражняться въ картежномъ занятіи. Мнѣ преподано было нѣсколько уроковъ и я скоро понялъ правила игры, но также скоро и проигралъ 51 р. денегъ. Я забастовалъ, убоявшись увлеченія, и съ тѣхъ поръ никогда уже игры не повторялъ. Видимо, «тарская стуколка» подѣйствовала на меня отрезвляющимъ образомъ.

А какія страшныя, азартныя игры въ карты въ тѣ времена существовали въ Сибири! Это покажется теперь, пожалуй, невѣроятнымъ. Кромѣ риска и азарта, въ эти игры вносились зачастую многія степени шулерства, начиная съ крапленыхъ картъ и оканчивая систематическимъ спаиваніемъ виномъ увлекшагося азартнаго игрока. У меня хранится картина покойнаго художника Калганова, копію которой здѣсь воспроизвожу. Талантливо и правдиво схваченъ въ лицахъ моментъ здѣшней шулерской игры, когда обыгранъ былъ въ Тюмени проѣзжій полковникъ, спустившій въ одинъ вечеръ 10 тысячъ рублей казенныхъ денегъ.

Покойный А. Малыхъ картежною игрой разстроилъ свое блестящее транспортное дѣло, проигрывая въ Тюмени по 10 и по 20 т. р. въ вечеръ. Одно время славился и процвѣталъ въ Тюмени отставной чиновникъ, нѣкто Унжаковъ, составившій себѣ карточной игрою, цѣлое состояніе. Домъ его былъ устроенъ прекрасно и открытъ для всѣхъ; здѣсь постоянно велась картежная игра, конечно, среди бога-

той обстановки, изысканныхъ ужиновъ и съ безконечной выпивкой. Бывало каждый праздникъ, каждый день рожденія, именинъ, какъ самого Унжакова, такъ и членовъ его семьи, былъ предлогомъ для

Шулера. Съ картины художника Колганова.

«вечера», а отсюда и карточной игры, затягивавшейся иногда до другого и третьяго дня. На всякомъ вечерѣ, званомъ и незваномъ,

въ кругу тюменскаго купечества, героями его фигурировали всегда картежные игроки крупныхъ ставокъ, для которыхъ отводился почетный зеленый столъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ самого хозяина дома. Всякіе интересы и разговоры на подобныхъ и о подобныхъ вечерахъ вертѣлись только на томъ, кто кого обыгралъ, кто у кого какую карту убилъ и какъ проигравшійся посылалъ къ себѣ домой съ ключами конторки за новой пачкой денегъ.

Типичны были эти записные игроки и ихъ жертвы, во время боя на зеленомъ полѣ. Шустрый, бойкій, образованный Унжаковъ, какъ предводитель, съ тактомъ и умѣньемъ, находилъ средства завлечь намѣченную жертву и обыгрывать ее съ помощью своихъ пособниковъ—Семенова, грузнаго, циничнаго человѣка; Ежова, отставного майора, умѣвшаго пить водку такъ, какъ никто другой, и изящнаго, салоннаго, сосланнаго въ Сибирь, адвоката Тутоміра. Какіе забавные, вызывавшіе гомерическій хохотъ присутствующихъ, умѣлъ разсказывать Унжаковъ анекдоты! Какъ плавно и непринужденно велась его бесѣда объ общественныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ; съ какой готовностью и умѣніемъ устраивалъ онъ порою благотворительные вечера и концерты! Да, это положительно былъ артистъ въ своемъ родѣ. И часто прорывалась въ немъ даже прекрасная черта помощи ближнему и благородные, великодушные поступки. Да вѣдь и нельзя было быть ему инымъ; нельзя было объигрывать каждаго, кто садился съ ними за зеленый столъ. Тогда никто не сталъ-бы и играть. Они вели свой промыселъ по всѣмъ правиламъ искусства, сегодня выигривая, завтра проигрывая, и только къ «крупной рыбѣ» примѣняли свои «осóбенные» пріемы и таланты. Какъ о геройствѣ какомъ нибудь, они разсказывали, какъ одинъ купецъ поставилъ на одну карту 10 тысячъ рублей и пока банкометъ бросалъ направо и налѣво, пошелъ къ другому столу выпить рюмку водки. «Вотъ это человѣкъ, вотъ это сила воли»,—восклицали они хоромъ!

Бывало, такъ называемые обозные приказчики, въ извѣстный періодъ года, останавливавшіеся въ Тюмени, для «перевалки чаевъ» и хожденія «на совокъ», — каждый вечеръ устраивали картежную игру, или у себя въ квартирахъ на постоялыхъ дворахъ—Глазунова, Желѣзова и другихъ, приглашая туда мѣстныхъ игроковъ, или у кого нибудь изъ тюменскихъ обывателей и ставили «на кóнъ» деньги тысячами рублей. Ставить на карту сто рублей считалось обыденной нормой, а ставить больше—своего рода отвагой и достоинствомъ— отличающимъ не рядового человѣка. Никто не спрашивалъ и не задавалъ себѣ вопроса, откуда у обознаго приказчика, получающаго

жалованья 300 р. въ годъ, находятся тысячи рублей свободныхъ денегъ, имъ проигрываемыхъ. Находили это вполнѣ естественнымъ, потому что онъ «обозный». Жалованье считалось ни во что, а вся суть его доходовъ заключалась въ томъ, сколько тысячъ ящиковъ чая поручено ему просматривать въ пути и на перевалочныхъ пунктахъ—Томскѣ, Тюмени и Перми, прохаживать «на совокъ». Обыкновенно полагалось давать обозному приказчику, на дорожную трату 2 фунта чая съ ящика, а онъ потомъ хожденіемъ «на совокъ» вынималъ по 3, по 4 фунта, а съ пріемщиками партій въ Нижегородской ярмаркѣ, или въ Москвѣ входилъ въ особыя соглашенія, уплачивая ту или иную сумму. И вотъ «обозный», присматривавшій за пятью тысячами ящиковъ, оказывался владѣльцемъ 15,000 фунтовъ чая, который и продавалъ въ свою пользу. Судите-же поэтому, какъ легко доставались ему деньги. Понятно, какъ онѣ легко имъ проживались на гомерическихъ пирушкахъ и карточной игрѣ!

Одно крупное хищеніе, ставшее обычнымъ, порождало, такое-же обычное, хищеніе мелкое, какъ послѣдствіе хищенія крупнаго. Въ перевалочныхъ пунктахъ, въ родѣ Тюмени, образовались артели «совошниковъ», которыя не получали платы за свою работу «хожденія на совокъ»,—а получали чай «съ рогожки», накрошенный при этой процедурѣ. Обыкновенно совершалось это слѣдующимъ образомъ. Помощникъ обознаго приказчика усаживался на стулѣ, предъ табором чая, около вѣсовъ, и надъ лукошкомъ посредствомъ обонянія контролировалъ запахъ чая, подносимый ему на открытой рукѣ совошникомъ. Желѣзный совокъ, съ длинной ручкой, вмѣщалъ въ себѣ чая $^1/_8$ фунта, а высыпаемый изъ совка на руку падалъ въ это время и мимо ея, на рогожи. Изъ каждаго ящика (цыбика), бралось совковъ отъ 6 до 12-ти, и само собой понятно, совошники намѣренно роняли на рогожи какъ можно больше чая, застилая одинъ рядъ другимъ, новыми рогожами, чтобы не дразнить взгляда пріемщика значительнымъ слоемъ насореннаго чая. Такимъ образомъ совошныя артели, получали чая «съ рогожки» отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ фунта изъ каждаго ящика.

Нужно-ли добавлять, какія иногда, послѣ картежной игры и пьянства, устраивались на улицахъ Тюмени скандальныя сцены обозными приказчиками и мѣстными жителями, причастными ихъ разгулу? Эти вещи нельзя и описывать, потому что онѣ были такъ дики и циничны, что пожалуй покажутся теперь прямо невозможными. Но, Боже мой! Гдѣ теперь всѣ эти люди, которые когда-то гремѣли своими нелѣпыми, но громкими похожденіями и скандалами на всю Западную

и Восточную Сибирь? Изъ сонма самостоятельнымъ лицъ, какихъ я зналъ, едва осталось въ слѣдующемъ поколѣніи двѣ-три семьи, у которыхъ не разстроены дѣла и которые проходятъ жизнь нормальнымъ образомъ. Остальные всѣ погибли жертвами карточной игры и пьянства, разстроивъ дѣла, потерявъ нравственность и здоровье.

Въ Тюмени былъ именитый купецъ, оптовый чайный торговецъ. Домъ его былъ поставленъ богато; успѣхъ и почести сопутствовали ему очень долго. Но нелѣпая жизнь среди кутежей и картъ довела его до полнаго раззоренія и на старости лѣтъ заставила умирать въ задней комнатѣ для прислуги, ибо все:—домъ, имущество и мебель—было секвестровано въ то время кредиторами его. Гдѣ теперь баловень, сынокъ-наслѣдникъ знаменитаго кожевеннаго заводчика, въ былыя времена распѣвавшій по трактирамъ: «Крамбамбули, отцовъ наслѣдство»? Все имъ прожито и растрачено, а самъ онъ живетъ въ кучерахъ, въ какомъ-то маленькомъ степномъ городишкѣ. Герой Тюмени, былыхъ временъ, Унжаковъ, въ одну изъ ярмарокъ въ Ирбитѣ нарвался на другого карточнаго игрока, болѣе его искуснаго въ шулерской профессіи, и былъ обыгранъ «до нитки». Послѣ этого Унжаковъ получилъ апоплексическій ударъ и умеръ, а семья его доживала вѣкъ въ нищетѣ и горѣ. Всѣ остальныя, менѣе крупныя фигуры этой полосы тюменской жизни также давно сошли со сцены, и самымъ жалкимъ образомъ. Даже тѣ купцы, которыхъ когда-то мой дядя Семенъ ставилъ мнѣ примѣромъ—Рѣшетниковъ и Котовщиковъ — окончили свою видную карьеру довольно грустнымъ манеромъ. Одинъ, чрезъ тѣ-же карты, лишился всѣхъ достатковъ и доживалъ свой вѣкъ въ Тюмени мелкимъ агентомъ страховаго общества, не создавъ для родного города, во времена своего богатства, никакого полезнаго учрежденія; а другой въ лицѣ дѣтей своихъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ и сынъ его посаженъ былъ подъ арестъ въ ту самую Тюменскую тюрьму, гдѣ когда-то отецъ состоялъ директоромъ. Современное поколѣніе зажиточныхъ и богатыхъ людей въ Тюмени, большей частью, уже не побѣги отъ старыхъ пней, не потомки мѣстныхъ родовитыхъ семей, а совсѣмъ новыя растенія новѣйшей культуры.

* * *

Благосостояніе мое изъ года въ годъ увеличивалось и я уже купилъ въ Тюмени собственный домъ, куда и переѣхалъ на житье съ своей семьей. Домашняя обстановка была пріобрѣтена скромная, но она должна была быть такою-же полною, какъ въ любомъ порядочномъ

домѣ провинціальнаго города. Пришлось завести лошадей и экипажи. Все было въ маломъ видѣ,—экономное, дешевое, но все было. Такъ лошади не превышали цѣны 100 р. экипажи 150, дюжина стульевъ 15 р. Самъ домъ, построенный изъ дерева, лѣтъ 50 тому назадъ, не превышалъ цѣны 5000 р., стоялъ, немного наклонившись на бокъ, имѣя меня уже седьмымъ владѣльцемъ, но былъ еще крѣпкій и теплый. Жить въ немъ, несмотря на 6 комнатъ-клѣтокъ одинаковой величины, было удобно. Я имѣлъ уже тогда двухъ приказчиковъ, нѣсколько подростковъ мальчиковъ, кучера, дворника и «караульнаго» (сторожа), помѣщавшихся въ одной половинѣ нижняго этажа. Отецъ и мать мои, помѣщались во второй половинѣ того-же этажа. Я и сестра моя занимали верхній, второй этажъ. Жизнь моя текла здѣсь, среди упорной и неустанной дѣятельности, живаго торговаго дѣла и чтенія книгъ литературнаго содержанія. Я былъ уже избранъ членомъ Городового Суда, а впослѣдствіи также гласнымъ Городской Думы по новому Городовому положенію. Въ моемъ архивѣ сохранилась запись, какъ изъ года въ годъ возрасталъ мой капиталъ. Запись эту я привожу здѣсь, на 1 января каждаго года, вплоть до переѣзда моего на жительство въ г. Москву.

Къ 1 янв.	1861	года	Р. С.	$2,925_{80}$.
„	1862	„	„	$6,984_{19}$.
„	1863	„	„	$11,034_{42}$.
„	1865	„	„	$11,960_{34}$.
„	1866	„	„	$16,655_{60}$.
„	1867	„	„	$18,185_{78}$.
„	1868	„	„	24,760—
„	1869	„	„	$35,789_{35}$.
„	1870	„	„	45,473—
„	1871	„	„	$57,772_{75}$.
„	1872	„	„	69,445—

Къ концу этого періода торговыя дѣла мои настолько расширились, что изъ купца 3 гильдіи я долженъ былъ перейти во 2-ю гильдію и ѣздить въ Нижегородскую ярмарку и Москву, главнымъ образомъ для продажи сырыхъ сибирскихъ товаровъ и преимущественно шерсти во всѣхъ ее видахъ. Лавку съ мануфактурными товарами я продалъ своему приказчику Бѣлугину, съ выплатою денегъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чайную торговлю прекратилъ. Такимъ образомъ развязался я съ мануфактурною торговлей, которая всегда меня тяготила своею

мелочностью, неопредѣленностью и остатками товаровъ, которыхъ нельзя продать «въ чистую». Отъ каждаго куска ситца и матеріи всегда имѣется остатокъ, по своей величинѣ для многихъ неудобный, а посему и приходится ждать случая продать его, хотя-бы даже убыточной цѣною. Этого мало. Мѣняется спросъ,—на цвѣтъ матеріи, на рисунокъ,—является «заваль», никому не нужная, и продавай ее за полъ-цѣны; появились мелкіе долги за знакомыми покупателями; считать ихъ нужно только въ трехъ четвертяхъ суммы. Эти неустранимыя причины, въ розничной торговлѣ мануфактурою и дѣлаютъ ее крайне неопредѣленною, въ особенности при сколько нибудь значительной конкурренціи. Торговля эта возможна еще тогда, когда самъ ея владѣлецъ занимается продажей самолично, отдавая ей все вниманіе и то тогда только, когда онъ не имѣетъ практики и знанія, чтобы торговать другими, болѣе опредѣленными товарами. Вотъ почему, какъ только я пріобрѣлъ себѣ матеріальныя средства, сколько нибудь значительныя, я и перешелъ рѣшительно къ торговлѣ болѣе устойчивыми товарами, избравъ своею спеціальностью—чай, шерсть, кожи, пеньку, хлѣбъ и даже дрова и рогожи, но совсѣмъ и навсегда отказался имѣть дѣло съ мануфактурой.

XII.

Моя торговля, прибыль и разцѣнка.

Разсказывать о товарахъ, какими я болѣе всего торговалъ и продолжаю торговать по сіе время, разсказывать о томъ, какъ они покупаются и продаются,—мнѣ кажется, не легкая задача, въ виду того, что объ этомъ предметѣ какъ-то не принято говорить въ печати, а потому читателю можетъ показаться скучною матеріей. Но вѣдь всякая торговля, какова-бы она ни была, основана именно на товаровѣдѣніи и способахъ покупки и продажи товара, а поэтому составляетъ самое существенное въ любой отрасли промышленности. Если, тѣмъ не менѣе, читателю покажется эта тема мало интересною, то отъ него зависитъ перекинуть нѣсколько страницъ, не читая.

Начну съ такъ называемаго сыраго матеріала, хотя онъ самъ по себѣ далеко не сырой матеріалъ, а всегда болѣе или менѣе обработанный и имѣетъ множество видовъ и качествъ, въ зависимости отъ мѣстъ происхожденія, сортировки и обработки. Знаетъ-ли читатель, что рогатый скотъ, убиваемый на бойняхъ въ городахъ и въ каждой захолустной деревушкѣ, даетъ до 10 главныхъ товаровъ новаго сырья (не считая мелкихъ и побочныхъ), которыми заняты сотни тысячъ промышленниковъ и торговцевъ, прилагая къ ихъ эксплуатаціи—сбору, обработкѣ, куплѣ и продажѣ, большую часть своего времени и денежныхъ средствъ? Едва-ли. Я думаю, что разскажу ему изъ этой области народнаго труда и промысла кое-что такого, что далеко не каждому извѣстно.

Рогатый скотъ, послѣ убоя, даетъ товары: мясо, сало, кожу, шерсть, хвосты, кишки, кровь, рога, копыта, мездру, которые въ свою очередь сортируются и перерабатываются большей частью въ овный видъ товаровъ, какъ матеріалъ для болѣе высокой промышлен-

ности. Простое сало есть «сырецъ», идущій на салотопенные заводы, а оттуда выходитъ товаромъ подъ именемъ «топленаго сала въ бочкахъ» и служитъ матеріаломъ для мыловаренныхъ и стеариновыхъ заводовъ, гдѣ его переработаютъ опять въ новый фабрикатъ—стеаринъ, стеариновыя свѣчи, мыло, олеинъ, глицеринъ и проч.

Кожа сырая ранней осенью солится; зимою — замораживается; лѣтомъ—сушится. Въ такомъ видѣ, какъ сырой матеріалъ, она поступаетъ на кожевенный заводъ, который превращаетъ ее—въ юфть, подошвенную, сапожную и др. виды, а эти послѣдніе служатъ вновь сырымъ матеріаломъ для сапожнаго, сѣдельнаго, экипажнаго и другихъ производствъ—ремесленныхъ и фабричныхъ. Побочнымъ образомъ кожевенному заводчику, та-же кожа даетъ новые матеріалы—шерсть, мездру, рога, сухую стружку.

Шерсть, отдѣльно взятая, требуетъ сортировки и обработки, при которой она превращается опять въ новый сырой матеріалъ, раздѣляемый по своему природному цвѣту: бѣлый, черный, сѣрый, красный. Цѣна этимъ сортамъ на центральныхъ рынкахъ весьма различна, хотя шерсть снята иногда съ одной и той-же кожи и по всѣмъ статьямъ своей природы (кромѣ цвѣта) тождественна. Суть-же разницы въ цѣнѣ заключается въ томъ, что шерсти одного цвѣта получается при сборѣ меньше, а другого цвѣта больше; одинъ природный. Цвѣтъ принимаетъ при окраскѣ яркіе колера, а другой не принимаетъ. По закону спроса и предложенія рынка: «чего мало — то дорого; чего много—то дешево»,—шерсть бѣлаго цвѣта всегда дороже вдвое противъ шерсти краснаго цвѣта. Среднее количество шерсти по цвѣтамъ и средняя цѣна ей, на центральныхъ рынкахъ, бываетъ такая:

Шерсти бѣлой	собирается	15% цѣна за пудъ около	8 р.
„ черной	„	} 35% „ „ „ „	6 „
„ сѣрой	„		
„ красной	„	50% „ „ „ „	4 „
		Средній выводъ 100% =	5 р. 40 к.

Все это относится къ шерсти, снимаемой съ кожъ сѣверныхъ мѣстностей — Вятки и Сибири, гдѣ климатъ помогаетъ рогатому скоту имѣть длинный, тонкій волосъ, а кожевенные заводы и «шерстомои» умѣютъ сортировать его по цвѣтамъ и промывать весной въ первой снѣговой водѣ, что придаетъ товару—шерсти глянецъ и усиливаетъ

природное свойство «валки» въ войлокѣ и валенкахъ, а также въ ткани требующей «валки» при дальнѣйшей фабричной обработкѣ.

Та-же шерсть, вымытая въ другое время года, теряетъ эти качества значительно и цѣнится на рынкѣ на 20% дешевле.

Затѣмъ, чѣмъ ближе къ теплу и Югу, тѣмъ волосъ рогатаго скота становится короче, грубѣе, толще; цвѣтъ менѣе правильнымъ и приглядным; обработка менѣе тщательна, — а посему и цѣны, смотря по качеству товара, постепенно понижаясь, опускаются до 50 и даже 40% противъ цѣнъ сѣвернаго (вятскаго) товара.

Нужно-ли разсказывать, какими процессами снимается волосъ съ кожъ, какъ онъ сортируется и промывается, чтобы поступить потомъ на рынокъ партіями по нѣсколько тысячъ пудовъ, подъ именемъ «коровьей шерсти»? Я думаю, что для многихъ это будетъ ново, а по особымъ обстоятельствамъ, касающимся ветеринарнаго надзора, и интересно.

Сырьевыя кожи поступаютъ на кожевенные заводы *), какъ матеріалъ для выработки дубленаго фабриката; первымъ дѣломъ, кожи размачиваются въ водѣ, если были сухими или солеными, и оттаиваются въ теплыхъ помѣщеніяхъ, если онѣ были мороженыя. Потомъ послѣ ряда извѣстныхъ манипуляцій и процессовъ, которыхъ я здѣсь не касаюсь, опускаются въ чаны съ известковымъ растворомъ, на 2—3 недѣли времени и по выходѣ оттуда подвергаются механическому процессу «снимавія шерсти». Кожи разстилаются на станки— «кобылы». Съемщикъ шерсти тупымъ ножемъ счищаетъ ее съ кожи, наглядно сортируя на четыре основныхъ цвѣта. Снятая шерсть выглядитъ грязной массой смѣшаннаго волоса съ известью. Эта масса вывозится потомъ на рѣку, ручей или озеро, гдѣ въ плетеныхъ корзинахъ промывается и замораживается «колобами», хранимыми до весенней снѣговой воды, для окончательной промывки, просушки на лугахъ и укупорки въ холщевые мѣшки.

Вотъ на эту «коровью шерсть» на мѣстахъ ея продажи въ центральныхъ рынкахъ, и требуется каждый разъ ветеринарное свидѣтельство съ мѣстъ ея происхожденія, или такое-же свидѣтельство врача ветеринара, въ районѣ котораго, въ данную минуту, шерсть находится. Всѣ эти свидѣтельства удостовѣряютъ, что ветеринарный врачъ шерсть осматривалъ и нашелъ ее безвредной. Но скажите ради Бога, возможно-ли найти что нибудь вредное въ товарѣ, который

---

*) Всѣхъ кожевенныхъ заводовъ въ Россіи въ 1896 г. было по статистическимъ даннымъ 1.700. Производство на нихъ оцѣнено въ 51 мил. р.

три недѣли пробылъ въ известковомъ растворѣ? Я убѣжденъ, что это немыслимо, что дезинфекція сдѣлана полная. Затѣмъ каждый тюкъ шерсти, въ 8 пудовъ вѣса, вмѣщаетъ въ себѣ волосъ по меньшей мѣрѣ съ 300 кожъ; какимъ путемъ ветеринарный врачъ можетъ опредѣлить, что одинъ какой нибудь фунтъ изъ трехъ сотъ фунтовъ волоса росъ на зараженной кожѣ, а вся остальная масса не зараженная, когда весь волосъ смѣшанъ? Дѣло ясное, что ветеринарныя свидѣтельства пишутся въ канцеляріяхъ врачей безъ осмотра товара и составляютъ собою только лишнее бремя и расходы, ничуть не нужные для русской торговли и скотоводства и, кромѣ вреда и волокиты, ничего собой не представляютъ.

Еще живя въ деревнѣ, гдѣ вырабатывались такъ называемые «тюменскіе ковры» и «полазы», — я часто видѣлъ, какъ пряласъ въ нити шерсть—«кислая», «яловая» и «конина», превращаясь потомъ въ «предѣно», «скань» и «утокъ»; какъ затѣмъ эта «скань» каждой мастерицей-коверщицей окрашивалась въ разные цвѣта и оттѣнки, потребные для составленія ковроваго рисунка. Всякая изба, гдѣ женщины работали ковры, была своего рода химическою фабрикой, въ которой фигурировали красильные матеріалы — индиго, сандалъ, квасцы, купоросъ, каркамея, сѣрная кислота и нѣкоторыя травы и растенія, самими «мастерицами» заготовляемыя: «луковое перо», «серпуха», ольховая кора и желѣзистый настой изъ ключей Таптагая. Женщина-химикъ собственнымъ опытомъ достигала искусства, какъ лучше и дешевле окрасить «скань» въ яркій колеръ нужнаго цвѣта и оттѣнка, но прежде всего знала, какая шерсть наиболѣе была способна принять ту или иную окраску, какими пріемами и какими пропорціями матеріаловъ достигать лучшихъ результатовъ.

Не мудрено поэтому, что шерсть всегда меня интересовала, какъ съ точки зрѣнія ея обработки, такъ и употребленія, какъ матеріала, для дальнѣйшаго примѣненія къ дѣлу. Я охотно вступалъ со всѣми въ разговоры и совѣщанія. Какъ-то разъ у меня завязался разговоръ съ «посельщикомъ» Никитой, урожденцемъ Кинешемскаго уѣзда, по поводу все той-же шерсти.

— Что у васъ изъ шерсти дѣлаютъ, — говорилъ Никита укоризненно, — только портятъ матеріалъ. На что похожи ваши войлоки, изъ которыхъ каждый волосъ лѣзетъ вонъ, какъ кострица изъ кудели? Или взять ваши валенки—т.-е. *пимы* по вашему: и неуклюжи-то они, и скоро-то расползаются. Если-бы вашъ матеріалъ да отдать въ нашу Кинешму, или въ Арзамасъ, вотъ-бы вы увидали, какіе «валенки» смастерилъ-бы мастеръ въ Кинешмѣ и какую «полость»

сработали-бы въ Арзамасѣ. Вотъ ужъ былъ-бы товарецъ—чудо, не тюменскому товару чета! А у васъ валяютъ изъ шерсти «подхомутники», которые и продаютъ потомъ по три рубля за пудъ.

— Да вѣдь и у насъ есть «кочьмы» очень крѣпкія, — замѣтилъ я Никитѣ.

— Кочьмы!—засмѣялся Никита. — Да вѣдь кочьмы то не вашей, тюменской работы. Онѣ киргизскія. Въ нихъ положена и шерсть-то другая—«живье», какой у васъ нѣтъ и не бываетъ. А я говорю о здѣшнемъ «матеріалѣ»—«стуловой» и коровьей шерсти, которая въ рукахъ мастера дала-бы товаръ куда лучше вашего тюменскаго!

— А наши ковры и полазы, развѣ не хороши? — возразилъ я Никитѣ.

— Ковры совсѣмъ другое дѣло,—отвѣчалъ Никита, переходя изъ саркастическаго тона въ дѣловой.—За ковры, вашимъ деревенскимъ бабамъ медали надо-бы давать, вотъ что! У нихъ учиться надо, какъ онѣ, покупая у «шерстобитовъ» иной разъ всякій сбродъ шерсти, умѣютъ изъ нея и нитки прясть и потомъ красить ихъ въ красивые цвѣта.

Подобные разговоры не проходили для меня безслѣдно. Въ первую же Нижегородскую ярмарку, куда я поѣхалъ самостоятельнымъ хозяиномъ, взяты были мною образцы мѣстной шерсти, по которымъ я узналъ, что въ ярмаркѣ найдутся для нея и покупатели. На слѣдующій годъ я закупилъ въ Тюмени небольшую партію разной шерсти и продалъ въ Нижегородской ярмаркѣ съ пользой. А затѣмъ на второй годъ я уже купилъ большую партію впередъ, съ выдачей деньгами значительныхъ задатковъ.. Но на этотъ разъ и наступила для меня та горькая доля, когда обнаруживается, какъ жестоко бываетъ человѣкъ обманутъ и когда покупатель безжалостно эксплутируетъ его незнаніе качества товара и вычитаетъ за его пороки вдвое больше, чѣмъ они стоятъ.

Тюменскій продавецъ, теперь уже покойный, продалъ мнѣ «яловую» шерсть, увѣривъ меня, что она именно такая, а сдалъ мнѣ шерсть почти чистую «конину» стоящую только немного больше половины цѣны яловой. Узнать и отличить шерсть одну отъ другой мнѣ, какъ мало опытному, не было еще возможности, потому что цвѣтъ и всѣ другіе внѣшніе признаки почти были одинаковы, а знаніе постигается только послѣ долгихъ опытовъ и упражненій. Я принялъ шерсть и уплатилъ деньги, какъ за яловую, а въ ярмаркѣ, послѣ многихъ разочарованій, мнѣ пришлось продать ее, въ концѣ концовъ, едва за двѣ трети стоимости. Товаръ—шерсть на Тюменскомъ и Нижегородскомъ ярмарочномъ рынкѣ цѣнилась тогда такъ:

Въ Нижегор. ярмаркѣ,	яловая красная	3 р.	—	пудъ.
„ „	конская „	1 „	50	„
Въ Тюмени „	яловая красная	1 „	50	„
„ „	конская „	1 „	00	„

Провозъ отъ Тюмени до Нижегородской ярмарки составлялъ съ пуда . . . . 1 „ —

Прибавляя провозную плату къ цѣнѣ того и другого сорта шерсти, она мнѣ обходилась:

Яловая . . . . 2 р. 50 к.
Конская . . . . 2 „ — „

При продажѣ шерсти я имѣлъ:

Отъ яловой *пользы* съ пуда . . . . 0 р. 50 к.
„ конской *убытка* „ . . . . 0 „ 50 „

Кто не дорожитъ своею репутаціей и не думаетъ о будущемъ, для того обманъ другаго, въ цѣляхъ барыша, всегда выгоденъ и заманчивъ. Онъ ясно сознаетъ, поддѣлывая тотъ или иной товаръ, устраивая тотъ или иной фокусъ надувательства, что все это узнается впослѣдствіи, но узнается тогда, когда онъ получилъ уже деньги и взыскать съ него за это нѣтъ возможности. Имъ видимо руководитъ правило: только-бы захватить деньги, а тамъ «хоть трава не расти».

Этотъ эпизодъ, тогда со мной случившійся, принесъ мнѣ нѣсколько горькихъ часовъ, не столько изъ-за денежнаго убытка, сколько изъ-за того, что заставилъ меня сгорѣть отъ стыда предъ покупателемъ, подумавшимъ, что я, продавъ ему шерсть яловую, намѣренно сдаю ему смѣсь яловой съ кониной. Вѣдь покупателю совсѣмъ нѣтъ дѣла до того, что я самъ обманутый человѣкъ, и онъ резонно говоритъ, что я продалъ ему шерсть яловую и обязанъ сдать такую, а не конину, смѣшанную съ яловой. Что вы можете, въ подобныхъ случаяхъ, сказать въ свое оправданіе, какъ не подчиниться его праву, какіе-бы вы сами ни испытывали при этомъ нравственныя страданія, проклиная продавца, васъ обманувшаго, и упрекая себя въ наивности и недостаточномъ знаніи товара?

XIII.

Пожары. Тюменская неблагодарность.

Пожары въ городѣ, гдѣ всѣ постройки были деревянныя, составляли собою присущее насчастье и нашей Тюмени. Въ мое время каменныхъ домовъ во всемъ городѣ едва было 12, на 2400 остальныхъ деревянныхъ строеній. Судите-же поэтому, что это былъ за сплошной костеръ. Мнѣ памятны особенно два лѣта, когда пожары свирѣпствовали, точно какая-нибудь эпидемія. Началось съ того, что случился пожаръ въ домѣ моей крестной матери Кривошеиной, гдѣ мы въ то время жили на квартирѣ. Всѣ постройки у ней были деревянныя, приспособленныя для постоялаго двора и квартиръ для проѣзжающихъ. Горючаго матеріала было довольно, навѣсы и амбары построены были сплошнымъ смыкающимся съ домомъ и флигелемъ кольцомъ, такъ что остановить пожаръ нечего было и думать, хотя онъ начался среди бѣлаго дня и въ заднемъ углу холостыхъ строеній. Все быстро охватило огнемъ—запасы сѣна, рогожи, товары, имущество, и все сгорѣло съ постройками, до тла, меньше, чѣмъ въ два часа времени. Я успѣлъ прибѣжать изъ лавки и пройти въ свою квартиру со двора еще крыльцомъ, но выбраться назадъ тѣмъ-же входомъ было уже нельзя; пламя охватило выходы и мнѣ пришлось спасаться чрезъ разбитыя рамы окна, прямо на улицу. Ничего изъ строеній и имущества застраховано не было и крестная мать, спасла только наличныя деньги; остальное все погибло въ пламени.

На слѣдующую весну, на старомъ пепелищѣ, я долженъ былъ заняться постройкой одноэтажнаго маленькаго домика, куда моя крестная мать и моя семья къ слѣдующей зимѣ и переселились. Но какъ только наступило лѣто, опять начались пожары въ этой части города. Сначала сгорѣло домовъ 15, а потомъ на другой день новый пожаръ

уничтожилъ сразу 400 домовъ, въ томъ числѣ и новый домикъ моей крестной матери. Этотъ пожаръ представлялъ собою такое море огня, что не дай Богъ видѣть что-нибудь подобное другой разъ въ жизни. Въ воздухѣ нестерпимая жара; кругомъ пламя и дымъ; высоко къ небу летятъ искры и головни; по улицамъ съ зловѣщимъ свистомъ поднимаются вихри; со всѣхъ сторонъ мятутся люди съ воплями и криками о помощи. Одни тащатъ изъ домовъ ненужный хламъ, а цѣнныя вещи забываютъ, оставляютъ на жертву огню; другіе складываютъ движимость на свободной улицѣ, думая, что тутъ будетъ все цѣло и сохранно. Въ такіе моменты испугъ и горе какъ-то парализируютъ разсудочную сторону человѣка. Такъ, иной разъ видишь, что кто-нибудь бережно выноситъ со двора—метлы, лопаты и другую подобную-же рухлядь, цѣна которымъ нѣсколько копѣекъ, и забываетъ выносить цѣнные предметы. Но вотъ, летитъ по вѣтру головня съ огнемъ и падая, черезъ кварталъ домовъ, поджигаетъ новыя строенія; тутъ-же загорается и вытащенное на улицу имущество. Вездѣ крики и шумъ; всюду отчаянные вопли и рыданія; кругомъ зловѣщій свистъ и ревъ пламени и трескъ падающихъ, разрушающихся зданій.

Въ нѣсколько часовъ этого пожара тысячи семей остались безъ крова и пристанища. На выгонѣ города образовался таборъ погорѣльцевъ, гдѣ въ безпорядкѣ были свалены въ кучи выхваченные и вывезенные изъ домовъ зеркала, войлоки, серебро, сапожныя щетки. Дѣти плакали; взрослые, вторя имъ такимъ-же плачемъ, торопливо устраивали изъ вещей какую-нибудь защиту для ночлега и пріютъ для жизни на нѣсколько дней, пока будутъ найдены квартиры въ городѣ. Жители другихъ частей, не пострадавшихъ отъ пожара, везли и несли въ таборъ хлѣбъ и провизію, раздавая ихъ каждому безкровному человѣку и семейству. Картина представлялась вообще, крайне грустная, но въ то-же время и истинно христіанская, ибо выражала собою чувства братскаго состраданія къ горю и несчастію ближняго.

Но перейдемъ отъ этихъ картинъ бѣды и горя къ обычной повседневной жизни Тюмени.

Въ мои времена хранилась еще въ сознаніи нѣкоторыхъ тюменцевъ признательная память къ бывшему городскому головѣ И. В. Иконникову, съумѣвшему небольшими средствами создать обширный паркъ для роднаго города. Помощникомъ и правою рукой его былъ любитель-садоводъ, смотритель мѣстнаго уѣзднаго училища, г. Поповъ. Они вдвоемъ и привели эту прекрасную идею въ исполненіе.

Тысячи липъ, елей, березъ и сосенъ были разсажены правильными купами и аллеями на пространствѣ около 100 десятинъ земли и все это названо «загороднымъ садомъ». Садъ-паркъ, развился до того, что представляетъ въ настоящее время самое лучшее украшеніе города, котораго Тюменцы никогда-бы не имѣли, не будь у нихъ городского головы Иконникова и смотрителя училищъ Попова.

Въ этомъ паркѣ ежегодно справляется теперь праздникъ 31 мая въ воспоминаніе пріѣзда туда въ 1836 году покойнаго Государя Александра II, когда еще онъ былъ наслѣдникомъ престола. Во время лѣта «загородный садъ» сталъ теперь любимымъ мѣстомъ отдыха обывателей Тюмени; тамъ есть тѣнистыя аллеи, рощи, живописные виды пригорковъ и лужаекъ, не говоря уже о чистомъ воздухѣ, насыщенномъ смолистыми испареніями хвойныхъ насажденій. Казалось-бы, память о виновникѣ такого прекраснаго учрежденія должна быть постоянною. А между тѣмъ, я мало замѣчалъ, чтобы Иконникову воздавалась должная признательность, ну хоть-бы въ видѣ того, чтобы въ залѣ думы помѣстить его портретъ, какъ дань и уваженіе своему замѣчательному гражданину.

Такъ плоха память у наслѣдниковъ хорошаго наслѣдства въ нашихъ провинціальныхъ городахъ!

Въ рядъ съ этимъ можно поставить другое печальное проявленіе, но уже изъ современной жизни, нашего общественнаго равнодушія, чтобы не сказать сильнѣе, по отношенію къ другому тюменскому гражданину г. Подаруеву, построившему на собственныя средства зданіе для тюменскаго Александровскаго реальнаго училища. Зданіе выстроено роскошное, каменное, двухъэтажное, со всѣми приспособленіями для подобныхъ учебныхъ заведеній; оно потребовало денежной затраты около 200 т. рублей и было пожертвовано городу. Казалось-бы, за такую жертву можно было отнестись къ строителю съ большей благодарностью, чѣмъ какую проявило городское общество. Я лично не имѣю большихъ симпатій къ г. Подаруеву и не могу быть имъ доволенъ, какъ увидятъ ниже, изъ разсказа мои читатели, но не могу не помнить, что только онъ, а не кто другой принесъ Тюмени такое большое пожертвованіе. За это честь и слава ему неотъемлемыя.

Въ тѣ времена, которыхъ касаются мои воспоминанія, г. Подаруевъ былъ очень богатымъ человѣкомъ въ Тюмени и пожертвовалъ городу значительную часть своего состоянія, выстроивъ зданіе для училища. Теперь времена измѣнились. Г. Подаруевъ обѣднѣлъ и дошелъ до того, что не могъ даже уплатить къ сроку го-

родскихъ налоговъ; за это Тюменская городская Дума на основанiи Городового положенiя, лишила его избирательнаго права. Формально, дума, конечно, имѣла право такъ поступить, но вѣдь та-же дума не могла не помнить о сдѣланномъ г. Подаруевымъ крупномъ пожертвованiи, какого ни одинъ изъ богатыхъ людей города никогда не сдѣлалъ, и, мнѣ кажется, нравственно обязана была ходатайствовать въ Губернскомъ присутствiи по Городскимъ дѣламъ, о возвратѣ избирательнаго права г. Подаруеву. Это былъ-бы шагъ, единственно достойный городского управленiя.

Невольно приходится сказать и здѣсь, что мало развито у тюменскихъ обывателей чувство памяти и благодарности.

XIV.

Тюменскій музей.

Заговоривъ о нашемъ реальномъ училищѣ, я долженъ кстати сказать о его достопримѣчательности—музеѣ, собранномъ усиліями директора этого училища И. Я. Словцова. Насколько музей обширенъ и интересенъ какъ самъ по себѣ, такъ и для г. Тюмени, доказываетъ составленная по моей просьбѣ г. Словцовымъ нижеслѣдующая записка.

«Мѣстныя собранія коллекцій любой отдаленной окраины имѣютъ ясно опредѣленную цѣль—сосредоточить такіе предметы, которые характеризуютъ природу данной страны или ея историческій и доисторическій бытъ, или современное экономическое и промышленное состояніе, или, наконецъ, всѣ эти стороны одновременно. Тюменскія коллекціи характеризуютъ край преимущественно въ естественно-историческомъ и археологическомъ отношеніи. Предназначались онѣ для развитія умственнаго кругозора обучавшагося и обучающагося теперь юношества—учениковъ реальнаго училища, и вотъ уже восемнадцать выпусковъ воспользовались неоцѣненными услугами этихъ коллекцій. Онѣ представляютъ частью имущество казенное, частью пожертвованія частныхъ *) лицъ. Всѣ эти предметы соединены для удобства въ преподаваніи естественныхъ, историческихъ и этнографическихъ наукъ. Занимаютъ они три большихъ зала, раздѣленныхъ аркой на отдѣленія и четвертое добавочное зало, передѣланное изъ лабораторіи. Въ 1-мъ залѣ помѣщаются зоологическія и ботаническія коллекціи, а именно: справа передъ аркой въ первомъ отдѣ-

---

*) Главнымъ образомъ самого Н. М. Чукмалдина. *Примѣч. изд.*

леніи, въ большихъ стеклянныхъ шкафахъ разставлены плавающія и голенастыя птицы (136 экземпляровъ). Между ними болѣе или менѣе рѣдкими и отлично препарированными нужно считать: группу полярныхъ казарокъ, утку, варнавку, морянку, гагу, полярную гагару, пеликана розоваго, поморниковъ и пр. На этихъ-же шкапахъ расположены открытыми крупные виды голенастыхъ птицъ, между которыми обращаютъ на себя вниманіе огромный стерхъ или бѣлый журавль, колпица монгольская, дрофа и разныя породы выпи, начиная съ самой маленькой—волчка или бугайчика.

«Слѣва передъ ракой большіе стеклянные шкафы наполнены птицами хищными, пѣвчими, лазящими и куриными (398 экзем.). Между прочимъ собраны рѣдкіе виды уральскаго сокола (Hirfolko Uralensis), лапландскихъ совъ, сибирскихъ филиновъ съ очень бѣлыми оттѣнками перьевъ и тутъ-же почти совсѣмъ бѣлый орланъ-бѣлохвостъ. Здѣсь-же можно встрѣтить альбиносовъ: тетерева, рябчика и др. Пѣвчія птицы собраны въ песчаныхъ пустыняхъ, степяхъ и лѣсной полосѣ Западной Сибири. Кромѣ того, есть небольшая коллекція тропическихъ птицъ Америки. Впереди шкафовъ лѣвой стороны витрина наполнена гнѣздами и яйцами птицъ. Такихъ-же витринъ въ дру-

гихъ отдѣленіяхъ четыре. Въ аркѣ, отдѣляющей первое отдѣленіе отъ втораго, съ боковъ поставлены кости передней и задней ногъ мамонта огромныхъ размѣровъ. Надъ аркой, по стѣнѣ расположены черепа оленя и первобытныхъ быковъ. За аркой во 2-мъ отдѣленіи перваго зала размѣщены преимущественно млекопитающія животныя, аномаліи ихъ и уродливости (41 экзем.). Здѣсь интересными экземплярами можно считать: тека или горнаго козла, благороднаго оленя, сѣвернаго оленя, кабаргу, лося, рысь; а изъ уродливостей болѣе или менѣе рѣдкія: крестообразно сросшіяся жвачныя и хищныя жи-

вотныя. Изъ альбиносовъ бѣлка, крыса и лисица. Въ шкафахъ расположены въ банкахъ спиртовые препараты пресмыкающихся, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе фриноцефалюсы и тригноцефалюсы, саламандрелли сибирскія и рыбы: османъ Дыбовскаго, губачъ Штрауха, полья, флоксинусъ Телецкаго озера и пр.

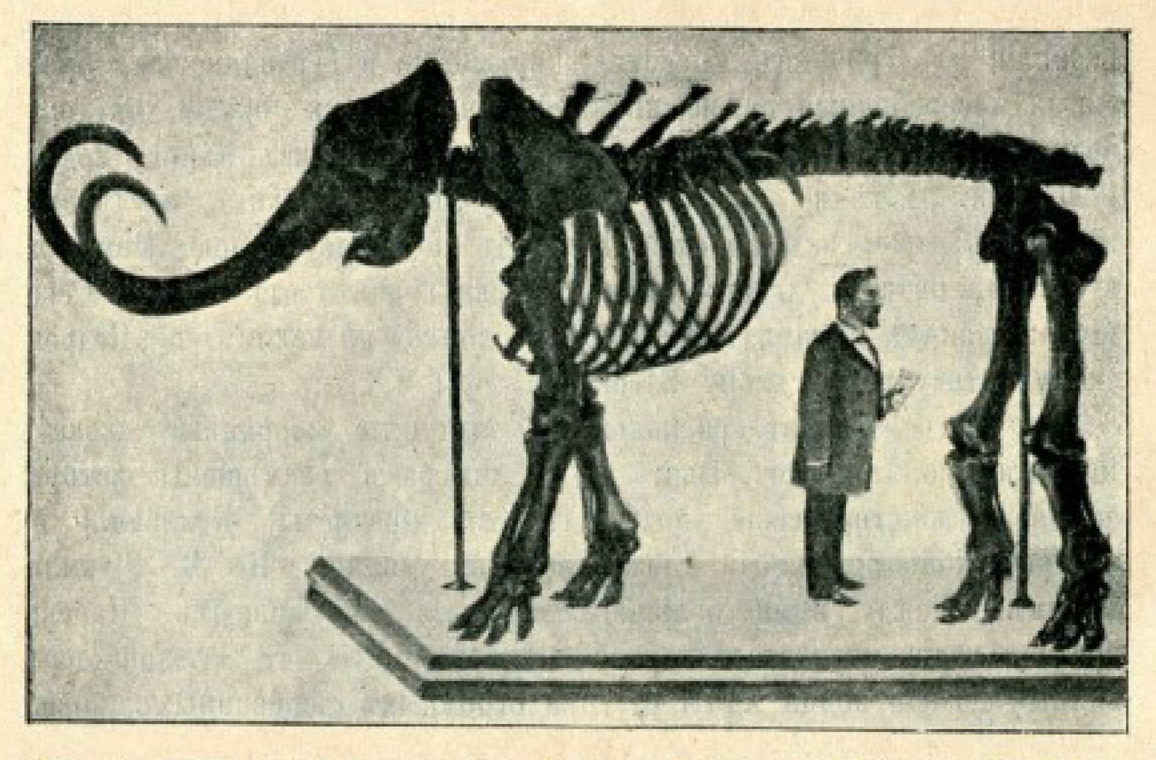
«При входѣ во второй залъ на самой срединѣ, на скалѣ изъ горныхъ породъ восточнаго Урала, размѣщена группа, вступившихъ въ битву беркута и карагужа. Надъ ними паритъ съ распущенными крыльями орланъ-бѣлохвостъ, очень крупныхъ размѣровъ, а внизу при подошвѣ скалы и въ пещеркахъ ея размѣщены ночные хищники.

Вся эта комната занята преимущественно палеонтологическими и археологическими коллекціями (498 экз.). Справа на горкѣ изъ шести полокъ расположены: черепъ мамонта, быка и кости 15 ископаемыхъ млекопитающихъ; далѣе въ глубь на такой-же горкѣ сложены кости ископаемаго носорога. Съ лѣвой стороны, спереди витринъ, на табуретахъ размѣщены черепа носороговъ, а въ витринахъ и на стѣнахъ археологическіе предметы каменнаго и бронзоваго вѣковъ, найденные близъ Тюмени. Въ глубинѣ комнаты въ шкафахъ расположены предметы изъ Египта, Іерусалима и др. странъ Востока, пожертвованные училищу Н. М. Чукмалдинымъ. Между ними представляютъ особый интересъ: щитъ сирійской работы съ превосходнымъ орнаментомъ, монеты грузинскія, римскія, греческія, арабскія и персидскія, древнія реквилiи изъ гробницъ, перстни бирюзовые и сердоликовые, бронзовыя и серебряныя персидскія чашечки, разныя орудія Востока, восточный перламутръ, образцы розоваго масла изъ Каира, модель Геліополя. Тутъ-же образцы матеріаловъ египетскихъ построекъ: алебастръ отъ стѣны царской комнаты подъ пирамидою Мемфиса; кусокъ гранита Гезехскаго сфинкса; куски гранита отъ колоннъ Серапіума; гранитъ пирамидъ Мемфиса; обломки развалинъ по Кедронскому потоку и по склону Елеонской горы и т. д.

«Въ третьемъ залѣ расположены огромные собранные скелеты мамонта, допотопнаго быка; а въ шкафахъ размѣщены историческіе и доисторическіе археологическіе предметы. Коллекціи по исторической археологіи пожертвованы училищу Н. М. Чукмалдинымъ. Между ними большаго интереса заслуживаютъ: Царскія врата и часть иконостаса первой четверти XVIII ст. Рѣзной деревянный шкафъ конца XVIII ст. Два огромныхъ деревянныхъ ковша (15 верш. въ діаметрѣ) и при нихъ мелкіе разливательные ковши. Три ножа и три вилки временъ Ганзы (имитація). Кованая серебряная чаша XVII вѣка. Мѣдный фряжскій кувшинъ 1656 года. Старинный мѣдный безмѣнъ и, кромѣ того, коллекція старинныхъ кубышекъ, прялокъ, прялочныхъ досокъ, солонокъ, печатей, табакерокъ и пр. предметовъ. Здѣсь помѣщаются серебряныя табакерки съ вензелемъ Екатерины, табакерки изъ красной яшмы съ монгольскими надписями; табакерка серебряная, на которой изображена карта древней Прѣсногорьковской станицы казачьей линіи. Серебряный кубокъ съ барельефами Императора Николая Павловича, Александры Ѳеодоровны и Александра Николаевича. Медаль восьмигранная, выбитая при открытіи въ первый разъ въ Сибири серебряной руды. Штофъ стеклянный съ золотыми иниціалами Екатерины II,

кольчуга, бердыши и пушка времен завоеваній Сибири Ермаком. Старинный, конца XVIII вѣка самоваръ. Татарскіе кувшины, мѣдные и глиняные, серьги, подвѣски и др. предметы.

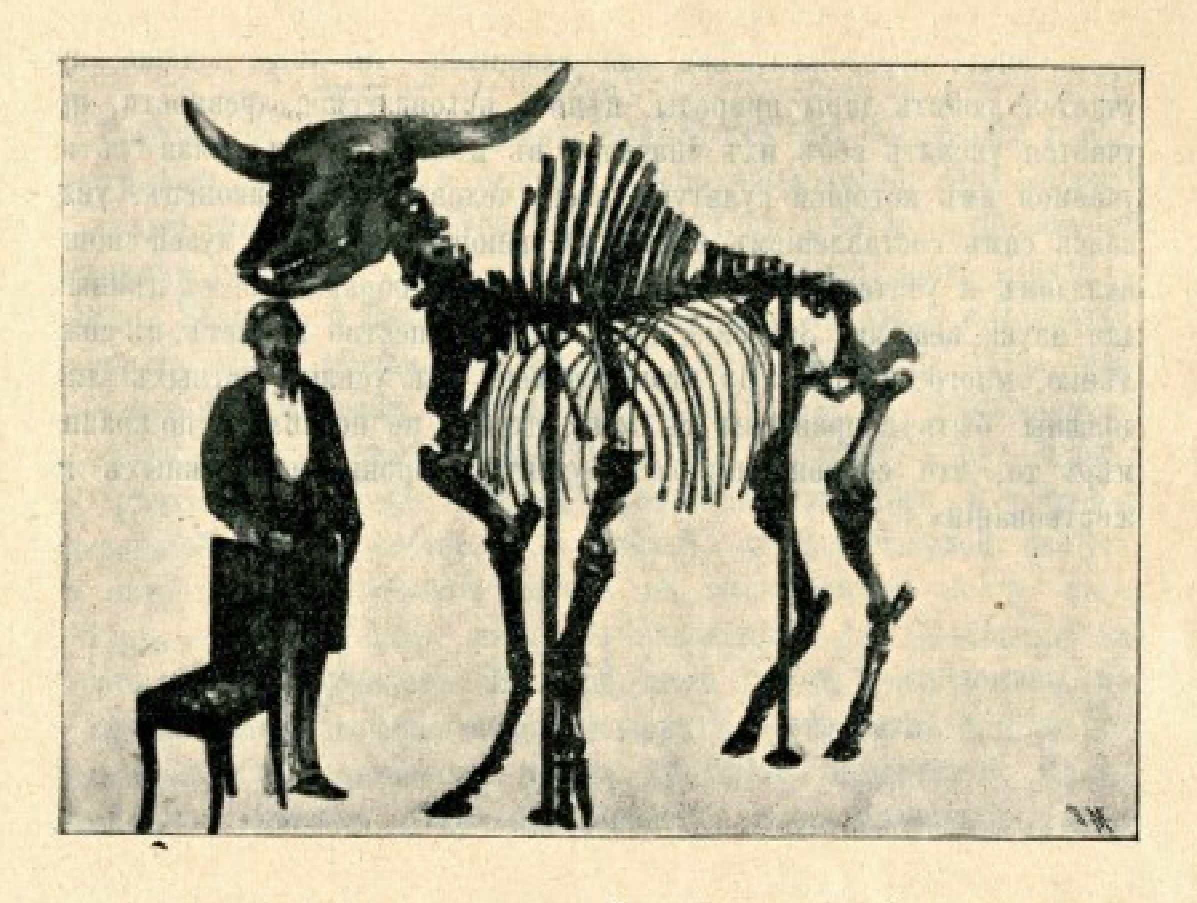
«По археологіи доисторической въ шкапахъ той-же комнаты между многими предметами обращають на себя вниманіе: 1) археологическая карта кургановъ и городищъ Тобольской губ., составленная директоромъ, но еще не опубликованная; 2) серебряные сосуды съ арабскими надписями XII вѣка, найденные въ кладахъ по рѣкѣ сѣверной Сосьвѣ; 3) серебряная кованная изъ одного куска чаша, вѣсомъ 3 ф. 68 зол., 28 сантим. въ діаметрѣ съ надписями на днѣ, которыя имѣютъ видъ «рѣзей» на скалахъ южной

Сибири; серебряное блюдо и бляха съ изображеніемъ идоловъ, у которыхъ груди и половые органы вызолочены. Пятнадцать щитовъ съ глиняными, каменными, бронзовыми и желѣзными доисторическими орудіями. Огромная коллекція древней керамики. Древніе жернова и жерновые камни.

«Наконецъ четвертый, добавочный залъ занятъ обширной минералогической коллекціей, болѣе 3000 образцовъ, гербаріями и пр. Въ этомъ залѣ семь отдѣленій: 1-е Отдѣленіе костюмовъ, атласовъ и приборовъ по этнографіи, географіи и космографіи. 2-е Отдѣленіе по минералогіи и геогнозіи. 3-е Отдѣленіе по батаникѣ, гдѣ находятся обширные гербаріи Тобольской губ., Киргизской степи, сѣвернаго Урала, береговъ Скандинавіи и острововъ Сѣвернаго океана.

Коллекція древесныхъ породъ, пожертвованная Н. М. Чукмалдинымъ, а именно: кавказскихъ породъ 92, крымскихъ—12, изъ Палестины и Египта—28. При древесныхъ породахъ приложены листья и образцы цвѣтовъ. Въ этомъ отдѣленіи хранится обширная коллекція разборныхъ моделей растеній изъ папье-маше, составленная Бренделемъ, модели разныхъ бактерій изъ желатина, увеличенныхъ до гиганскихъ размѣровъ и болѣе 600 микроскопическихъ препаратовъ. 4-е Отдѣленіе зоологическое заключаетъ въ себѣ анатомическія модели, работы Озу въ Парижѣ, частей человѣческаго тѣла: мозга, сердца, легкихъ, печени, почекъ, глаза, уха, языка, суставныхъ сочлененій скелета; модели нервной системы различныхъ животныхъ и полную

модель человѣка изъ папье-маше. Въ этомъ отдѣленіи хранятся скелеты различныхъ животныхъ, большая коллекція въ нѣсколько тысячъ насѣкомыхъ и коллекція моллюсковъ. 5-е Отдѣленіе составляютъ приборы и инструменты для наблюденій—микроскопы, фотографическіе дорожные аппараты, волшебные фонари, воздушные насосы для микроскопа, микроскопическая фотографія, инструменты для экскурсій, препараты для гербаріевъ и пр. 6-е Отдѣленіе занимаютъ атласы и книги для опредѣленія животныхъ и растеній; 7-й отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій, собранныхъ учениками и пожертвованныхъ училищу.

«Всѣ казенныя и частныя коллекціи можно оцѣнить не менѣе, какъ въ 36 тыс. руб. и они совершенно дополняютъ другъ друга. Такъ, напр., палеонтологическіе останки костей первобытныхъ животныхъ становятся понятными только по сравненію со скелетами теперь существующихъ животныхъ; предметы доисторической археологіи объясняются изъ сравненія съ коллекціями этнографическими настоящаго времени. Наконецъ коллекціи птицъ и звѣрей, принадлежащихъ казнѣ и составляющихъ частное приношеніе только взаимно дополняютъ другъ друга; дубликатовъ здѣсь нѣтъ.

«Въ совокупности всѣ эти коллекціи даютъ связную картину природы и населенія Тюменскаго округа, а также доисторическаго и историческаго его быта. Значеніе этихъ коллекцій въ настоящее время чисто образовательное для учащихся. По нимъ юноша пріучается любить дары природы, цѣнить историческія древности, пріучается уяснять себѣ ихъ значеніе въ цѣломъ и въ связи съ изучаемой имъ исторіей культуры всего человѣчества. Наконецъ, увлекаясь самъ составленіемъ коллекцій, юноша умножаетъ музей своимъ вкладомъ и учится въ то-же время умѣнью обращаться съ цѣнными для науки вещами. Значеніе музея наше общество пойметъ, къ сожалѣнію, много позднѣе. До этого времени всѣ усилія частныхъ лицъ должны быть направлены къ тому, чтобы не погибло*) по крайней мѣрѣ то, что собрано цѣною трудовъ, здоровья и денежныхъ пожертвованій».

---

*) Послѣднія строки нуждаются въ поясненіи, которое, къ сожалѣнію, обстоятельно я сдѣлать не могу. Какъ припоминаю изъ разсказа покойнаго Николая Мартеміановича, были препятствія къ *принятію* уже совсѣмъ сформированнаго музея. Начальство соглашалось открыть этотъ музей при Реальномъ Училищѣ только тогда, когда будетъ сдѣлана необходимая постройка для помѣщенія Музея. Это очень обижало покойнаго, и я не знаю точно, онъ ли наконецъ эту постройку сдѣлалъ самъ, или помѣщеніе дало Училище, но музей былъ открытъ. *Прим. изд.*

XV.

Изъ тюменской жизни. Кабакъ побѣдилъ.

Зарѣчная часть Тюмени рѣзко выдѣляется отъ остальнаго города топографіей мѣстности и строемъ жизни обывателей. Она лежитъ по лѣвую сторону рѣки Туры, на низменномъ и часто затопляемомъ весенними разливами мѣстѣ. Нагорная-же, главная часть города,— Царево, Большое и Малое городища, Центральная часть и Потоскуй, раскинуты на возвышенномъ крутомъ берегу той-же р. Туры, раздѣляемые обрывистыми берегами маленькихъ рѣчекъ, сливающихся въ узелъ, передъ самымъ впаденіемъ ихъ въ рѣку Туру. Черезъ эту рѣчку, на острыхъ мысахъ праваго берега рѣки и устроенъ деревянный мостъ, соединяющій городъ съ Затюменской частью, отъ котораго идетъ боковой спускъ къ плашкоуному мосту чрезъ р. Туру, по спадѣ водъ, ежегодно наводимому для сообщенія зарѣчной части съ городомъ. Въ этой части города расположены кожевенные заводы, дающіе особый колоритъ постройкамъ и даже нѣсколько иной видъ домашней жизни мѣстныхъ обывателей. На кожевенныхъ заводахъ кожи выдѣлываютъ, а въ маленькихъ домикахъ зарѣчныхъ жителей зачастую ихъ отдѣлываютъ или шьютъ изъ нихъ обувь и рукавицы, или, наконецъ, живутъ рабочіе и мастера, работающіе посуточно и помѣсячно на тѣхъ-же кожевенныхъ заводахъ. Поэтому-то, какъ только вы войдете на улицу зарѣчной части, такъ васъ и обдастъ специфическимъ запахомъ дубильной кислоты, березоваго дегтя и известковаго раствора. Многіе утверждаютъ, будто кожевенные заводы являются разсадниками сибирской язвы, но забываютъ, что известь, деготь и дубильная кислота уничтожаютъ всякую заразу, если-бы гдѣ-нибудь на кожевенномъ сырьѣ она и существовала. Штабеля сырыхъ кожъ, какъ зимой, мороженые,

такъ и лѣтомъ сухіе, складываются на дворахъ кожевенныхъ заводчиковъ, гдѣ лошади и рогатый скотъ заводовладѣльцевъ постоянно соприкасаются съ ними, а между тѣмъ еще не бывало случая возникновенія эпидеміи у самихъ заводчиковъ. Наконецъ, сырье по всей Сибири, на тысячи верстъ разстоянія, везется обозами на лошадяхъ. Почему-же не было замѣчено ни разу факта, чтобы лошади обозовъ заболѣли сибирской язвой? Такимъ образомъ, сама жизнь, отмѣчаетъ ходячее заблужденіе и его не видятъ только тѣ, кто не хочетъ его видѣть. Я самъ много лѣтъ жилъ въ домѣ кожевеннаго заводчика и видѣлъ постоянно, что сибирская язва никогда не возникала въ зарѣчной части города, а всегда появлялась и сильнѣе свирѣпствовала въ нагорной. Отчего-же, подобнаго факта не изслѣдуютъ, не узнаютъ, а продолжаютъ утверждать старыя сказки, что кожевенные заводы—разсадники заразы?

Поистинѣ всякій предразсудокъ очень живъ и цѣпокъ!

Весною, до полнаго спада водъ р. Туры, на ней устраивался «самолетъ», едва-ли извѣстный гдѣ-нибудь, кромѣ Сибири. На длинномъ канатѣ, укрѣпленномъ посреди рѣки на якорѣ, привязывается за мачту и носовую часть плоскодонное судно, имѣющее килевой руль. Такое судно теченіемъ воды и управленіемъ килевого пера, описывая дугу, движется отъ одного берега къ другому; люди управляютъ только рулемъ да причаливаютъ и отчаливаютъ его къ пристанямъ обоихъ береговъ. На самолетѣ помѣщается и перевозится за одинъ разъ до десяти телѣгъ и экипажей и до сотни человѣкъ пѣшеходовъ.

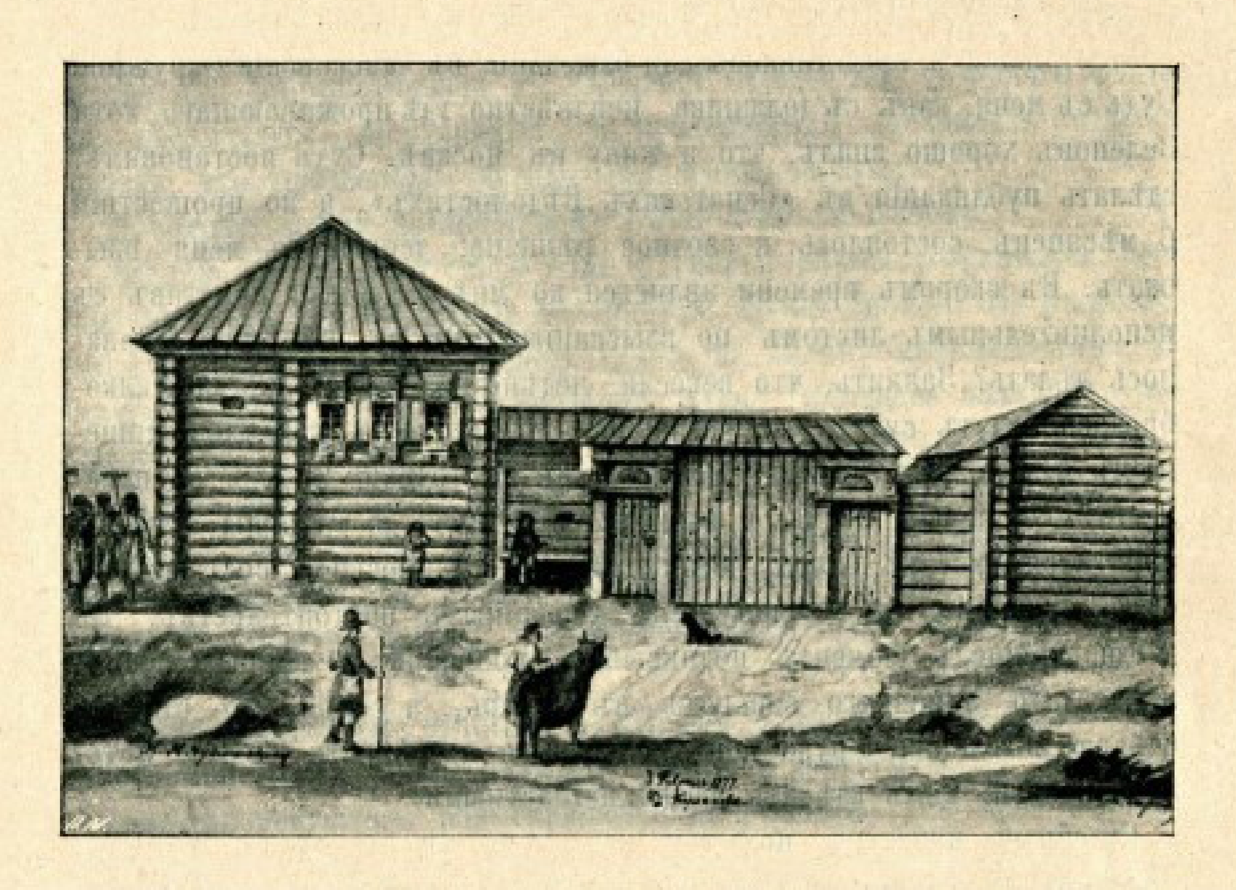
Когда я былъ уже купцомъ 2-й гильдіи и имѣлъ право давать приказчикамъ довѣренности и другіе торговые документы, со мной случилось происшествіе, разыгравшееся непріятнымъ для меня сюрпризомъ въ то время, когда я жилъ уже въ Москвѣ. Много лѣтъ по сосѣдству со мною, въ гостиномъ дворѣ г. Тюмени, торговалъ игольными товарами, въ качествѣ приказчика, нѣкто М. Мелкобродовъ, уроженецъ дер. Гусельниковой, находящейся рядомъ съ дер. Кулаковой. Уволившись отъ службы съ запасомъ денегъ въ нѣсколько сотенъ рублей, онъ задумалъ торговать такими-же игольными товарами въ маленькой собственной лавочкѣ, какими торговалъ у бывшихъ хозяевъ. Но такъ какъ родъ товаровъ требовалъ купеческихъ правъ, то онъ и упросилъ меня дать ему довѣренность и другіе документы, яко-бы приказчику, торгующему отъ меня. Первые годы дѣло его шло порядочно и торговля развивалась. Московскіе продавцы въ Ирбитской ярмаркѣ, зная его лично, давали

ему кредитъ, никакъ меня не касавшійся, такъ какъ въ довѣренности такого права предоставлено Мелкобродову не было. Какимъ образомъ, могло случиться, что въ 1872 г. онъ выдалъ московскому торговцу Зеленову векселя по довѣренности отъ меня на 1.800 р., я увѣренно сказать не могу, но векселя были выданы, а дѣла его пошатнулись. Ни Зеленовъ, ни Мелкобродовъ объ этомъ меня не извѣстили, а послѣдній потомъ клятвенно увѣрялъ, будто онъ не зналъ, что совершаетъ преступленіе, подписывая векселя по довѣренности отъ меня, не имѣя на то права, но что самъ Зеленовъ зналъ это хорошо и увлекъ его на этотъ поступокъ. На другой годъ, когда я жилъ уже въ Москвѣ, векселя за неплатежъ были протестованы и представлены для взысканія въ Московскій Окружной Судъ съ меня, какъ съ должника, неизвѣстно гдѣ проживающаго, хотя Зеленовъ хорошо зналъ, что я живу въ Москвѣ. Судъ постановилъ, сдѣлать публикаціи въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», а по прошествіи 6 мѣсяцевъ состоялось и заочное рѣшеніе: деньги съ меня взыскать. Въ скоромъ времени является ко мнѣ судебный приставъ съ исполнительнымъ листомъ по взысканію 1800 р. Что мнѣ оставалось дѣлать? Заявить, что векселя недѣйствительны,—тогда Мелкобродова будутъ судить за уголовное преступленіе, караемое лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и ссылкою въ Восточную Сибирь на поселеніе. Въ первое время я возмутился этимъ до глубины души и обратился даже къ одному изъ адвокатовъ съ просьбою составить въ судъ прошеніе, съ изложеніемъ указанныхъ обстоятельствъ. Но когда пришелъ моментъ подписывать прошеніе и когда я вспомнилъ, что виновнаго сошлютъ въ Сибирь, а семья его станетъ семьею поселенца,—рука моя дрогнула и я рѣшилъ лучше потерять деньги, чѣмъ сдѣлать людей несчастными.

Судебный приставъ получилъ отъ меня что-то около 2000 р.; Зеленовъ, вѣроятно потиралъ руки отъ удовольствія, такъ хорошо ему удалась его ловкая комбинація,—а я понесъ убытокъ, вознаграждаемый лишь сознаніемъ, что не сдѣлалъ зла своему сосѣду.

Деревня Кулакова во все время моей сознательной жизни, была моимъ любимымъ дѣтищемъ, которому прощаются всѣ его пороки и грѣхи. Какъ порой бываетъ горько видѣть и сознавать то или иное отступленіе отъ нормальной жизни, ту или иную нехорошую черту,—всему подобному ищешь объясненія въ постороннихъ обстоятельствахъ, а сама моя деревня вновь представляется мнѣ милой и симпатичной. Какъ сильно хотѣлось мнѣ уничтожить тамъ кабакъ и пьянство—эту язву, подтачивающую въ корень крестьянское благо

состояніе! Я прилагалъ всю мою энергію и матеріальныя средства на протяженіи 20 лѣтъ времени для борьбы съ этимъ вертепомъ, и долженъ сознаться, что всѣ усилія потрачены были напрасно. Я началъ съ того, что вмѣсто посторонняго кабака уговорилъ Кулаковцевъ открыть кабакъ на мое имя, но всю прибыль отъ него обращать на сельскіе расходы. Такъ шло дѣло два-три года. Потомъ сдѣланъ былъ доносъ, что я лишаю казну дохода отъ двухъ патентовъ, что, сокращая продажу вина, наношу казнѣ ущербъ въ видѣ недобираемаго акциза и что самъ кабакъ мой есть скрытно-общественный. Въ то время подобныя дѣйствія считались если не

прямо преступными, то все-же не совсѣмъ легальными. А посему я будто-бы, человѣкъ неблагонамѣренный. Пришлось отъ этой системы отказаться и перейти на прямую плату обществу отъ 100 до 200 р. въ годъ, чтобы не давало оно права никому на открытіе въ деревнѣ питейныхъ заведеній. И вотъ, въ Кулаковой кабака не стало, но за то его тотчасъ-же открыли въ смежной деревнѣ Гусельниковой. Явилась надобность платить и этой деревнѣ 100 р. въ годъ за то-же самое. Но когда не стало кабаковъ въ обѣихъ деревняхъ, появилась тайная продажа водки въ нѣсколькихъ домахъ, услѣдить за которою не было уже никакой возможности.

На моей сторонѣ было полное сочувствіе всего женскаго населенія обѣихъ деревень; мнѣ помогали дѣломъ и совѣтомъ трезвые и хорошіе крестьяне; мнѣ явно не противодѣйствовали даже пьяницы и міроѣды, — но чуть только появлялся кабатчикъ съ нѣсколькими ведрами водки для схода и нѣсколькими отдѣльными подачками міроѣдамъ, какъ все доброе настроеніе разрушалось и появлялись кабаки, разорители крестьянъ. Туда влекло неудержимо: пьяницъ—пьянство, а слабыхъ людей—отсутствіе силы воли, а потомъ мало-помалу наступала пагубная привычка къ водкѣ, приводившая ихъ, въ концѣ-концовъ, къ полному раззоренію.

Напротивъ зданія волостного правленія въ дер. Кулаковой стоялъ домъ стараго кабака, пріобрѣвшаго себѣ своею біографіей названіе «проклятаго мѣстечка». Я купилъ его, ремонтировалъ, засадилъ свободныя мѣста кустарникомъ и открылъ въ немъ сельское училище, чтобы не было на этомъ мѣстѣ поганаго заведенія. Кабакъ перекочевалъ въ другое мѣсто и нашелъ охотниковъ крестьянъ сдавать ему въ аренду свои дома по всей Трактовой улицѣ. И чего-чего только не дѣлалъ я для Кулаковцевъ, даже кромѣ этихъ описанныхъ опытовъ моихъ, но все было безплодно, ничто не достигало цѣли. Не хватало у нихъ денегъ на взносъ податей—я давалъ ихъ;

случался недородъ хлѣба—я посылалъ имъ хлѣба; выстроилъ школу, далъ деньги на учрежденіе банка, сооружаю новую каменную церковь. Казалось-бы простой разсчетъ закрыть кабакъ, съ которымъ я веду войну, но вотъ, подите-же, кабакъ господствуетъ и насмѣхается надъ всякими усиліями одиночнаго человѣка!

Такимъ образомъ вся моя, болѣе чѣмъ 20-лѣтняя, борьба съ кабакомъ окончилась моимъ пораженіемъ и я долженъ наконецъ сказать себѣ: «да, кабакъ меня побѣдилъ».

XVI.

Директорство въ острогѣ. Нечаянная рѣчь.

Въ Тюмени меня избрали директоромъ мѣстнаго острога и пересыльной тюрьмы. Въ тѣ времена тюменская тюрьма, была центральною, гдѣ передъ открытіемъ навигаціи, въ пересыльномъ отдѣленіи, скоплялось арестантовъ до 2000 человѣкъ. Вся тюрьма построена была только на 800 человѣкъ арестантовъ и можно поэтому судить, какъ она бывала переполнена, когда скоплялась тамъ такая масса пересыльныхъ арестантовъ! Я и товарищъ мой, другой директоръ, В. Гагаринъ, успѣли исходатайствовать разрѣшеніе расширить нѣкоторыя зданія и увеличить дворъ на цѣлое отдѣленіе. Мы оба съ нимъ цѣлое лѣто занимались надзоромъ за успѣшностью работъ и имѣли радость видѣть, что къ слѣдующему сезону скопленія пересыльныхъ арестантовъ—въ тюремныхъ помѣщеніяхъ стало нѣсколько свободнѣе. Но какъ-то странна судьба русской тюрьмы, про которую сложена даже народная поговорка, гласящая, что «тюрьма да богадѣльня—дѣло артельно».

Тюменская тюрьма едва меня сама не пріютила въ своихъ стѣнахъ, какъ узника, а товарища моего Гагарина содержала 6 мѣсяцевъ въ тѣхъ самыхъ камерахъ, которыя мы съ нимъ, будучи директорами, устраивали. О себѣ я разскажу ниже, а теперь пока перейду къ повѣствованію о Гагаринѣ.

В. Гагаринъ былъ мѣстный тюменскій купецъ, бывшій ямщикъ, а потомъ обозный приказчикъ, и какъ таковой, отличался порою веселымъ нравомъ и необузданнымъ характеромъ. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ заѣхалъ къ нему въ домъ тогдашній мѣстный квартальный надзиратель и что-то сказалъ Гагарину оскорбительное, а тотъ не стерпѣлъ и отвѣтилъ «дѣйствіемъ». Дѣло было при сви-

дѣтеляхъ, получило огласку и кончилось судомъ, приговорившимъ его къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Въ это время я жилъ уже въ Москвѣ. Пріѣхавъ временно въ Тюмень и узнавъ, что Гагаринъ заключенъ въ тюрьму, я поѣхалъ туда навѣстить его. Едва только вошелъ я въ камеру, гдѣ помѣщался заключенный, какъ онъ встрѣтилъ меня народной поговоркой: «Отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся», и при этомъ горькими слезами заплакалъ. Разговаривая, мы оба припомнили, какъ когда-то хлопотали, чтобы стѣны камеры сложены были на хорошемъ известковомъ растворѣ, во избѣжаніе сырости, чтобы дворъ тюрьмы былъ шире и удобнѣе, и вотъ, теперь и тѣмъ и другимъ ему, какъ узнику, пришлось пользоваться, наравнѣ съ другими заключенными.

* * *

Было принято въ Тюмени, чтобы въ каждый пріѣздъ туда губернатора, а тѣмъ болѣе генералъ-губернатора, представляться депутаціямъ отъ сословій—купеческаго и мѣщанскаго, при прежнемъ управленіи, и группою гласныхъ подъ предводительствомъ городскаго головы по введеніи новаго Городового положенія. Въ старыя времена на должность городскаго головы избирались только самые богатые купцы города, хотя-бы грамота ихъ не шла далѣе подписи имени и фамиліи. Тогда большинству городскаго населенія казалось, что на эту должность немыслимъ человѣкъ небогатый, хотя-бы грамотный и развитой. «Помилуйте,—думалъ обыватель,—да какъ-же это городской голова вдругъ будетъ подъѣзжать къ зданію думы не на тысячной лошади и не въ дорогомъ экипажѣ? Никакъ этого невозможно».

И выбирались въ городскіе головы одни лишь богатые люди. Какъ это отражалось на городскомъ хозяйствѣ, и къ чему въ концѣ-концовъ такая система приводила,—это доказываетъ то-же городское хозяйство въ Тюмени, разстроенное до того, что казна вынуждена была наложить запрещеніе на городскія имущества за накопившуюся недоимку обязательныхъ смѣтныхъ расходовъ по содержанію Реальнаго Училища. Измѣнилась система выборовъ въ городскіе головы и то-же городское хозяйство вошло въ нормальныя рамки. Но во времена, о которыхъ я разсказываю, господствовали еще въ должности городского головы одни самые богатые люди города. Случилось, какъ-то разъ проѣзжалъ черезъ Тюмень генералъ-губернаторъ Западной Сибири. По обыкновенію, надо было представляться город-

скому обществу, а городскому головѣ при этомъ случаѣ говорить привѣтственную рѣчь. Что тутъ предпринять? Наканунѣ представленія мнѣ предложили написать проектъ этой рѣчи. Я написалъ, губернаторъ ее просмотрѣлъ и одобрилъ. Теперь предстояло городскому головѣ выучить эту рѣчь наизустъ. Ужъ онъ ее долбилъ, долбилъ! На другой день утромъ мы сдѣлали съ нимъ репетицію. Дѣло шло недурно: городской голова рѣчь выучилъ на зубокъ и проговорилъ ее мнѣ сносно.

Въ 12 часовъ дня состоялось представленіе. Гласные думы выстроились полукругомъ въ пріемной залѣ. Городской голова сталъ во главѣ. Выходитъ генералъ-губернаторъ. Голова начинаетъ говорить рѣчь:

«Ваше Высокопревосходительство! Позвольте мнѣ.....»

и потомъ, какъ онъ ни искалъ у себя словъ для продолженія рѣчи, она ему не давалась. Онъ закончилъ жестомъ и сказалъ, указывая на меня: «Вотъ онъ доскажетъ». Начальникъ края повернулся ко мнѣ, приглашая окончить рѣчь, начатую городскимъ головою. Мнѣ невольно пришлось ее сказать и тѣмъ закончить эпизодъ, отъ котораго личные мускулы генералъ-губернатора выражали явное намѣреніе произвести смѣхъ. Все, однакожъ, сошло благополучно. Общество получило отъ генералъ-губернатора благодарность, я—пожатіе руки и мы разъѣхались по домамъ, только съ новой темой для юмористическаго разсказа.

XVII.

Высоцкій и Колгановъ.

Много лѣтъ подъ рядъ я жилъ въ интимной дружбѣ съ Константиномъ Николаевичемъ Высоцкимъ, которому обязанъ многимъ въ моемъ душевномъ складѣ и развитіи. Сколько длинныхъ вечеровъ проводили мы съ нимъ за чтеніемъ книгъ и потомъ за разговорами, какъ по поводу прочтеннаго, такъ и по поводу общественныхъ вопросовъ! Онъ держалъ въ то время фотографію и, бывало, ретушируя негативъ, продолжалъ въ то-же время разсуждать со мною по поводу какого-нибудь древняго классика, которыхъ мы съ нимъ въ то время немало и усердно прочитывали. К. Н. Высоцкій по природѣ своей былъ скорѣе прекрасный педагогъ, умѣющій будить въ юной душѣ воспитанника хорошіе, человѣчные инстинкты, чѣмъ человѣкъ практическаго дѣла. Но судьба какъ разъ закрыла ему педагогическое поприще. Тогда невольно онъ вступилъ въ міръ промышленныхъ профессій, гдѣ, однакожъ, ничто ему не удавалось, въ смыслѣ денежнаго успѣха, потому что покойный всюду прилагалъ новые гуманные пріемы, съ окружающей обстановкой трудно примиримые. Такимъ образомъ человѣкъ всю жизнь, не по своей винѣ, шелъ не тою дорогой, какая свойственна была его натурѣ.

Бывало, у кого-нибудь изъ нашего кружка—у меня, Канонникова, Лагина или Иконникова—соберемся мы на вечерній чай и начинается у насъ бесѣда, всегда искренняя, всегда интересная, съ захватывающимъ, увлекательнымъ, внутреннимъ содержаніемъ, то по поводу прочитанной статьи въ журналѣ, то по поводу какого-нибудь мѣстнаго событія, то наконецъ по поводу того, какъ надобно держать у себя слугъ и работниковъ, чтобы не были они слуги-рабы, а были

бы «меньшая братія» и помощники, которыхъ хозяева обязаны воспитывать, а не выжимать изъ нихъ сокъ, какъ изъ губки воду. Это была любимая тема Высоцкаго и онъ каждый разъ начиналъ развивать ее съ новыми доводами и поясненіями. Я помню, мы одной весной прочли съ нимъ все сочиненіе Вундта «Душа человѣка и животныхъ». Для этого я вставалъ въ 5 часовъ утра и приходилъ къ нему въ фотографію, чтобы въ эти ранніе часы никто не мѣшалъ намъ держать наши лекціи и обсуждать содержаніе книги.

Благодаря разсказамъ и настоянію Константина Николаевича, я однажды поѣхалъ въ маленькій захолустный городокъ Туринскъ, чтобы привезти оттуда въ Тюмень талантливаго сатирика-живописца Ивана Александровича Колганова.

— «Это второй Гогартъ,—бывало, горячится Высоцкій.—Это великій талантъ, глохнущій въ захолустьи. Пора намъ вытащить его оттуда».

Кто видѣлъ рисунки Колганова и его картины, кто любовался у смотрителя училищъ шкатулкой, разрисованною Колгановымъ, тотъ долженъ былъ согласиться, что человѣкъ этотъ обладаетъ, дѣйствительно, недюжиннымъ талантомъ.

— «Бросьте ваши меркантильныя дѣла,—говорилъ Высоцкій,— бросьте вашу денежную мамону и везите скорѣе сюда Колганова. Въ Туринскѣ онъ совсѣмъ заглохнетъ и погибнетъ».

Когда мы пріѣхали съ Колгановымъ въ Тюмень, Высоцкій радовался этому, какъ личному большому счастью. Онъ рекомендовалъ художника всѣмъ своимъ знакомымъ, какъ живописца и портретиста, пріискивая ему работу и занятія. Колгановъ оставался въ Тюмени года два-три, рисуя портреты желающимъ и, въ свободное время, ѣдкія карикатуры на мѣстныя злобы дня. Мы постоянно удивлялись его способности схватывать на память любое лицо и подмѣчать въ немъ смѣшную сторону, которая подъ карандашомъ Колганова превращалась въ жгучую, точную, наглядную характеристику лица, имъ нарисованнаго. Намъ часто приходилось спрашивать художника, какъ у него слагается въ представленіи образъ сатирическаго типа и какъ онъ можетъ нѣсколькими штрихами передавать индивидуальную физіономію каждаго человѣка? Разъ какъ-то мы гуляли съ нимъ лѣтомъ въ Спасскомъ саду, гдѣ на дорожкахъ насыпаны были кучи песка. Разговоръ опять коснулся этой-же его способности.

«Какъ я помню физіономіи, спрашиваете вы?—отвѣтилъ намъ Колгановъ.—А вотъ какъ. Всѣ вы знаете адвоката Бордашевича? Вотъ я вамъ нарисую палкой на этой кучѣ песка его типичныя

черты лица. Вотъ контуръ головы, лба, подбородка; вотъ его глаза, ротъ и носъ. Ну что, похожъ?—заключилъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько штриховъ и углубленій».

Мы ахнули. Въ этомъ грубомъ абрисѣ, сдѣланномъ палкой на кучѣ песка, на насъ глядѣлъ Бордашевичъ, какъ живой.

«Всякое лицо,—продолжалъ Колгановъ,—для меня всегда представляется его главными характерными чертами и онѣ какъ-то сами собою запоминаются мною прежде всего. У этого своеобразный взглядъ и особая улыбка на лицѣ; у другого поза и жесты особеннымъ маневромъ господствуютъ надъ всѣмъ остальнымъ; у третьяго усвоена манера держать иначе голову, отчего личные мускулы и носъ придаютъ ему характерную физіономію. Я когда еще мальчишкой учился у иконописца, то рисовалъ окружающихъ людей не полными портретами, а только чѣмъ-нибудь выдающимся у нихъ: носомъ, ртомъ, глазами, жестомъ. Выходило, конечно, немного каррикатурно, но другіе узнавали всегда, чей это носъ, глаза и жесты».

Изъ Тюмени Колгановъ былъ привезенъ мною въ Москву и даже поступилъ было ученикомъ въ Училище Живописи и Ваянія, но слабость къ водкѣ, пріобрѣтенная въ Туринскѣ, испортила его карьеру и преждевременно свела художника въ могилу. Черезъ годъ онъ вернулся въ Тюмень и умеръ, не имѣя еще 30 лѣтъ отъ роду.

Все, что было замѣчательнаго, вышедшаго изъ-подъ его кисти и карандаша, собрано мною въ коллекцію и передано въ Тюменское Реальное Училище. Со временемъ потомки наши, вѣроятно, будутъ любоваться на его созданія и оцѣнятъ ихъ болѣе достойнымъ образомъ, чѣмъ современники.

Картина карточной игры его кисти помѣщена выше, нѣсколько снимковъ съ его каррикатуръ и скульптурныхъ опытовъ здѣсь помѣщаемые, я думаю, лучше моихъ словъ пояснятъ талантъ Колганова, не только какъ самоучки-живописца, но и какъ самоучки скульптора. Особенно хорошъ удался ему Плюшкинъ.

***

12 лѣтъ назадъ умеръ Высоцкій, но память о немъ жива въ моей душѣ до сего времени. Въ краткихъ словахъ, вотъ его біографія.

К. Н. Высоцкій родился въ г. Тарѣ, если не ошибаюсь, въ 1835 г. Отецъ его былъ политическій ссыльный съ польскаго возстанія 1831 года. Ребенкомъ Высоцкій росъ и воспитывался подъ руковод-

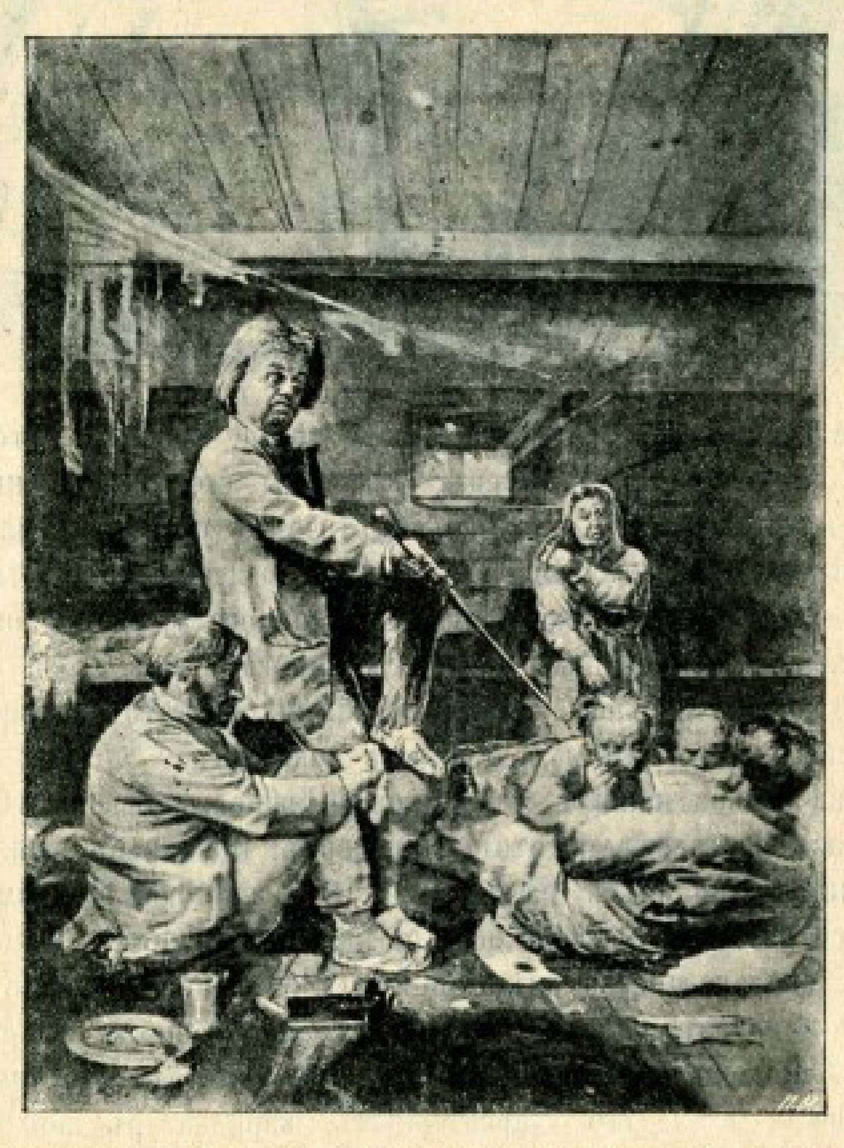

Статуэтка „Плюшкинъ“, работы Колганова.

Каррикатуры Колганова.

ствомъ образованнаго отца и подъ вліяніемъ русской матери, на которой отецъ его въ Тарѣ-же и женился. Какъ сынъ лишеннаго нѣкоторыхъ правъ отца, онъ не могъ окончить курса гимназіи и вышелъ лишь съ правомъ учителя народныхъ училищъ и былъ опредѣленъ на должность учителя Тюменскаго уѣзднаго Училища, куда и прибылъ, если память мнѣ не измѣняетъ, въ 1857 году. Съ тѣхъ поръ до самой смерти (1887) К. Н. Высоцкій оставался въ Тюмени сначала учителемъ, а потомъ, по выходѣ въ невольную от-

ставку, занимался воспитаніемъ дѣтей въ частныхъ домахъ, какъ напримѣръ, Канонникова, Иконникова и другихъ. Нѣкоторые изъ его учениковъ занимаютъ теперь видное положеніе и съ благодарностью вспоминаютъ рѣдкое умѣнье покойнаго привязать къ себѣ дѣтей и повліять на ихъ развитіе благотворно. Потомъ онъ заводилъ фотографію, типографію, переплетную и дѣлалъ попытку издавать мѣстную газету. При скудныхъ средствахъ въ новыхъ дѣлахъ, которыя

въ первое время требовали громаднаго труда, энергіи и терпѣнія, Высоцкій почувствовалъ наконецъ, что силы его надломлены, вѣра въ успѣхъ истощается и умъ его, «свѣточемъ» свѣтившій для всѣхъ тюменцевъ, начинаетъ слабѣть и погасать. «Ходячая гуманность», какъ называли въ шутку Высоцкаго, начала изнемогать и онъ окончилъ земную жизнь, заброшенный и забытый многими изъ тѣхъ, которые прежде не находили словъ, какими могли-бы достаточно характеризировать высокую и свѣтлую личность покойнаго.

Печальна судьба нашихъ самородковъ! Личность Высоцкаго только лишній разъ подтверждаетъ этотъ приговоръ. Покойный носилъ польскую фамилію, но былъ на самомъ дѣлѣ глубоко русскимъ человѣкомъ, со всѣми свойствами богато одаренной личности, и ни одинъ человѣкъ, сколько-нибудь выходящій изъ обыденнаго уровня въ Тюмени, не миновалъ обаянія его бесѣдъ, не обошелъ его скромной квартиры. Покойный Колгановъ души не чаялъ въ Высоцкомъ, и всякая новая идея его характерныхъ каррикатуръ воплощалась въ образы и принимала свое реальное выраженіе чаще всего въ мастерской или кабинетѣ покойнаго и уже потомъ ходила по рукамъ всего города. Только Высоцкій въ тѣ времена, въ Тюмени умѣлъ и могъ заставить понять, что можно уважать даже враговъ нашихъ, что при всякомъ спорѣ терпѣливо должно выслушивать доводы и возраженія противника, и только онъ могъ съ восторгомъ показывать всѣмъ ядовитыя каррикатуры на самого себя, нарисован-

ныя Колгановымъ, гдѣ онъ фигурировалъ то въ образѣ Донъ-Кихота, то въ видѣ одного изъ семерыхъ въ стихотвореніи Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» *).

Подъ конецъ жизни подъ гнетомъ разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ еще рано говорить, Высоцкій ослабѣлъ духомъ и умеръ, немногими оплаканный, а большинствомъ забытый и даже осмѣянный. Но сѣмена добра и гуманности, въ лучшую пору его жизни имъ посѣянныя, не пропадутъ безслѣдно въ Тюмени и рано или поздно дадутъ свой плодъ. Помянемъ-же его за это добрымъ словомъ.

Миръ праху твоему, человѣкъ-учитель!

Когда въ 1890 г. я посѣтилъ на кладбищѣ въ Тюмени могилу Высоцкаго, на которой не было ни памятника, ни креста, у меня какъ-то невольно вырвались такія сѣтованія сердца:

Здѣсь твоя могила, бѣдный мой Высоцкій!
Ровно все и гладко; нѣтъ креста, кургана,
Что у всѣхъ умершихъ памятникомъ служитъ.
Вотъ слѣды поляны, вотъ слѣды обвала
Той земли холодной, гдѣ ты похороненъ.
Рядомъ двѣ могилы двухъ внучатъ твоихъ-же,
Ласкою согрѣтыхъ, въ надписи отцовской,
Что блеститъ стихами на крестѣ могильномъ.
Гдѣ-же слѣдъ любви горячей на твоей могилѣ,
Бѣдный мой Высоцкій? Нѣтъ, слѣда не видно!
Крестъ не осѣняетъ впадину могилы!
Насыпи-кургана съ зеленью дерновой,
Памятника-камня, съ надписью любовной,
Нѣтъ тебѣ по смерти! Точно ты и не жилъ;
Точно людямъ бѣднымъ мира не повѣдалъ,
Правды не посѣялъ. Гдѣ-же, Боже правый,
Плодъ любви высокой, сѣянной покойнымъ
Словомъ, дѣломъ, лаской, жизненнымъ примѣромъ,
Чтобы люди жили съ миромъ и любовью?
Пало-ли то сѣмя въ каменную почву,
Вѣтеръ-ли разсѣялъ, солнце-ли спалило?
Глухо только всюду, мрачно и угрюмо.
Бѣдный мой Высоцкій!..

Помѣщаю здѣсь снимокъ съ прекраснаго бюста Высоцкаго, вылѣпленнаго Колгановымъ.

---

*) Выше помѣщены 4 каррикатуры Колганова, одна изъ которыхъ очевидно изображаетъ Высоцкаго. Къ сожалѣнію, покойный Николай Мартемьяновичъ не успѣлъ объяснить мнѣ сюжетовъ остальныхъ; на кучкѣ фотографій снятыхъ съ этихъ рисунковъ стоитъ только: „Каррикатуры Колганова". *Изд.*

Бюстъ К. Н. Высоцкаго, работы Колтанова.

XVIII.

Полу-раззореніе. Процессъ съ Подаруевымъ.

От печальныхъ воспоминаній объ умершихъ вернемся опять къ разсказу о моей жизни и дѣятельности.

Въ Тюмени проживалъ фельдшеръ Загорскій, иновѣрецъ, принявшій православіе и женившійся на Русской; онъ торговалъ въ лавкѣ Гостинаго двора мануфактурными товарами. Человѣкъ онъ былъ довольно страннаго, порой даже наивнаго характера, но искренній и убѣжденный, доказывавшій всюду, что торговля—«это полу-дѣло», а фабричное и ремесленное производства—«вотъ настоящее дѣло». Онъ постоянно возился съ лабораторными опытами и доказывалъ, какъ изъ пустыхъ и малоцѣнныхъ отбросовъ можно получать химическимъ путемъ цѣнные фабрикаты. Такъ у него постепенно возникали свѣчной, мыловаренный и клееваренный заводы, но шли они вяло, какъ-то медленно развиваясь; происходило это, по его словамъ, потому, что денежныхъ средствъ не хватало на своевременную заготовку матеріаловъ. Я нѣсколько лѣтъ къ ряду покупалъ у Загорскаго мездриный клей для перепродажи въ Москвѣ и мало-помалу превратился въ его компаніона по эксплуатаціи крахмальнаго завода и выработкѣ химическаго продукта—синь-кали. Въ это время, я имѣлъ уже своего капитала около 70 т. р. и позволялъ себѣ роскошь посмотрѣть Россію пошире, отлучаясь изъ Тюмени на болѣе или менѣе продолжительное время. Я даже сдѣлалъ заграничное путешествіе. Однажды, вернувшись въ Тюмень, я съ ужасомъ узналъ, что Загорскій забралъ у моего довѣреннаго денегъ на развитіе заводовъ—половину моего состоянія, а фабрикаты его, ко мнѣ поступавшіе, были дурно выработаны, неоднороднаго характера, а посему разцѣнивались съ убыткомъ. А тутъ еще партія крахмала въ 6 т. пудовъ, отправленная въ Нижегородскую ярмарку, потерпѣла на

Камѣ аварію и погибла совсѣмъ. Страхованія товаровъ въ пути въ то время еще не существовало, и я потерялъ на этомъ крахмалѣ половину его стоимости, и то благодаря тому только, что другую половину убытка принялъ на себя пароходовладѣлецъ, покойный Колчинъ. Послѣ этого и остальныя дѣла мои стали приходить въ трудное, почти критическое положеніе. Тѣ лица и учрежденія, которыя до сихъ поръ давали мнѣ свободно довѣріе и кредитъ, быстро измѣнили отношеніе, лишивъ меня того и другого. Я сдѣлался мнительнымъ, раздражительнымъ и считалъ себя чуть-ли не въ конецъ раззоренннымъ. Аппетита и сна не было, я ходилъ цѣлыя ночи напролетъ изъ комнаты въ комнату, не находя себѣ покоя и выхода изъ гнетущей тоски. Не боязнь раззориться и стать снова бѣднякомъ сокрушала меня, а страдало больше всего мое самолюбіе.

— Какъ, думалъ я, сдѣлать такую непростительную ошибку, довѣрить больше половины своего состоянія въ чужія руки? Гдѣ-же былъ мой разумъ и опытность, такими тяжелыми уроками пріобрѣтенные?

Въ эти печальнѣйшіе дни въ моей жизни пріѣзжаетъ разъ ко мнѣ покойный Ф. С. Колмогоровъ и прямо начинаетъ съ пословицы:

— «Кто капиталъ потерялъ—половину потерялъ; вѣру въ себя потерялъ—все потерялъ». Что вы киснете и сидите дома безъ сна и пищи?—продолжалъ онъ.—Посмотрите на себя, на что вы стали похожи? Ну, потерялъ деньги; что-же дѣлать — работай снова и наживай ихъ опять. Нужны деньги?—вотъ я тебѣ даю 10 т. р. безъ росписки: бери и работай. Возвратишь ихъ мнѣ, когда сможешь. Сбрось только съ себя горе и апатію, а остальное все дѣло поправимое.

Такое сочувствіе въ трудную минуту жизни подѣйствовало на меня освѣжающе. Я встрепенулся и, собравъ всѣ силы и всю энергію, принялся распутывать узелъ моихъ дѣлъ, ликвидируя затѣянное предпріятіе, увлекшее меня дальше предѣловъ благоразумія. Ликвидація химическаго завода повела къ тому, что я рѣшилъ покончить и остальныя дѣла мои въ Тюмени: продать домъ, имущество, наличные товары и переѣхать на постоянное жительство въ Москву. Вся первая половина 1872 года ушла на эту ликвидацію и я остался съ остаткомъ капитала въ 40 т. р., вмѣсто 70 т., которыя я имѣлъ раньше.

Мнѣ теперь 62 года. Со дня описанной здѣсь сцены протекло уже 27 лѣтъ, но я и сейчасъ еще съ горячей благодарностью вспоминаю великодушную помощь покойнаго Колмогорова.

Въ началѣ послѣдняго года моей жизни въ Тюмени (1872) въ одной столичной газетѣ была напечатана моя корреспонденція, касавшаяся мѣстнаго городскаго водопровода, устроеннаго г. Подаруевымъ. Данныя для этой корреспонденціи были взяты вѣрныя, но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ ней не было похвалъ лицу, строившему водопроводъ. Г. Подаруевъ подалъ просьбу въ судъ, обвиняя меня по 1039 ст. Цензурнаго Устава. Я оканчивалъ уже въ это время ликвидацію моихъ дѣлъ и долженъ былъ чрезъ недѣлю выѣхать изъ Тюмени. Но для такого вліятельнаго человѣка, какимъ тогда былъ г. Подаруевъ, старый окружный судъ сдѣлалъ все, что могъ: на второй-же день судъ предписалъ слѣдователю произвести немедленное слѣдствіе, а этотъ послѣдній въ тотъ-же день прислалъ мнѣ повѣстку, съ приглашеніемъ явиться къ нему, для дачи показанія. Когда я по первой повѣсткѣ не явился, то на другой день мнѣ вручена была вторая повѣстка, съ угрозою штрафа и ареста въ случаѣ моей неявки. Пришлось задуматься надъ своимъ положеніемъ, потому что выставленная статья закона, меня карающая, грозила 8 мѣсяцами тюремнаго заключенія. Мѣстный адвокатъ, къ которому я обратился за совѣтомъ, отвѣтилъ, что надобно покориться обстоятельствамъ и явиться къ судебному слѣдователю, для дачи показанія. Выручилъ меня К. Н. Высоцкій, заѣхавшій ко мнѣ съ книгою Мсеріанца «Законы о печати». Читая и пересматривая эту книгу, мы наткнулись на статью закона, гласившую, что въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ Сибири по дѣламъ печати первою инстанціей суда, считается не окружной судъ (уѣздный), а губернскій. Прочитавъ это, мы ободрились и рѣшили ждать третьей повѣстки и тогда уже я долженъ былъ явиться къ слѣдователю съ заготовленнымъ заранѣе отзывомъ о неподсудности моего дѣла первой степени суда. Этимъ выигрывалась цѣлая недѣля времени, пока Подаруевъ прекратитъ начатое дѣло въ Тюменскомъ окружномъ судѣ и подастъ новое прошеніе въ Тобольскій губернскій судъ, находящійся отъ Тюмени въ 250 верстахъ разстоянія. Я-же черезъ 3—4 дня уѣду изъ Тюмени на жительство въ Москву и отвѣтственность моя будетъ, можетъ быть, по мѣсту моего пребыванія, гдѣ уже введены новые судебные уставы.

Получивъ послѣднюю третью повѣстку, я съ отзывомъ въ карманѣ явился къ судебному слѣдователю въ его квартиру.

— «Вотъ и хорошо,—сказалъ слѣдователь,—бывшій учитель Уѣзднаго училища и близкій человѣкъ Подаруева.—А то я по закону долженъ былъ сообщить полиціи о «приводѣ» васъ для дачи пока-

занія. Теперь дѣла только на одинъ часъ времени. Вотъ вамъ листъ вопросныхъ пунктовъ, на которые вы напишете ваши отвѣты».

Я взялъ листъ, прочиталъ эти пункты и возвратилъ его слѣдователю.

— Ну что-же вы?—замѣтилъ онъ строго,—берите перо и пишите!

— Прежде нежели писать отвѣты,—отозвался я офиціально,—не будетъ-ли угодно вашему благородію прочесть вотъ эту бумагу?

— Ну, что тамъ, какая еще бумага? Дѣло ясное. Вы не выйдете отсюда, пока не напишете отвѣтовъ на вопросные пункты, или будете арестованы, какъ ослушникъ.

— Все-таки, я прошу васъ прочесть ее прежде, нежели грозить мнѣ арестомъ.

Слѣдователь неохотно взялъ мой отзывъ, и по мѣрѣ того, какъ читалъ, на лицѣ его изображалось крайнее удивленіе. Онъ не могъ спокойно усидѣть на стулѣ, взволнованно вскочилъ и схватилъ томъ законовъ. Статья, освобождающая меня отъ подсудности Тюменскому окружному суду, тотчасъ-же нашлась,—я видѣлъ какъ онъ перечитывалъ ее не одинъ разъ, а потомъ сказалъ:

— Это новое обстоятельство. Я долженъ доложить о немъ суду и губернатору. А теперь пока отвѣтовъ вашихъ я не требую.

Я раскланялся и ушелъ.

Черезъ три дня послѣ этого, я ѣхалъ уже на почтовыхъ въ Пермь, а оттуда на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Подаруевъ, однако, не бросилъ дѣла и подалъ на меня прошеніе въ Тобольскій губернскій судъ, который и затребовалъ отъ меня отвѣтовъ уже изъ Москвы, чрезъ полицію и судебнаго слѣдователя Тверской части. Дѣло было въ Губернскомъ судѣ разсмотрѣно и рѣшено, съ присужденіемъ меня къ денежному штрафу.

XIX.

Первые шаги въ Москвѣ.

Такъ закончилась моя сибирская жизнь и началась въ Москвѣ жизнь новая, при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Здѣсь я доживаю уже третій десятокъ лѣтъ и думаю, что до смерти моей успѣю еще разсказать и про эту остальную жизнь и дѣятельность, такъ-же правдиво, какъ я разсказывалъ про мою предъидущую жизнь.

Я переѣхалъ въ Москву на постоянное жительство въ 1872 году. Москву я зналъ по прежнимъ посѣщеніямъ, но только, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, зналъ ее чисто внѣшнимъ образомъ, безъ внутренняго быта и отношеній. Пріѣзжая въ столицу на недѣлю, на двѣ, я останавливался въ какомъ-нибудь подворьѣ, ходилъ по старымъ закоулкамъ знаменитыхъ московскихъ «рядовъ», для закупки товаровъ, заглядывалъ порой въ трактиры, бывалъ въ театрѣ,—но какъ Москва внутренно жила, какія цѣли преслѣдовала и какіе употребляла пріемы, я зналъ лишь поверхностно, по догадкамъ и отрывочнымъ впечатлѣніямъ.

Устраиваясь здѣсь на осѣдлую жизнь, проходилось начинать торговую науку чуть не съ азовъ, потому что сибирскіе пріемы и отношенія были въ Москвѣ непрактичны, а иной разъ прямо и невозможны. Въ Тюмени, бывало, нужны деньги на недѣлю, на двѣ, близкій человѣкъ одолжитъ ихъ, если только они у него есть, на слово, безъ всякаго документа и росписки. Наоборотъ, если есть свободныя деньги у меня, я также дамъ ихъ на время близкому человѣку. И деньги всегда возвращались въ назначенный срокъ сполна, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ кружкѣ. Мнѣ не помнится случая, гдѣ-бы взаимное одолженіе породило какой-либо споръ и неудовольствіе. Здѣсь-же господствовали совсѣмъ иные обычаи и нравы. Я могъ давать деньги, одолжая другого, но я всегда рисковалъ ихъ потерять. Если-же понадобился-бы мнѣ заемъ, хотя-бы на два, на три дня, никто мнѣ денегъ не давалъ, увѣряя, что ихъ или у него нѣтъ, или требовалъ документъ и проценты. Въ первое время такія отношенія мнѣ казались жесткими и мало-человѣчными

и пока я съ ними не освоился на практикѣ, потерявъ за нѣсколькими торговцами мою ссуду, до тѣхъ поръ я даже не считалъ ихъ возможными. Суровые уроки въ средѣ московскаго промышленнаго класса, однакожъ, скоро научили меня уму-разуму. Я привезъ съ собой изъ Сибири капитала, какъ уже было сказано, около 40 т. руб. и, практикуя въ Москвѣ вторую половину 1872 года, т.-е. покупая, продавая, какъ свои, такъ и комиссіонные товары, я увидѣлъ къ началу новаго года, что прожилъ и потерялъ за должниками не только всю заработанную въ это время прибыль отъ полугодичной дѣятельности, но потерялъ до 5 т. р. изъ основнаго капитала. Получивъ этотъ разительный урокъ, я сталъ, конечно, осторожнѣе, сдержаннѣе, такъ сказать, тоже себѣ на умѣ, но также и потерялъ значительную долю довѣрія къ людямъ, какая была воспитана во мнѣ сибирской жизнью и существовавшими тамъ между людьми отношеніями.

Бывало, въ Тюмени, понадобились деньги экстренно, по какому-нибудь случаю, ну хоть на покупку новой партіи товара, случайно подвернувшейся. Покупаешь ее смѣло, зная, что друзья-пріятели дадутъ тебѣ деньги во всякое время. Въ подобныхъ случаяхъ ѣдешь, бывало, къ Канонникову, Лагину, Глазунову и начинаешь разговоръ не просьбою объ одолженіи денегъ, а прямо вопросомъ:

— Есть у тебя деньги?

— Есть, — отвѣчаетъ Лагинъ.

— Ну, такъ дай мнѣ на недѣлю столько-то. Я купилъ выгодно то-то.

— Хорошо.

Деньги выдаются и потомъ, когда возвращаются, просишь только Лагина или Глазунова зачеркнуть запись въ книгѣ, чтобы какъ-нибудь потомъ не возникло недоразумѣнія.

Въ Москвѣ-же я встрѣтилъ совсѣмъ другія отношенія: здѣсь на первомъ планѣ, заглушая доброжелательство къ другому, стояла сухая, личная выгода, требовавшая всегда вексель и %. Быть-можетъ, въ большихъ промышленныхъ центрахъ такія отношенія и неизбѣжны, но въ первое время они казались мнѣ непріятными и ужъ очень эгоистичными. Небольшой кружокъ Сибиряковъ, съ которыми я мало-по-малу знакомился въ Москвѣ, усвоивалъ уже въ значительной степени московскіе пріемы, да по правдѣ сказать и не могъ поступать иначе, потому что «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ».

Скоро я понялъ, что сибирская система довѣрія здѣсь, въ Москвѣ,

рѣшительно непримѣнима, и если я не хочу постепенно раззориться, то надо чутко сторожить всякое поползновеніе на мой карманъ московскаго промышленнаго человѣка. Въ виду этого мнѣ пришлось въ первые 3—4 года усиленно работать надъ пріобрѣтеніемъ клієнтовъ-«довѣрителей», присылавшихъ свои товары для продажи, помимо своей собственной торговли сырьевыми сибирскими товарами. Во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, я не имѣлъ сначала ни приказчика, ни артельщика, а долженъ былъ принимать и сдавать товары самъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я ихъ покупалъ и продавалъ. Въ провинціи—лавка, домъ, складъ всегда близко и подъ руками; сходить или съѣздить въ складъ времени требуется мало. Здѣсь я жилъ въ Благовѣщенскомъ переулкѣ, а склады находились на Кокоревскомъ подворьѣ и въ Сѣверномъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ 3-хъ—5-ти верстахъ разстоянія. Показать-ли кому-нибудь товаръ, надо тратить времени два, а то и три часа; потолковать-ли съ продавцомъ или покупателемъ, надобно идти въ трактиръ и, хочешь-не-хочешь, пить съ нимъ чай, что также отнимало значительное время. Затѣмъ, въ тѣ годы, о которыхъ ведется мой разсказъ, биржа собиралась между 5 и 6 часами вечера; выходило такъ, что, уйдя съ квартиры въ 8—9 часовъ утра, я возвращался домой къ 7 часамъ вечера. Послѣ обѣда остальное время поглощалось письменными и счетными занятіями. Такимъ образомъ, всѣ 6 дней въ недѣлѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера, я работалъ безъ отдыха и покоя.

Но за то къ исходу втораго года, когда я свелъ балансъ моихъ счетовъ, я увидѣлъ, что заработалъ чистой пользы, за всѣми издержками на прожитіе, что-то около 5 т. р. Это поставило меня на ноги твердо и я рѣшилъ, на будущее время придерживаться правила—проживать не больше двухъ третей того, что въ теченіе года наживаю.

Постепенно усиливая покупку товаровъ въ Сибири и продажу ихъ въ Москвѣ и Нижегородской ярмаркѣ за свой счетъ, я въ то-же время заботился и успѣвалъ пріобрѣтать кліентовъ, называемыхъ на торговомъ языкѣ «довѣрителями», посылавшими мнѣ свои товары для продажи ихъ въ Москвѣ и на ярмаркѣ. Такъ называемая коммисіонная продажа чужихъ товаровъ оплачивалась вознагражденіемъ отъ 1 до 2%, смотря по ихъ характеру и суммѣ вырученныхъ денегъ. За шерсть, сукно, жировые продукты платилось 2%; за кожевенные товары—1%—2%; за чай—1%.

XX.

Ирбитъ. Зимняя дорога.

Каждую Ирбитскую ярмарку, происходящую въ теченіи февраля мѣсяца, я долженъ былъ пріѣзжать туда, такъ какъ въ этой ярмаркѣ собирались всѣ мои кліенты, съ которыми личное объясненіе устанавливало болѣе прочное довѣріе и давало лучшіе результаты, чѣмъ обыкновенная переписка почтой. Устраивая «комиссіонныя» операціи для Москвы, я въ то же время покупалъ на ярмаркѣ товары и для себя, выбирая, конечно, такіе, отъ которыхъ съ большей вѣроятностью предвидѣлась въ ближайшее время прибыль. Въ тѣ времена, ѣзда въ «Ирбитъ» сопряжена была съ немалыми затрудненіями и требовала больше мѣсяца времени. Нужно было ѣхать по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, а оттуда, черезъ Казань и Пермь на лошадяхъ, безостановочно дни и ночи, одѣтымъ въ полушубокъ, даху и валенки; выходить изъ повозки только на станціяхъ, во время перемѣны лошадей, чтобы обогрѣться или напиться чаю и закусить... Морозы бывали иногда большіе, особенно при сѣверныхъ вѣтрахъ и вьюгахъ, и тогда приходилось выносить особенно тяжелыя неудобства и лишенія. Иной разъ вѣтеръ свищетъ и шумитъ неистовой метелью; полозья характерно скрипятъ по снѣгу; повозка ныряетъ по ухабамъ, то поднимаясь на вершины между ними, то тупымъ толчкомъ падая на дно,—а ты, лежа въ ней, вторишь этимъ движеніямъ, приноравливаясь только, какъ-бы удобнѣе ослаблять удары саней руками и ногами. Застегнуть отъ вьюги фартукомъ повозку считалось во многихъ случаяхъ опаснымъ, потому что гдѣ-нибудь на косогорѣ, при быстрой ѣздѣ, сани могли опрокинуться и тогда пассажиръ рисковалъ очутиться подъ тяжестью багажа и чемодановъ, могущихъ задушить до смерти. Я зналъ подобный случай, бывшій съ покойнымъ Рѣшетниковымъ. Это произошло въ поѣздку его изъ Тюмени въ Ирбитъ. Казанская хорошая кибитка была Рѣшетниковымъ застегнута наглухо; онъ и спутникъ его спали. И вотъ разъ, спускаясь съ горы, лошади понесли, ямщикъ на раскатѣ оплошалъ и повозка

моментально перевернулась вверхъ полозьями. Багажъ и подушки давили и душили путниковъ, не давая возможности освободиться, несмотря ни на какія усилія. Ямщикъ, выкинутый съ козелъ, не былъ придавленъ, но онъ не могъ своими силами ни отвалить повозки, ни отстегнуть кожанаго фартука, застегнутаго со всѣхъ сторонъ на крѣпкія мѣдныя кнопки. И только благодаря случайно подъѣхавшимъ другимъ пассажирамъ, которые помогли перевернуть опрокинувшуюся повозку, Рѣшетниковъ и спутникъ его остались живы. Они были уже безъ чувствъ; ихъ вытащили полумертвыми изъ экипажа и положили на снѣгу, пока они опомнились и пришли въ себя.

Въ дурную погоду больше всѣхъ приходилось выносить холодъ и неудобство бѣдному ямщику, примостившемуся на козлахъ, бокомъ къ лошадямъ. Ему нужно было, въ одно и то-же время: управлять тройкою лошадей, держаться на скользкомъ сидѣньи передка повозки, получать рѣзкіе толчки въ ухабахъ и не имѣть защиты отъ бурана. Поистинѣ, профессія этихъ ямщиковъ была порою прямо каторжной работой.

* * *

Но временами выдавались періоды ѣзды на тройкѣ лошадей среди зимняго пейзажа такой несравненной красоты и поэзіи, какихъ жителю большаго города нельзя ни вообразить, ни перечувствовать. Для людей, живущихъ въ городѣ, не видавшихъ зимняго пейзажа въ широкомъ полѣ, это прямо нѣчто невѣдомое и недосягаемое.

Ночь. Вѣтеръ стихъ. Ухабы миновали. Луна свѣтитъ ярко. Необозримое поле снѣжной равнины блеститъ и искрится миріадами свѣтящихся точекъ. Дорога стелется матовой полосою, теряясь вдали, среди панорамы волшебныхъ декорацій: стѣна лѣса медленно плыветъ вамъ навстрѣчу. Лошади крупной рысью, дружно несутся впередъ, мотая головами и похрапывая. Колокольчикъ подъ дугой гудитъ переливами тоновъ и замираетъ, теряясь въ морозномъ, тихомъ воздухѣ. Ямщикъ лихо встрепенется; ловкимъ жестомъ головы сдвинетъ шапку набекрень и крикнетъ ласково на тройку:

— Эй вы, родимые!

И затянетъ одну изъ тѣхъ пѣсенъ русскаго народа, какъ-бы вторя окружающему, которая сладко и въ то-же время до болѣзненности жутко отдается въ душѣ вашей.

— Эй вы, родимые!

Прерывая пѣсню, крикнетъ онъ на лошадей опять и снова продолжаетъ выводить свои заунывныя, хватающія за сердце рулады.

Вы жадно смотрите на Божій міръ, какъ будто что-то дѣйствительно волшебное проходитъ передъ вашими глазами; вы чутко вслушиваетесь въ звуки пѣсни и тоны колокольчика, и ваша мысль, переходя воспоминаніями отъ одной картины къ другой, погружается въ сладкія мечты о дѣтствѣ, юности, молодости...

— Эй вы, молодчики!

Неожиданно крикнетъ совсѣмъ другимъ тономъ ямщикъ и подберетъ вожжи. Лошади рванутся—коренная иноходью, пристяжныя галопомъ и понесутся впередъ. Колокольчикъ громче зазвенитъ и на моментъ даже замолкнетъ и перестанетъ переливаться. Кибитка дробью быстро застучитъ по выбитымъ обозами ступенямъ. Вы очнетесь. На васъ силуэтами надвигается лѣсъ все ближе и ближе, пока дорога совсѣмъ не спрячется между двухъ стѣнъ березъ и елей. На васъ глянетъ новая картина зимняго пейзажа. Всѣ деревья нарядились снѣгомъ въ странные фантастическіе уборы и стали похожими то на пирамиды, то на причудливые кіоски. Снѣгъ шапками лежитъ на вѣткахъ; иней распушилъ въ сказочный нарядъ стволы и сучья, а мѣсяцъ освѣтилъ ихъ своею несравненною игрой съ безчисленнымъ количествомъ тѣней и полутоновъ. Экипажъ и лошади то прячутся подъ эту тѣнь, то выдвигаются на прогалины свѣта, разнося по лѣсу смѣшанное эхо шума, на которомъ, какъ на фонѣ, выдѣляются, то окрикъ ямщика, то разный тонъ валдайскихъ колокольчиковъ...

Какой поэзіей, какой волшебной сказкой вѣетъ отъ одного воспоминанія о подобныхъ впечатлѣніяхъ!

* * *

Окончивъ дѣла въ Ирбитѣ, я какъ-то разъ возвращался въ Москву около 10 марта. Между Нижнимъ и Казанью дорога пролегала по льду Волги. Почтовыя станціи, такъ называемой «вольной почты» устроены были на правомъ берегу рѣки. Стояла теплая погода и во многихъ мѣстахъ появились «забережники», но ледъ былъ еще крѣпкій и ѣзда по немъ въ зимнемъ экипажѣ представляла сущее наслажденіе. Но вотъ, подъѣзжая къ одной изъ станцій, за какую-нибудь версту разстоянія, мы замѣтили, что на льду появилась вода, сначала немного, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше. Ямщикъ пустилъ лошадей крупной рысью, полагая, что черезъ 20—30 саженъ разстоянія воды этой не будетъ. Но чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ вода становилась глубже, и вдругъ мы увидѣли, что слѣва—изъ какой-то рѣчки вода вливается на ледъ громаднымъ волнующимся потокомъ. Ямщикъ направилъ лошадей къ

берегу, прямо къ станціи, но глубина воды стала доходить до цѣлаго аршина и вливалась въ нашу повозку. Мы выскочили изъ экипажа и примостились на облучкахъ его. Лошади едва брели водою по самые животы, а мы только и ждали, что вотъ-вотъ онѣ провалятся подъ ледъ. Минуты были страшныя и мы едва выбрались на отлогость берега, гдѣ устроена была зимняя почтовая станція. Весь нашъ багажъ оказался подмоченнымъ и мы должны были разбирать его и просушивать на станціи.

Припоминается мнѣ также еще моя поѣздка зимою изъ Тюмени въ Омскъ. Я какъ-то ѣхалъ туда экстренно «на перекладныхъ». Багажа со мною было мало, и на парѣ лошадей, черезъ такъ называемыхъ «дружковъ» ямщины, я проѣхалъ разстояніе 640 верстъ въ 52 часа времени. Прогоны платились 4 копѣйки съ версты за пару лошадей, а выдавалось ямщикамъ на водку не больше 20 коп. каждому. Такая быстрота ѣзды здѣсь, въ центральной Россіи, нигдѣ немыслима, но въ Сибири она считалась заурядной; тамъ не рѣдко ѣздили изъ Тюмени въ Томскъ—1500 верстъ пути въ 6 и даже въ $5^1/_2$ сутокъ. Дорогой они два раза въ сутки пили на станціяхъ чай и раза два столовали.

Длинная безостановочная ѣзда на лошадяхъ днемъ и ночью въ Сибири заставила изобрѣтать приспособленія, какъ для удобства пассажира въ экипажѣ, его одежды, такъ и дорожныхъ запасовъ, для питанія. Зимняя сибирская повозка нѣсколько иная, чѣмъ русская почтовая кибитка, въ которой имѣется слишкомъ примитивная защита отъ вѣтра и непогоды. Повозка въ Сибири болѣе длинна, съ инымъ изгибомъ бортовъ и лучше защищается фартукомъ и козырькомъ отъ вѣтра, а «отводами»—отъ опрокидыванія на бокъ, чѣмъ русская повозка. Сибирскія—доха, валенки, съ наушниками шапка и киргизская кочьма,—надежные защитники отъ холода и бурановъ. «Мороженыя щи», «мороженые пельмени»,—такіе въ дорогѣ удобные консервы, что едва-ли можно подъискать имъ равные—по удобству, питательности и легкости перевозки зимою. Проѣхавъ дальнюю дорогу, вы утомились и проголодались; вамъ хочется поѣсть чего-нибудь горячаго и питательнаго. Но вы дорожите временемъ; вамъ нѣкогда ожидать на станціи, пока хозяйка дома приготовитъ что-нибудь съѣстное и чаще всего то, чего вы не любите,—мало вкусное и привлекательное. Въ этихъ случаяхъ съ сибирскими дорожными запасами зимою вамъ нужна только горячая печь или самоваръ съ кипящею водою. Отрубленный кусокъ «мороженыхъ щей», горсть «мороженыхъ пельменей», положенные въ кипятокъ, черезъ 10 минутъ

дають вкусное горячее кушанье, а через вторыя 10 минуть вы уже закусили и сидите въ экипажѣ, готовые ѣхать дальше.

Одной зимой я ѣхалъ какъ-то съ покойнымъ Глазуновымъ изъ Москвы въ Ирбитъ новымъ направленіемъ: Нижній, Вятка, Верхотурье, Ирбитъ. Въ Н.-Новгородѣ мы купили казанскую повозку съ двойными широкими отводами, въ виду того, что придется проѣзжать сѣверною мѣстностью, полупроселочными дорогами, среди глубокихъ снѣговъ Вятской губерніи. Дорогой, внѣ большаго тракта, намъ пришлось скоро убѣдиться, въ особенности въ бѣдныхъ чувашскихъ селеніяхъ, что порою нѣтъ у ямщика, ни крынки молока, ни самовара. Поселки Чувашъ были большей частью плохо обстроенные, съ грязными и неуютными избами. За то татарскія деревни отличались зажиточностью и поразительной чистотою, казавшеюся даже намъ, Сибирякамъ, удивительною. Татарскія хозяйки въ своихъ домахъ не мыли горячею водой съ пескомъ лѣстницъ, половъ и простѣнковъ между окнами, какъ дѣлается часто въ Западной Сибири, но на дворѣ, въ избѣ, у очага соблюдалась ими образцовая чистота и опрятность.

Въ этихъ захолустьяхъ мы въ первый разъ увидали, какъ впрягаютъ въ повозки трехъ лошадей цугомъ, или гусемъ; коренную въ оглобли, другую въ постромки, привязанныя «къ запрегу» первой, а третью въ новыя постромки, впереди второй. Для каждой лошади, проходя черезъ дугу, проводятся особыя возжи. У ямщика на короткой рукояткѣ виситъ черезъ плечо длинный, волочащійся по дорогѣ бичъ, достающій переднюю лошадь, которымъ онъ владѣетъ мастерски и при этомъ, щелкая, производитъ особый звукъ хлопушки. Передовая лошадь всегда пріучена хорошо справляться съ своей ролью—задерживаться при спускѣ и подъемѣ въ ухабахъ и дѣлать большіе радіусы въ поворотахъ. Самая крупная непріятность, какая можетъ быть при такой ѣздѣ—это встрѣча съ такими-же пассажирами, или встрѣча съ какимъ-нибудь обозомъ. Лошади тогда неохотно сворачиваютъ въ рыхлый снѣгъ возлѣ дороги, гдѣ зачастую должны проваливаться по уши. Повозка накреняется на бокъ, а иногда и застреваетъ въ снѣгу, откуда приходится вытаскивать ее на дорогу съ большой возней и хлопотами. Результатомъ въ подобныхъ случаяхъ всегда является необходимость вылѣзать изъ повозки, помогать ямщику вытаскивать ее на дорогу и слушать его перебранку съ встрѣчными ямщиками и пассажирами.

Населеніе Вятской губерніи мнѣ показалось гораздо зажиточнѣе и домовитѣе населенія смежныхъ губерній—Казанской и Пермской,

несмотря на то, что мѣстность сама по себѣ у первой сѣвернѣе, и природа угрюмѣе. Видимо, каждый поселянинъ здѣсь былъ прежде всего пахарь, а потомъ ремесленникъ, и это сказывалось на внѣшности его построекъ, внутренности дома и всего домашняго обихода, до крѣпкаго дубленаго тулупа, сооруженнаго изъ домашнихъ овчинъ, включительно.

Города—Вятка, Слободской и нѣкоторыя села служатъ центрами кожевенной и спичечной промышленности. Первый промыселъ существуетъ въ Вяткѣ съ незапамятныхъ временъ, а спичечное производство занесено въ Слободской впервые покойнымъ Ворожцовымъ, довольно оригинальнымъ способомъ. И. А. Ворожцовъ былъ сынъ мѣстнаго купца, задумавшій въ своей лѣсной губерніи ввести новый видъ промышленности, но никакъ не могъ найти способа успѣшно разрѣшить задуманную задачу. Преслѣдуя свою идею, онъ отправляется въ Варшаву и нанимается простымъ рабочимъ на спичечную фабрику для практическаго изученія всего процесса выработки новаго фабриката. Тамъ онъ проработалъ цѣлыхъ полгода и вернулся домой хорошимъ работникомъ, мастеромъ и хозяиномъ. Фабрика его въ Слободскомъ, первая по времени, пошла съ самаго-же начала удачно и скоро заняла видное мѣсто не только въ Вятской губерніи, но на всемъ Уралѣ и въ Сибири, служа разсадникомъ такихъ-же фабрикъ какъ у себя въ краю, такъ и въ другихъ мѣстахъ по направленію на Востокъ вплоть до самаго Иркутска.

Дорогою изъ Вятки въ Ирбитъ, на перевалѣ Сѣвернаго Уральскаго хребта, мы увидѣли поистинѣ чудные виды природы. Я тогда въ первый разъ въ жизни любовался на горныя вершины, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «сопокъ»; на горные перевалы, откуда открывались далекіе виды и перспективы. Въ особенности поразили меня своимъ дикимъ величіемъ берега р. Чусовой, по льду которой мы ѣхали на протяженіи цѣлыхъ 20-ти верстъ. Тутъ смотрѣли мы, что называется, во всѣ глаза и не могли вдоволь налюбоваться на виды скалистыхъ береговъ и такъ называемыхъ «камней», утесовъ, одинъ другаго выше, одинъ другаго причудливѣе по формѣ и цвѣту. Разсказы о рѣкѣ Чусовой, когда она весной бушуетъ и стремительно несется по каменному ложу, въ образныхъ словахъ нашего ямщика, придавали ей страшное и почти мистическое значеніе.

— Вонъ тамъ подальше, за этимъ «камнемъ»,—говорилъ словоохотливый ямщикъ, есть «камень Шило», а тамъ еще подальше—«два брата Разбойники»,—ну, ужь, я вамъ скажу, такіе-то каждую

весну душегубцы, что не приведи Господь и подплывать къ нимъ. Наша Чусовая теперь зимой какая она кажется тихая да добрая, а вотъ какъ только откроется весна, такъ и понесется она, какъ бѣшеная лошадь—по 20 верстъ въ часъ.

— Неужели весной 20 верстъ въ часъ течетъ ваша Чусовая?—спрашиваемъ мы съ удивленіемъ.

— Что 20 верстъ! Есть мѣста, гдѣ она бьетъ отъ «шифера» на «камень», тамъ, пожалуй, и всѣ 30 верстъ махаетъ. Вѣдь что бывало-то тутъ веснами, когда спускаются барки съ чугуномъ и желѣзомъ! Когда я былъ еще маленькій, въ то время «заводей» еще не дѣлали, камней порохомъ не взрывали. И вотъ, помню, на самую Пасху спустили отъ заводовъ караванъ съ барками. Стоятъ люди на баркахъ, крестятся и молятся, а ихъ несетъ водою «сломя голову». Оплошалъ-ли «поносный», или такъ имъ на роду было «написано»,—Богъ вѣдаетъ, только первая барка налетѣла прямо на «камень Шило»—и поминай, какъ звали и людей и барку! Вслѣдъ за ней—другая барка, третья, четвертая и весь караванъ, въ 40 барокъ, разбился вдребезги, а люди—рабочіе, матросы, водоливы—чуть не всѣ утонули и погибли! Тутъ спасенія не ищи. Вода около проклятаго «камня» такъ крутитъ, что — ни Боже мой — никакъ на берегъ не выплывешь! Вотъ и погибло въ этотъ часъ не много не мало, а 500 христіанскихъ душъ!

———

XXI.

Моя торговля въ Германіи. Валяльщики.

Пріѣзжая изъ Москвы въ Нижегородскую ярмарку для торговли сырыми Сибирскими продуктами, я нанималъ чужую лавку, гдѣ-бы можно было жить цѣлый мѣсяцъ времени и имѣть складъ для нѣкоторыхъ сортовъ товаровъ. Спеціальностью моей тогда была торговля, главнымъ образомъ, коровьей шерстью во всѣхъ ея сортахъ и видахъ. Покупателями у меня постояннымъ контингентомъ состояли мастерки валеныхъ издѣлій, Нижегородской и Костромской губерніи. Бывали годы, когда торговля подобными продуктами давала большіе барыши, а бывали и такіе годы, когда цѣна имъ неожиданно понижалась, и приходилось мириться съ неизбѣжными убытками. Въ такіе годы надо было имѣть постоянные склады въ Нижнемъ Новгородѣ и постояннаго приказчика, проживающаго тамъ. Значительные остатки шерсти, вмѣстѣ съ расширеніемъ дѣлъ, повторяясь изъ года въ годъ, навели меня на мысль устроить войлочную фабрику въ Арзамасѣ, которая ведется мною и по сіе время. Она устроена была съ начала, какъ ручная мастерская для выдѣлки незатѣйливыхъ арзамаскихъ «полостей», большей частью въ зависимости отъ того, какіе находились отъ Нижегородской ярмарки остатки шерсти. Но мало-по-малу требованіе издѣлій стало разнообразнѣе, появился спросъ на спеціальные сорта даже въ Германію. Это вызвало мою поѣздку въ Берлинъ и взятіе поставки войлоковъ для нѣмецкаго потребительнаго рынка. Ручная работа войлоковъ представляла сама по себѣ многіе неудобства и пороки въ самомъ фабрикатѣ. Поэтому я пришелъ къ мысли поставить на фабрикѣ паровой двигатель съ чесальными машинами и прочими приспособленіями. Дѣло казалось обставлено было въ этомъ отношеніи удовлетворительно. Войлоки выходили хорошаго качества, но когда къ концу отчетнаго года наработали ихъ много и подсчитали стоимость, то

оказалось, что цѣна имъ выходила настолько высокою, что фабрика дала убытокъ. Два года я терпѣлъ отъ убытка, пока рѣшилъ машины распродать и снова перейти на способъ ручной выработки. Такъ продолжалось это около 7—8 лѣтъ, пока вновь изобрѣтенныя машины для войлочнаго производства опять меня не соблазнили. На этотъ разъ я пошелъ съ большей опытностью, ставя только лучшія и новыя машины. Результатъ оказался какъ разъ противный первому неудачному опыту. Въ то время машины приносили убытокъ, на этотъ разъ онѣ приносятъ прибыль, и что главнѣе всего—избавляютъ рабочихъ отъ трудной и вредной для здоровья работы—битья шерсти «на лучкахъ».

Для продажи войлоковъ за-границу, мнѣ приходилось часто ѣздить въ Германію и нерѣдко отдавать тамъ фабрикаты на комиссію, а потомъ, когда это въ концѣ-концовъ вышло неудачно, устроить въ Берлинѣ свою личную постоянную торговлю; къ сожалѣнію, мой выборъ довѣреннаго также оказался неудачнымъ, и, ликвидируя тамъ дѣло, я долженъ былъ потерять за нимъ около 10,000 рублей.

Характерный случай произошелъ со мной въ Берлинѣ при открытіи торговли на мое имя. Для этого требовалось предварительное заявленіе у городского судьи: кто я такой и какую я даю «прокуру» моему довѣренному, какъ лицу, меня замѣняющему. Для этой цѣли нужно было представить переводъ моего купеческаго свидѣтельства съ русскаго языка на нѣмецкій, удостовѣренный нашимъ посольствомъ. Являюсь я съ просьбою о переводѣ документа, въ канцелярію посольства; мнѣ указываютъ, что для подобныхъ дѣлъ имѣется спеціальный переводчикъ, живущій въ Берлинѣ тамъ-то. Ѣду къ этому переводчику, и онъ мнѣ заявляетъ, что переводъ будетъ стоить 50 германскихъ марокъ. Никакіе резоны, что такая цѣна, не говоря уже о томъ, что не предусмотрѣна закономъ, а просто непомѣрно дорога, не привели ни къ чему. Въ виду-же того, что мнѣ надобно было скоро возвращаться въ Москву, я рѣшался уплатить 10, 15, даже 20 марокъ; но переводчикъ былъ неумолимъ и стоялъ на томъ, что меньше 50-ти марокъ не возьметъ. Такое отношеніе такъ мнѣ показалось горько и обидно, что я рѣшился обратиться въ канцелярію посольства уже съ жалобой на переводчика. Но вышло такъ, что, когда я туда прибылъ, канцелярія была закрыта. Что мнѣ оставалось дѣлать въ подобномъ положеніи? Посовѣтовавшись съ моимъ будущимъ довѣреннымъ, я рѣшился обратиться къ нѣмецкому судьѣ и разсказать ему про мою неудачу съ русскимъ переводчикомъ. Такъ я и сдѣлалъ. Нѣмецъ-судья видимо сердечно отнесся къ моему положенію и, покачавъ укоризненно головою, сказалъ мнѣ:

— Я не знаю русскаго языка, и вашъ документъ, удостовѣряющій вашу личность, съ формальной стороны безъ перевода, для меня недостаточенъ, чтобы я могъ записать васъ въ торговый реестръ. Но, видя ваше затрудненіе и вѣря вашей искренности, я беру на себя отвѣтственность, внося ваше заявленіе въ реестръ, и выдаю дозволеніе на открытіе торговаго заведенія.

Каждый Русскій можетъ догадаться, какъ мнѣ горько было почувствовать отсутствіе защиты нашего русскаго посольства и великодушіе нѣмецкаго судьи.

* *
*

Типомъ покупателей моихъ на разную шерсть, какою я торгую въ Нижегородской ярмаркѣ и Москвѣ, служитъ, какъ я уже упоминалъ, большей частью деревенскій ремесленникъ-валяльщикъ Костромской, Нижегородской и Ярославской губерніи, постоянно расширяющій свои дѣла и превращающійся, мало-по-малу, въ зажиточнаго человѣка, а потомъ деревенскаго «богача», у котораго работаютъ «сдѣльно» тѣ-же крестьяне, живущіе въ одной съ нимъ деревнѣ или въ ближайшихъ поселкахъ. Каждый изъ нихъ начиналъ работать валеную обувь, своими руками, какъ всякій обыденный кустарь, а потомъ нанималъ себѣ рабочаго-помощника сначала одного, потомъ двухъ, трехъ и наконецъ доходилъ до цѣлой сотни. Нѣкоторые изъ этихъ кустарей владѣютъ теперь фабричными заведеніями, съ паровыми двигателями и чесальными барабанами, но почему-то не называютъ ихъ фабриками, именуя просто мастерскими, «заведеніями», или даже заводами. Эти мастерки довольно быстро превращаются въ богатыхъ людей, владѣющихъ уже капиталами въ сотни тысячъ рублей и вырабатывающими ежедневно по 300—500 паръ валеныхъ сапоговъ. Въ настоящее время первыми изъ нихъ считаются по капиталамъ—гг. Катюшинъ, Носковъ, Копыловъ и другіе, менѣе богатые, но все-таки съ пятками и десятками тысячъ рублей основнаго капитала. Всѣ они, однакожъ, когда-то покупали шерсть по одной и по двѣ кипы, а потомъ, кредитуясь и расширяя покупку - продажу матеріала и фабриката, увеличили производство до размѣровъ настоящаго времени.

Всякій выдвинувшійся мастерокъ, большой и малый, закупаетъ шерсть, главнымъ образомъ, въ Нижегородской ярмаркѣ на годовое производство, а потомъ, привозя домой и дѣлая смѣсь разныхъ сортовъ, раздаетъ ее мастерамъ подъ именемъ «мѣшки» по вѣсу, на опредѣленное количество паръ сапогъ. Мастера эти бьютъ шерсть

«на лучкахъ», для приданія ей вида ваты, или сами фабриканты чешутъ ее на машинахъ, у кого онѣ имѣются. Потомъ у себя «на заводѣ» закладываютъ битую, или чесаную шерсть «въ колпаки», которые сдѣлавъ валенымъ суховаломъ, отдаютъ уже стороннимъ «стиракамъ» для валки этихъ колпаковъ съ горячей водою въ настоящій видъ и мѣру обуви.

Какъ всегда, наиболѣе удачныхъ результатовъ добиваются, конечно, только тѣ, кто трудолюбивѣе, умнѣе, настойчивѣе остальныхъ и прежде всего тѣ, которые не пьютъ въ праздничное время водки и не сидятъ съ похмѣлья по трактирамъ и кабакамъ въ рабочіе дни. Нѣтъ труднѣе времени для начинающаго мастерка, какъ, работая на другаго, съэкономить въ запасъ первые десять рублей денегъ, чтобы купить на нихъ матеріалъ «на наличные». Это всегда дешевле и выгоднѣе гдѣ-бы-то ни было, противъ покупаемаго въ долгъ. Если разъ это сдѣлано, и мастерокъ-ремесленникъ не любитель кабака и деревенскаго трактира, по сущности своей такого-же второго кабака,—ему ужъ легче копить и наживать вторые 10 р., если, конечно, не случится въ его обыденной жизни какихъ-нибудь внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Работая усиленно головою и руками, подобный ячейка-мастерокъ не замедлитъ стать владѣльцемъ серіи (50 р.), на которую уже можетъ покупать цѣлую кипу шерсти и имѣть кредитъ на такія-же 2—3 кипы отъ торговцевъ шерстью. Съ этого момента дальнѣйшіе успѣхи ему обезпечены; онъ уже почти всегда будущій Катюшинъ, Носковъ и проч.

Повторяю, подобнаго матеріальнаго состоянія достигаютъ только тѣ, которые прежде всего не ходятъ въ кабаки-трактиры, и кромѣ того, трудолюбивѣе и толковѣе своихъ товарищей, т.-е. у кого природная смекалка, во все время «купли-продажи», въ распорядкѣ дня, въ техникѣ работы,—постоянно имъ сопутствуетъ. Всѣ другіе, въ подавляющей массѣ деревенскихъ жителей упомянутыхъ губерній, съ отсутствіемъ какого-нибудь, даже одного изъ приведенныхъ признаковъ, остаются навсегда работниками «на другихъ» и не имѣютъ шансовъ подняться выше поденнаго заработка или поштучной платы.

Въ послѣдніе годы контингентъ моихъ покупателей на шерсть измѣняется въ предѣлахъ 120—140 человѣкъ, за которыми находится въ кредитѣ постоянно 300—400 т. р. Насколько обезпеченъ этотъ кредитъ вѣрностью уплаты въ срокъ — мнѣ подсказываетъ статистика, веденная за много лѣтъ моей торговли. Въ среднемъ выводѣ 2% обыкновенно покрываютъ всѣ убытки, какіе могутъ

причинять неплательщики долга, большей частью вынужденные такъ дѣлать въ силу какихъ-нибудь непредвидимыхъ и неотвратимыхъ обстоятельствъ: смерти, пожара и проч. Но и въ этихъ случаяхъ зачастую платитъ долгъ наслѣдникъ должника, или хотя съ трудомъ, но платитъ самъ разорившійся отъ пожара. У меня есть давнишній покупатель шерсти крестьянинъ Никитинской волости Ѳеопемптъ Савельевъ Чистяковъ. Десять лѣтъ назадъ онъ имѣлъ свой хорошій домъ и свободный капиталъ въ 10 т. рублей. По обыкновенію, какъ у всѣхъ крестьянъ, у него ничего страховано не было, а все возлагалось на милость Божію. Случился пожаръ: домъ и товары у него сгорѣли. Платить долговъ стало ему нечѣмъ. Кредиторы Чистякова сами скидывали ему половину долга, а другую соглашались ждать болѣе или менѣе значительное время. Но Чистяковъ отринулъ скидку съ негодованіемъ. «Я заплачу вамъ все,—твердилъ онъ со слезами,—только дайте мнѣ немного шерсти въ долгъ и дайте срока годъ-другой». Такъ и вышло. Чистяковъ, не покладая рукъ, принялся снова за работу, уплатилъ старые долги всѣмъ кредиторамъ и теперь снова сталъ самостоятельнымъ, зажиточнымъ хозяиномъ въ деревнѣ.

Но, какъ говорится, «въ семьѣ не безъ урода»; такъ и между ремесленниками въ деревнѣ. То какая-то слабость обуяетъ человѣка къ трактиру и разгулу, то подросшій сынъ выйдетъ не въ отца и начнетъ проматывать отцовское добро, то наконецъ найдетъ какое-то ослѣпленіе разума и разломъ нравственныхъ устоевъ, а тамъ, глядишь, и затѣялъ человѣкъ скверное дѣло—не платить своихъ долговъ, т.-е. вознамѣрился воспользоваться чужимъ достояніемъ. Въ числѣ послѣднихъ припоминаю одного старика крестьянина, нѣкоего Онисима Муратова. Лѣтъ 10 къ ряду я продавалъ этому человѣку шерсть и всегда чинно и любовно онъ платилъ мнѣ деньги. По всему замѣтно было, что у него имѣется 2—3 тысячи своихъ денегъ и кредитъ рублей въ 500 нуженъ только, какъ подмога къ оборотному капиталу. Бывало, Муратовъ войдетъ въ контору, робко озираясь и переступая за дверь, и первымъ дѣломъ помолится на икону.

— Здравствуй батюшка,—скажетъ онъ ласково.

— Здравствуй Онисимъ Васильевичъ,—отвѣтишь ему.—Ну, какъ поживаешь? Что подѣлываешь?

— Да что, батюшка, вотъ «сапогъ» привезъ продавать, да что-то цѣны не даютъ ладной. На дворѣ-то у насъ продаютъ ихъ дешево, ну, вотъ я и не торгую; все хочется барышка побольше.

— Подожди еще, вѣдь ярмарка только что начинается.

— Эхъ, батюшка, да вѣдь и ждать-то нельзя! Вотъ «перво-наперво» я тебѣ долженъ и надо деньги выручать да тебѣ заплатить.

— Успѣешь еще. Зачѣмъ изъ-за этого спѣшить продажей, понижая цѣну?

— Какъ-же, милостивецъ, иначе-то? Вѣдь все надо дѣлать во-время да по-божески. Деньги я тебѣ черезъ три дня принесу. Ну, а какъ-же, шерсти-то, опять отпустишь мнѣ?

— Такому аккуратному человѣку, какъ ты, конечно, отпущу. Плати деньги и покупай шерсть опять.

Дня черезъ три Муратовъ, дѣйствительно, приноситъ деньги.

Деньги у него всегда бывали спрятаны во внутреннемъ карманѣ шароваръ такъ далеко, что онъ каждый разъ, доставая ихъ оттуда, приговаривалъ:

— Ужъ ты Бога ради прости меня, старика, за это. Я все боюсь, какъ-бы лихой человѣкъ меня не изобидѣлъ.

Покупая у меня снова шерсть, Муратовъ подписывалъ новые векселя, старательно выводя славянскими буквами свою подпись.

И вотъ, вдругъ этотъ Муратовъ, безъ всякой уважительной причины, не заплатилъ мнѣ денегъ. Пишу ему письма—ничего не отвѣчаетъ. Стороною слышу, что Муратовъ поправилъ домъ, купилъ мельницу и живетъ себѣ въ деревнѣ припѣваючи. Проходитъ два года. Въ началѣ ярмарки является ко мнѣ его сынъ, мальчикъ лѣтъ 18, и смиренно, извиняясь за отца, проситъ подождать долгъ еще одну «вотъ недѣльку»; какъ только онъ продастъ «сапогъ», то «батюшка наказалъ деньги вамъ отдать въ перву голову».

Проходитъ недѣля и является ко мнѣ опять сынъ Муратова. «Ну— думаю—напрасно старика обвинялъ въ дурномъ намѣреніи. Видно, была какая-нибудь серьезная причина неплатежа».

Мальчикъ стоитъ передъ столомъ у меня и тревожно перебираетъ въ рукахъ свою фуражку.

— Сколько вамъ денегъ-то?—спрашиваетъ онъ.

— Вѣдь ты знаешь: вексель въ 500 р.,—отвѣчаю я.

— Батюшка мнѣ сказалъ уплатить вамъ четвертную (25 р.), а вексель получить.

Я сначала не понялъ смысла предложенія и переспросилъ его.

— Что такъ мало дѣлаетъ старикъ уплаты? Вѣдь за нимъ 500 р., а вы хотите дать только 25 р.

— Нѣтъ, батюшка мнѣ наказалъ за весь долгъ уплатить четвертной билетъ, а чтобы, значитъ, вексель получить назадъ.

Я изумился такому предложенію и невольно повысилъ голосъ.

— Да вѣдь у тебя, какъ я слышалъ, было 30 корзинъ сапоговъ на 1500 р.? Ты ихъ продалъ? Гдѣ-же деньги?

— А я ихъ отцу послалъ.

Я не могъ болѣе сдержать себя и крикнулъ на юнца Муратова, чтобы онъ убирался вонъ.

Эти случаи—съ одной стороны высокаго благородства Чистякова, а съ другой низменныхъ побужденій Муратова—исключительныя явленія и, какъ таковыя, не даютъ точнаго понятія о добросовѣстности цѣлой массы остальныхъ ремесленниковъ. Нравственная физіономія послѣднихъ, взятая въ общемъ, не достигаетъ, положимъ, высоты характера Чистякова, но и не опускается до низменныхъ поползновеній Муратова. Правда, какъ она есть, мнѣ кажется, будетъ немного выше средняго уровня между этими двумя крайностями.

XXII.

Мои продавцы.

Въ торговлѣ и промышленности существуетъ правило—«купить дешевле, продать дороже». Но для каждаго правила, а въ томъ числѣ и для этого, имѣется, однакожъ, контроль благоразумія. Можно желать купить товаръ такъ дешево, что никто его не продастъ— и тогда останешься безъ товара. Можно желать продать такъ дорого, что никто его не купитъ, и тогда останешься съ товаромъ безъ покупателя. И то и другое—результатъ неразумія и безтактности, ведущихъ всегда къ убыткамъ и раззоренію. Всякая торговля, претендующая на успѣхъ и пользу, должна быть свободна отъ подобныхъ недостатковъ, т.-е. гибка и смѣла. Иначе она заранѣе обречена на естественный упадокъ и неизбѣжную ликвидацію.

Я лично продаю разной шерсти въ годъ отъ 80 до 100 т. пудовъ и смѣю думать, что знаю эту торговлю сколько-нибудь основательно. Прежде, нежели покупать и продавать товаръ, я долженъ тщательно узнавать, въ какой степени выразится требованіе на него въ Нижегородской ярмаркѣ. А это зависитъ отъ многихъ причинъ, скрывающихся большей частью во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ только носятъ валеные сапоги. Если была холодная осень и зима, валенки требовались потребителями хорошо, значитъ, будутъ торговцы усиленно покупать у мастеровъ валеные сапоги, а тѣ, въ свой чередъ, будутъ усиленно покупать и матеріалъ—шерсть. Въ двухъ-трехъ крупныхъ районахъ появилась мода на бѣлые сапоги,—значитъ и шерсть требоваться будетъ больше бѣлая. Бываютъ годы, что иностранный рынокъ требуетъ усиленно высокіе сорта коровьей шерсти,—тогда она становится также сильно требующимся товаромъ, а стало-быть съ повышенными цѣнами.

Если не умѣешь предъугадывать этого въ большинствѣ случаевъ, тогда бросай торговлю и занимайся чѣмъ-нибудь другимъ, гдѣ-бы ты былъ, выражаясь биржевымъ языкомъ, «въ курсѣ дѣла».

Какъ идетъ покупка шерсти партіями и какъ она идетъ въ продажу мастеркамъ, по мелочамъ, я думаю, лучше всего разсказать, приведя рядъ маленькихъ картинокъ съ натуры.

Въ ярмарку пріѣхалъ продавецъ коровьей шерсти съ партіей въ 1,000 пудовъ. И вотъ, завязавъ въ платокъ отборные лучшіе клочки шерсти всѣхъ цвѣтовъ, онъ идетъ съ ними въ лавки покупателей.

— Вы покупаете шерсть?—держа въ одной рукѣ фуражку, а въ другой платокъ съ шерстью, задаетъ вопросъ владѣльцу лавки продавецъ.

— Покупаю.

— Вотъ у меня есть шерсть на Сибирской пристани у Каменскихъ. Партія 1,000 пудовъ.

— Хорошо. Покажите образцы.

Развязывается платокъ и выкладываются на столъ образцы шерсти: бѣлой, черной, сѣрой и красной.

— Сколько-же какого цвѣта?—спрашиваетъ покупатель, разсматривая шерсть по цвѣту, длинѣ волоса и качеству.

— Одной бѣлой чуть не пятый волосъ. А тамъ остальные цвѣта, все какъ есть въ порядкѣ.

— Что-же, вся партія согласна съ образцами?

— Ну вотъ еще! Я самъ смотрѣлъ «за мойкой». Волосъ въ волосъ будетъ.

— А сколько лѣтней мойки въ партіи?

— Какой лѣтней? У меня ея нѣтъ. Вся шерсть вымыта весною.

— Какая-же цѣна?

— Да что много запрашивать? Шесть рубликовъ положите.

— Вотъ что я вамъ скажу. Если цѣна 6 р., то я не хочу и смотрѣть вашу партію.

— Развѣ это дорого? Вонъ, говорятъ, вятскіе продали «по шести съ полтиной».

— То вятскіе, у нихъ и шерсть вятская, и мойка вятская.

— Что-жь, дорого развѣ? Ну, пожалуй, я уступлю, чтобы значитъ безъ запроса было. Цѣна будетъ «пять съ полтиной».

— Не подойдетъ и эта цѣна.

— А что-же вы дадите?

— Не смотрѣвши партіи, я не объявлю цѣны. Судя-же по образцамъ, вѣроятно, взятымъ еще изъ лучшихъ кипъ, цѣна мнѣ не подходитъ.

Продавецъ сердито начинаетъ завязывать образцы въ платокъ и переходитъ на иронический тонъ.

— Вы вѣрно совсѣмъ не покупаете шерсти? Такъ-бы и сказали.

— Напротивъ, покупаю. Но цѣна ваша не подходяща.

— Прощайте,—недовольнымъ голосомъ произноситъ продавецъ и демонстративно удаляется изъ лавки.

Видя, что его не вернули, онъ черезъ нѣсколько минутъ является опять къ тому-же покупателю.

— Вотъ что,—говоритъ онъ,—такъ и быть, возьму ужъ 5 р.

— Это другое дѣло. Оставьте ваши образцы и приходите завтра утромъ. Тогда поѣдемъ на пристань смотрѣть вашу партію шерсти.

— Хорошо,—уже ласково произноситъ продавецъ.—Я утречкомъ, зайду. А теперь покудова,—прощайте.

— Прощайте!

Назавтра партія шерсти осмотрѣна. Въ ней оказалось бѣлой не пятый волосъ (20%), а седьмой (15%); лѣтней мойки, которой по увѣренію продавца не было совсѣмъ, оказалось до 15%; между бѣлой яловой нашлось конины 3—4 кипы. Однимъ словомъ, средняя разцѣнка шерсти по сортамъ товара выходила противъ образцовъ процентовъ на 10—15 дешевле.

При осмотрѣ товара, продавецъ молчалъ, или отдѣлывался поговорками въ родѣ того, что «гляженое лучше хваленаго», или «что видишь, то и покупаешь».

Послѣ уступокъ и прибавокъ къ цѣнамъ, назначаемымъ продавцомъ и покупателемъ, партія «сторгована», скажемъ, по 4 р. за пудъ, съ оговорками покупателя, что въ ней лѣтней мойки должно быть столько то, конины бѣлой столько-то и пр. Все это завершается выдачей задатка въ 5—10%, установленіемъ срока пріема и врученіемъ покупателю товарныхъ документовъ—квитанціи транспортной конторы, фактуры и ветеринарнаго свидѣтельства. Чрезъ нѣсколько дней совершается пріемка шерсти, съ разборкой—по сортамъ, по цвѣту и провѣркою вѣса въ кипахъ. Очень часто является, противъ условія, низкихъ малоцѣнныхъ сортовъ больше, высокихъ меньше, а вѣса 10—15 фунтовъ на кипу не хватаетъ.

— Ишь вѣдь какъ усохло,—замѣчаетъ продавецъ.—А вѣдь дома-то «вѣрнешенько» писали вѣсъ.

— Ну, едва-ли не ошибались,—возражаетъ вѣжливо покупатель.— Коровья шерсть, правильно-сушеная даетъ въ сырую погоду «привѣсъ», а въ сухую «провѣса» не больше фунта на пудъ. А тутъ у васъ сплошь и рядомъ провѣса 2—3 фунта на пудъ шерсти.

Продавецъ, видя, что фокусы его съ искусственной фактурою замѣчены, волнуется и горячится, но сдѣлать противъ провѣренной дѣйствительности ничего не можетъ. Ему остается только разыгрывать роль удивляющагося человѣка, будто-бы, на непонятное явленіе—большой усышки шерсти.

Но какъ-бы ни было, товаръ принятъ, разсчетъ оконченъ, деньги уплачены и продавецъ начинаетъ ласково прощаться.

— Благодаримъ за разсчетъ,—говоритъ онъ,—ужъ на будущую ярмарку никому другому, какъ первому вамъ, предложу мою партію шерсти.

— Вотъ только фактуру составляйте *безъ ошибокъ*,—отвѣчаетъ покупатель, намекая на прибавленный намѣренно вѣсъ въ кипахъ.

— Ужъ будьте увѣрены, все сдѣлаю лучшимъ манеромъ.

Въ этой бытовой картинѣ я старался показать средній типъ продавца шерсти, отъ котораго отклоняются, какъ и во всякой другой торговлѣ, продавцы въ ту и другую сторону, пока не завершатся крайними степенями—благородства и мошенничества.

XXIII.

Моя покупатели.

Въ такой-же картинкѣ я приведу здѣсь типъ средняго покупателя ремесленника.

Открытая лавка торговца шерстью. Двери нижняго этажа выглядываютъ стеклами подъ навѣсы, сверхъ асфальтоваго прохода. Маленькая вывѣска надъ входомъ въ лавку гласитъ фамилію купца. Около дверей лежитъ на видномъ мѣстѣ кипа шерсти—признакъ, что въ этой лавкѣ имѣется она въ продажѣ. Во второмъ этажѣ устроена такъ называемая контора, гдѣ за перилами находятся: конторки съ книгами, свертки съ образцами шерсти и сидятъ приказчики, занимаясь текущими дѣлами. Хозяинъ лавки въ сосѣдней комнатѣ за письменнымъ столомъ, занятъ провѣркою счетовъ и комбинаціями купли и продажи товаровъ по своей профессіи.

Является въ контору мастерокъ. Помолившись на икону и поздоровавшись за руку съ приказчиками и артельщиками, спрашиваетъ вполголоса:

— А что самъ-то дома?

— Дома,—отвѣчаетъ довѣренный, указывая рукою на комнату хозяина.—Пожалуйте.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ,—привѣтствуетъ мастерокъ хозяина,—съ пріѣздомъ васъ, съ ярмаркой поздравляю. Здоровы-ли вы, родимый?

— А! Ѳедоръ Ивановичъ, мое вамъ почтеніе!—отвѣчаетъ хозяинъ.—Садитесь пожалуста. Ну, какъ живете-можете?

— Слава-те, Господи! Живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Какъ ни какъ, а черезъ годъ опять и свидимся. Я шелъ мимо вашей лавки и думаю: надо зайти съ вами повидаться.

— Спасибо, другъ, спасибо. Ну, какъ торгуешь нынче «сапогомъ»?

— Торгуемъ не шибко. Мелкота все цѣну сбиваютъ. Не повѣрите, продаютъ сапогъ «девять гривенъ», а ты самъ знаешь, что онъ себѣ стоитъ.

— Ты, я думаю, не продаешь такой цѣной?

— Сохрани Богъ! Да развѣ это можно?

— Ну, вотъ видишь. Тамъ на «дворѣ» плохой товаръ, такая и цѣна ему.

— Такъ-то такъ, да вѣдь все же слышатъ: «на дворѣ, молъ, цѣна девять гривенъ», а ты просишь 1 р. 20 к. Покупатель-то и упирается.

— А сколько ты ужъ продалъ здѣсь на ярмаркѣ сапоговъ?

— Да корзинъ полсотни продалъ. Не будь этого «двора», вотъ какъ «пить дать», была-бы цѣна 1 р. 25 к., а теперь не отпускаешь покупателя и за 1 р. 15 к. и за 1 р. 12 к. Все давай сюда.

— И съ каждой пары сапоговъ двугривенный, да двугривенный барыша, тоже «все давай сюда»?

Ѳедоръ Ивановичъ смѣется.

— Ну, гдѣ тамъ двугривенный, хоть-бы гривенникъ остался и то ладно. Вѣдь самъ знаешь, шерсть-то какъ нынче дорога стала. Возьми хоть «кислую»: ломятъ по 8 рублей, да хоть-бы гривну уступили! А къ «поярку» и «лѣтнинѣ» даже приступу нѣтъ.

— То-то вы поярку много въ сапоги кладете!

— Много-ли мало, а все полфунта надо положить. Глядь и стоитъ двугривенный, а то чего добраго и четвертакъ. А на одной «яловкѣ» да «стульной» далеко не уѣдешь. Да вѣдь и она, что пудъ, то пять да шесть рублей, вынь да выложи.

Ѳедоръ Ивановичъ тяжело вздыхаетъ и умолкаетъ. Замѣтно что ему хочется вызвать продавца на предложеніе шерсти, но тотъ пока его не дѣлаетъ. Помолчавъ немного, мастерокъ собирается уходить и какъ-бы невзначай и мимоходомъ дѣлаетъ вопросъ:

— А что, поди, нынче дорого продаешь коровину-то? Какъ ни какъ, а все-таки у стараго пріятеля надо-бы записать.

— Смотря по сорту, такая и цѣна. Если нужно шерсти, заходи посмотрѣть товаръ, а тамъ и цѣну скажу.

— Если недорого, то сотню-другую пудовъ пожалуй куплю. Есть-ли Фофановская партія?

-- Есть.

— Ну вотъ 100 черной и по полсотнѣ сѣрой и красной. Какая будетъ цѣна кругомъ за обѣ сотни?

— Посмотри сначала товаръ, а тамъ цѣна будетъ одинаковая, какъ и всѣмъ покупателямъ, если, конечно, запишешь пропорціонально каждаго сорта.

— Нѣтъ вы мнѣ дайте черной сотню, да тѣхъ двухъ сортовъ, сѣрой и красной, тоже сотню.

— Но ты самъ знаешь, что черный цвѣтъ дороже противъ сѣрой и красной, а ты хочешь ее больше, а красной меньше, то какъ-же не повысить цѣны?

— Эхъ, другъ милый, ты съ другихъ-то бери сколько хошь, а мнѣ возьми да и уступи. Безъ черной никакъ нельзя мнѣ обойтись. Всѣ спрашиваютъ чернаго сапога.

— Заходи завтра утромъ. Я пошлю съ тобой парня на пристань; тамъ ты и посмотришь весь товаръ въ наличности.

— Ладно. Ну, пока до пріятнаго свиданія.

На завтра рано утромъ Ѳедоръ Ивановичъ осматриваетъ шерсть, покатавъ изъ нея у себя на рукѣ мелкіе шарики, судя по которымъ опредѣляется качество «валки», и вечеромъ снова заявляется къ продавцу.

— Ну, шерсть я видѣлъ,— говоритъ онъ здороваясь,—она какъ будто ладная. Но я боюсь, пойдетъ-ли она въ дѣло-то хорошо? Нынче вѣдь заводчики-то стали ой-ой, что за люди! Годъ-другой, приготовляютъ шерсть, какъ слѣдуетъ, а тамъ, глядь, этотъ-же товаръ, а въ сапогѣ-то у тебя кажется другимъ. «Стиракъ» старается-старается, да и скажетъ: «ну, ужь нынче и коровина-же у тебя, никуда-то она не годится».

— Смотри, Ѳедоръ Ивановичъ, ужь ты самъ. Ты вѣдь сапожный мастеръ и долженъ знать качество шерсти лучше нашего.

— Э, какъ ни смотри, а все нѣтъ-нѣтъ да и купишь себѣ бѣду.

— Ручаться за это я ужь не могу. Товаръ ты видѣлъ, знаешь, и хочешь или не хочешь купить—на это твоя добрая воля.

— Воля-то воля, я это знаю. Сумлѣніе вотъ и беретъ, какъ-бы «сапога» не напортить. Ну, а какъ веревки-то на кипахъ? Чай, я думаю, скидка на нихъ будетъ?

— Нѣтъ, другъ, скидки не будетъ. Какъ куплена партія, такъ и продаю: веревки идутъ въ вѣсъ шерсти.

— Господи! Да вѣдь это что-же такое? Не говоря худаго слова, похоже на грабительство со стороны заводчиковъ. Да хоть-бы ве-

ревка-то была, какъ настоящая веревка, а то канатъ какой-то. Вѣсу въ немъ на кипу 10 ф. и идетъ за шерсть по 15 к. фунтъ, стало-быть, стоитъ цѣлыхъ полтора цѣлковыхъ. А продать его, такъ и гривенника не дадутъ. Что-же вы такимъ заводчикамъ въ зубы-то смотрите?

— А что съ ними можно сдѣлать? Они ставятъ условіемъ принимать канатъ-веревку за вѣсъ шерсти, да и баста. Хочешь—покупай, хочешь—нѣтъ. Поневолѣ и покупаешь, потому что сама шерсть, лучшая во всей Россіи.

— Бога они не боятся—вотъ что,—заключаетъ свое негодованіе Ѳедоръ Ивановичъ.

— Ну такъ какъ же,—продолжаетъ онъ,—послѣ нѣкотораго молчанія? Мнѣ надо сотню черной и по полсотнѣ сѣрой и красной—какая цѣна?

— 6 р. 50 к. за пудъ, срокъ платежа въ ярмаркѣ.

— Знаю я платежъ-то. Только цѣна высока: не подходитъ. Бери гладко по шести цѣлыхъ рублей.

— Не могу. Разсчета нѣтъ.

— Чего разсчета нѣтъ? Бери, записывай въ книгу, да и «вся недолга». Вотъ те и разсчетъ.

— Какъ старому покупателю гривенникъ развѣ скинуть? Стало-быть, цѣна будетъ «шесть сорокъ» (6 р. 40 к.).

— Ну, вотъ что: «шесть съ угломъ» и Господи благослови, записывай.

— Нельзя Ѳедоръ Ивановичъ.

— Эко нельзя, да нельзя. Возьми да запиши, вотъ тебѣ и будетъ льзя. Вона сколько годовъ я у тебя покупаю, посчитай-ка!

— Право, не могу взять цѣну 6 р. 25 к.

— Ахъ, какой-же ты упрямый, и ничего-то съ тобой не подѣлаешь! Дѣлать нечего, записывай ужъ и по «шести сорокъ» (6 р. 40 к.).

Сдѣлка кончается традиціоннымъ жестомъ «ударить по рукамъ» и записывается въ книгу, съ упоминаніемъ главныхъ основаній: какая шерсть, количество пудовъ, цѣна и срокъ уплаты. Этимъ все характерное и заканчивается. Остальная-же процедура—одно формальное выполненіе выговоренныхъ заранѣе условій.

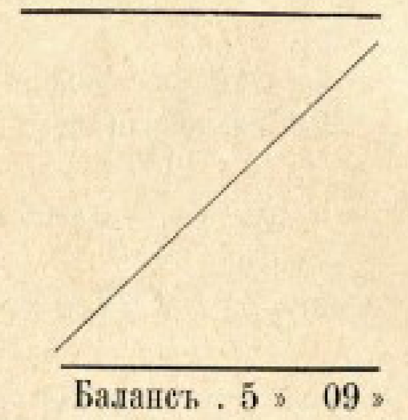
XXIV.

Процентъ и прибыль. Мое счетоводство.

«Прибыль» и процентъ, какъ понятія, повидимому, ясны для всѣхъ и каждаго, будь-то обыкновенный человѣкъ или записной экономистъ. А между тѣмъ, оба термина такъ растяжимы и эластичны, что даже выраженные цифрами не означаютъ точнаго понятія. Одинъ считаетъ прибыль, не присчитывая процентовъ за время затраченнаго капитала, и не относитъ на стоимость товаровъ неизбѣжной части торговыхъ расходовъ. Другой считаетъ прибыль отъ продажи товаровъ, хотя-бы въ длинный срокъ кредита, куда входятъ явно или тайно, проценты за время срока и за рискъ кредита. Третій, самъ купивъ товары въ срокъ и переплативъ въ цѣнѣ скрытые проценты, учитываетъ пользу по продажѣ товаровъ за наличныя деньги, когда вырученный капиталъ служитъ ему для другихъ дѣлъ до срока платежа неоплачиваемымъ орудіемъ.

Въ былыя времена, когда я самъ только что входилъ въ свою профессію торговца, мнѣ казалось также ясно, что, купивъ товаръ по 3 р. за пудъ и заплативъ потомъ транспортной конторѣ провоза 1 р. 50 к., товаръ мнѣ стоитъ ровно 4 р. 50 к., а если я продавалъ его по 5 р. то было пользы 50 к. съ пуда, или 11% съ капитала. Я не считалъ того, что деньги, мною затраченныя на покупку товара, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, стоили въ то время 6%, т.-е. цѣлыхъ 18 к. на пудъ, а стало-быть и польза должна быть на эту цифру меньше. Съ другой стороны, я не считалъ прибылью того, что транспортная контора ждетъ за мной провозную плату безъ процента отъ Нижегородской до Ирбитской ярмарки, что, выражая тѣми-же процентами за время, выходило суммой, равной 9 к. на пудъ. Сама прибыль должна была считаться не на стоимость товара и провозовъ, вмѣстѣ взятыхъ, т.-е. не на 4 р. 50 к., а только на 3 р. стоимости шерсти при покупкѣ.

Такимъ образомъ, сводя примѣръ къ современному бухгалтерскому выраженію, польза чистая на каждый пудъ товара выразилась-бы такъ:

Пудъ товара купленъ за 3 р. — к.	Проданъ товаръ за пудъ . . . . . . 5 р. — к.
% за 6 м. за деньги. . — » 18 »	% за отсроч. провозъ — » 9 »
Провозы . . . . 1 » 50 »	
Торгов. расх., смотря по колич. обор., 1—3%, а въ среднемъ 2%. — » 10 »	
Скидка на тару 2%. . — » 10 »	
Отвѣтств. усышка 1%. — » 5 »	
Чистая польза на капиталъ $5\frac{1}{3}$% . . } На оборотъ $3\frac{1}{5}$% . } = 0 » 16 »	
Балансъ. . . 5 » 09 »	Балансъ . 5 » 09 »

Величина учетнаго процента, выражаемая въ цифрахъ, даже неграмотному человѣку ясна; повидимому, также ясна она и всѣмъ, а пожалуй, даже болѣе, кажется, ясна, чѣмъ такъ называемая прибыль. Но возьмите любую величину учетнаго %, съ анализомъ практическаго приложенія къ дѣлу и вы увидите, какъ непохожи они не то, что существуетъ въ ходячемъ пониманіи. Вы условились съ богатымъ человѣкомъ взять у него денегъ 1000 р. срокомъ на годъ и даете вексель съ 10% роста. Кредиторъ, выдавая деньги, удерживаетъ себѣ 10% и вручаетъ вамъ вмѣсто 1000—только 900 р. Думаете-ли вы, что проценты, вами уплаченные, равняются 10%? Отнюдь нѣтъ. Вы за 900 р. наличныхъ денегъ, выданныхъ вамъ на руки, какими вы, въ теченіе года, можете пользоваться, уплатили 100 р. или $11\frac{1}{3}$%. Кредиторъ вашъ, выдавъ вамъ 900 р., а взявъ % за 1000, отдалъ деньги не за 10% роста, а за $11\frac{1}{3}$%, ибо удержанные 100 р. онъ также можетъ отдать кому-нибудь за такіе-же %, или пользоваться ими самъ, хотя услуга ихъ оплачена другимъ лицомъ за цѣлый годъ времени. При мелкихъ ежедневныхъ займахъ и кредитахъ, гдѣ % выражаются скалою 18—24% годовыхъ, цифры эти выростаютъ до 22 и $31\frac{1}{2}$%.

Даже въ крупныхъ дѣлахъ, какъ напримѣръ въ банковскомъ учетѣ векселей и въ ссудахъ подъ % бумаги, существуетъ такая-же система, выражаясь тою-же несправедливой выгодой для банковъ и банкировъ и тою-же несправедливой переплатой для кліентовъ, на столько въ меньшихъ дозахъ и пропорціяхъ къ рублю, на сколько

меньше учетные % и короче срокъ кредита. Банкъ или банкиръ, требуетъ *впередъ* %, увѣряя убѣжденно публику, что во всей Европѣ это принято за правило и чуть-ли не освящено экономической наукой. Но тотъ-же банкъ или банкиръ не заплатитъ вамъ на вкладъ впередъ %, а заплатитъ ихъ *по* минованіи срока; онъ не заплатитъ вамъ % даже за день вклада и за день возврата, но самъ возьметъ съ васъ % за тотъ день, въ который вы берете у него деньги, и за тотъ день, въ который вы ихъ возвращаете.

Изъ этого вытекаетъ очевидно, что обыватель, публика, кліенты, не сознаютъ еще, что дѣйствительная скала %, отнюдь не та, которая читается въ анонсахъ банковъ и банкировъ, а также и не та, что пишется въ закладныхъ по недвижимымъ имуществамъ, съ уплатою впередъ %, и уже совсѣмъ не та, что практикуется въ обыденномъ мелкомъ обиходѣ. Она всегда, на единицу рубль, въ однихъ случаяхъ меньше, въ другихъ больше, но всегда и всюду *выше* скалы %, изображаемой въ счетахъ и понимаемой въ ходячемъ обиходѣ жизни. Начинаясь въ пользу кредитора мелкими дробями въ крупныхъ суммахъ краткосрочнаго кредита, система эта, спрятанная въ терминѣ, замаскированная молчаливымъ соглашеніемъ заимодавцевъ, тѣмъ сильнѣе и замѣтнѣе ложится на мелкаго заемщика, поскольку меньше занятая сумма, длиннѣе срокъ кредита и выше самый размѣръ учетнаго %.

Живя въ Москвѣ и занимаясь текущими торговыми дѣлами моей профессіи, я въ то-же время присматривался и прислушивался ко многому, что лежало и внѣ моей прямой спеціальности. Порою заинтересовавшись чѣмъ-нибудь новымъ, я пробовалъ изучать его и практически начинать осуществлять. Бывали среди успѣховъ случаи грубыхъ ошибокъ и увлеченій, теперь уже миновавшихъ, но въ тѣ времена они требовали сильнаго напряженія энергіи, чтобы ликвидировать ихъ съ возможно меньшими потерями! Такъ, я разъ увлекся торговлею готовыми заграничными машинами и потомъ съ убыткомъ 30 т. р. едва могъ съ ними развязаться. Другой разъ я увлекся также кожевеннымъ заводомъ, арендовавъ его въ Смоленской губерніи на 5 лѣтъ и въ концѣ концовъ при ликвидаціи завода получилъ убытка около 35 т. р.

Разсматривая теперь хладнокровно эти былыя мои неудачныя дѣла и предпріятія, я вижу ясно, что ошибка была не въ томъ, что я начиналъ новое дѣло, которое всегда бывало правильно разсчитано и въ результатѣ должно было давать прибыль, а въ томъ довѣріи, какое было оказано мною людямъ руководившимъ этими дѣлами. Въ

одномъ случаѣ былъ нѣкто г. Л***, а въ другомъ С***,—оба въ своихъ цѣляхъ скрывшіе отъ меня запутанность ихъ матеріальнаго положенія, а потомъ воспользовавшіеся моими денежными средствами для своихъ интересовъ. Прямого захвата денегъ ими сдѣлано не было, но косвенно они вели предпріятія къ тому, чтобы выиграть только самимъ, несмотря на то, что это служило прямой причиной убытковъ для меня.

Это были наиболѣе крупныя неудачи въ моей торговой дѣятельности въ Москвѣ и какъ таковыя, наиболѣе рельефно отмѣтились въ моей памяти. Но то, что составляло фундаментъ и основаніе всего дѣла, были другіе надежные, испытанные товары, торговля которыми составляла мою постоянную спеціальность и давала мнѣ неуклонно вѣрную пользу. Къ числу особенно удачныхъ дѣлъ моей торговой практики я отношу коренную, давнюю торговлю шерстью, которая ежегодно приносила большіе барыши, а потомъ оптовую торговлю байховымъ и кирпичнымъ чаемъ. Въ большинствѣ случаевъ удачей отличалось также и участіе мое въ нѣкоторыхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ.

* * *

Занимаясь дѣлами и счетоводствомъ лично, я пріискивалъ средства, какъ-бы сократить письменную работу счетовода, не вредя ясности и вѣрности торговыхъ записей и баланса въ конторскихъ книгахъ. И мнѣ кажется, я достигъ этого, ведя торговыя книги по своей системѣ вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ съ полной точностью и успѣхомъ.

Во всѣхъ коммерческихъ конторахъ имѣются счетныя книги: главная, касса, товарная, разсчетная и т. д. Каждая статья въ подобной книгѣ, вновь вносимая, требуетъ записи сначала въ Кредитъ положимъ кассы, названія книги, въ которую сумма на Деб.тъ переносится. Допустимъ, что это книга «Разсчетная», въ которой записана подобная статья, съ названіемъ книги «Счетъ Кассы». Названіе каждой книги пишется въ красную строку, крупнымъ шрифтомъ и подчеркивается, занимая цѣлую линейку мѣста и требуетъ времени почти двѣ трети того, какое нужно для занесенія всей статьи. Я ввелъ у себя въ счетоводствѣ, вмѣсто названія книгъ, нумерацію ихъ латинскими цифрами, назвавъ: Главная I; Касса II; Разсчетная III и т. д. для всѣхъ 7-ми книгъ моей конторы. Для меня достаточно въ отдѣльной графѣ сбоку листа въ книгѣ «Касса», Кредитъ, проставить III/96 и я знаю, что статья

записана въ Дебетъ Разсчетной книги на листѣ 96-мъ. И наоборотъ. Если я возьму статью въ Разсчетной книгѣ Дебетъ л. 96, то найду такую-же помѣтку въ отдѣльной графѣ II/25 и я знаю, что статья перенесена со Счета Кассы Кредитъ листъ 25.

На 1-е число каждаго мѣсяца списываются въ тетрадь цифры сальдо всѣхъ статей конторскихъ книгъ и они должны быть въ Дебетѣ и Кредитѣ одинаковыми, взаимно балансирующимися. Если этого нѣтъ, то значитъ, гдѣ-нибудь вкралась ошибка въ цифрахъ, которая при повѣркѣ легко отыскивается и съ оговоркой исправляется. По истеченіи года изъ этихъ ежемѣсячныхъ подсчетовъ скоро и удобно составляется отчетъ и заносится, какъ результатъ годового оборота капитала и счета прибыли и убытковъ, въ Главную книгу. Главная книга у меня состоитъ изъ 4—5 десятковъ строчекъ текста, а потомъ наполняется цифрами ежемѣсячныхъ итоговъ, съ полнымъ и всегда вѣрнымъ результатомъ годичнаго отчета—баланса.

При этой системѣ счетоводства, я имѣю одного бухгалтера, который въ то-же время послѣ меня главный распорядитель по чайному товарному отдѣлу и корреспондентъ по всѣмъ моимъ дѣламъ. Наиболѣе крупныя цифры за годъ (1898) оборотовъ въ Главной книгѣ были у меня слѣдующія:

Касса . . .	(II)	2.220,730	р.	06 к.
Разсчетная .	(III)	3.772,693	»	60 »
Разные счета.	(IV)	880,730	»	35 »
Товарная . .	(V)	2.219,949	»	49 »
Кредиторы .	(VI)	921,131	»	27 »
Дебиторы . .	(VII)	1.124,474	»	86 »

Всѣхъ оборотовъ:

По главной книгѣ I въ Дебетѣ 12.528,721,65

» » въ Кредитѣ 12.528,721,65

Все мое счетоводство и текущая переписка, смѣю думать, находится на должной высотѣ и порядкѣ.

XXV.

Бѣдные классы и косвенные налоги.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ, я много путешествовалъ, посѣщая нѣкоторыя окраины Россіи, какъ напримѣръ Финляндію, Крымъ, Сѣверный Кавказъ, Закавказье. Я не одинъ разъ бывалъ въ Германіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, а также бывалъ въ Англіи, Испаніи, Португаліи, Швеціи и Норвегіи. Разъ даже совершилъ путешествіе въ Палестину и Египетъ. Всѣ эти путешествія, каждое само по себѣ взятое, оставили на мнѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ впечатлѣній, такъ или иначе вліявшихъ на складъ моего душевнаго строя. Теперь мнѣ уже 63 года отъ роду и повидимому пора подводить итогъ моей жизни. Въ настоящую минуту, я обезпеченный матеріально человѣкъ, для котораго въ этомъ отношеніи нѣтъ страха за ближайшее будущее. Но пока достигъ я этого, какой тернистый путь былъ мною пройденъ,—читатель видѣлъ изъ предъидущаго разсказа. Сколько было потрачено труда, силъ и энергіи, чтобы, шагъ за шагомъ пройти житейскую дорогу, иногда спотыкаясь и падая, а потомъ вставая, и вновь преслѣдуя намѣченную цѣль,—объ этомъ я вспоминаю съ гордостью въ умѣ и горечью въ душѣ. Сколько бывало тяжелыхъ думъ, полныхъ отчаянія положеній, когда казалось, что старое гибнетъ, а дорога впереди тяжела и загадочна; но, слава Богу, всѣ подобные періоды пройдены, пережиты и думаю, что нѣтъ причинъ, чтобы судьба заставила меня переживать ихъ вновь.

Оглядываясь назадъ, на тотъ раннiй періодъ времени, когда мой трудъ цѣлаго года былъ запроданъ Рѣшетниковымъ за 50 рублей, и сравнивая съ настоящимъ положеніемъ, я вижу поразительный контрастъ, не говоря уже о всемъ другомъ, даже въ одномъ моемъ матеріальномъ положеніи. Сопоставляя цифры денегъ, выводъ вытекаетъ, что *теперь* тысяча рублей должна бы казаться одинаковой цифрой противъ одного *тогдашняго* рубля, потому что *тогда*

одинъ рубль имѣлъ для меня относительно даже большее значеніе, чѣмъ тысяча рублей *теперь*. А между тѣмъ, этотъ рубль, какъ-бы онъ въ то время большимъ ни казался, все-таки легче отдавался за книгу или жертвовался другому, чѣмъ тысяча рублей расходуется на подобныя надобности теперь. Въ чемъ-же тутъ причина, что вмѣстѣ съ ростомъ матеріальнаго состоянія, въ одинаковой пропорціи не растетъ и внутреннее сознаніе, что для меня величина одного тогдашняго рубля равна по меньшей мѣрѣ одной тысячѣ рублей теперешнихъ? Казалось-бы, что съ одинаковой внутренней потребностью я долженъ былъ отдавать другому, какъ *тогда* одинъ рубль, такъ и *теперь* тысячу рублей, а между тѣмъ, степень этой потребности наклоняется всегда въ сторону уменьшенія тысячи рубей. Въ минуты внутренняго анализа своихъ стремленій спрашиваешь себя объ этомъ и не находишь точнаго отвѣта.

Значитъ-ли это, что человѣкъ, чѣмъ становится богаче, тѣмъ, въ его глазахъ, всѣ матеріальныя отношенія, принимаютъ болѣе и болѣе не тѣ положенія, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ? Значитъ-ли это, что его взгляды, выводы и сужденія о всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, гдѣ играетъ руководящую роль величина рубля,—должны принимать также невѣрную окраску? Повидимому, такъ именно все и обстоитъ на самомъ дѣлѣ на этомъ бѣломъ свѣтѣ. Для богатаго и богатѣющаго человѣка съ каждымъ днемъ, если можно выразиться, «истина рубля» отодвигается все дальше и дальше, и пониманіе экономическихъ отношеній, существующихъ на основѣ этого рубля, для него становится все труднѣе. Не потому-ли и всѣ государственные налоги, въ какой-бы формѣ они ни существовали, носятъ на себѣ неизмѣнную печать несправедливой пропорціи, — отягощенія бѣднаго и послабленія богатому—потому что созданы они людьми имущими, фатально наклоняющими «мѣрку» въ свою сторону? Въ былыя времена существовалъ сперва налогъ «на душу», не различая, насколько она способна къ труду и добыванію денегъ; потомъ налогъ «на дворъ» безъ вниманія къ тому, сколько обитаетъ въ немъ дѣйствительныхъ работниковъ; наконецъ сдѣланъ налогъ «на промыселъ» съ градаціей величины обложенія отъ 1 до 30-ти, что какъ будто-бы отвѣчаетъ требованію справедливости; но это только кажется, а на самомъ дѣлѣ далеко не такъ. Вѣдь ремесленникъ, добывающій въ годъ чистаго дохода 200 р. и платящій за промысловое свидѣтельство 20 р., платитъ государственнаго налога изъ своего заработка 10%; фабрикантъ, или торговецъ крупнаго разряда, наживающій прибыли 100 т. рублей въ годъ и платящій промысловаго

и раскладочнаго налога 2000 р.,—платитъ въ сущности только 2, но отнюдь не 10%. На всѣхъ стадіяхъ нашего промышленнаго развитія, какъ прошлыхъ, такъ и настоящей, красной нитью проходитъ тенденція раскладывать бремя налоговъ, преимущественно на рубль находящійся въ карманѣ бѣднаго, противъ рубля находящагося въ карманѣ богатаго. Наши косвенныя обложенія на предметы даже насущной потребности, какъ напримѣръ: сахаръ, чай, спички, желѣзо и проч., разительнымъ образомъ подтверждаютъ сказанное мною и все больше и тяжелѣе ложатся на бѣдняка, поскольку онъ бѣднѣе и поскольку каждый рубль достается ему труднѣе, противъ всякаго другаго, его конкурента. Человѣкъ, имѣющій наличное состояніе—поденный заработокъ въ количествѣ нѣсколькихъ гривенъ и копеекъ—и человѣкъ, имѣющій капитала тысячу рублей, не говоря уже о тѣхъ, которые имѣютъ милліоны, одинаково платятъ пошлину за чай 80 к. и акцизъ за сахаръ $4\frac{1}{2}$ копейки за фунтъ. Чтобы дать почувствовать богатому человѣку дѣйствительную тяжесть косвеннаго налога наравнѣ съ бѣднымъ, надо-бы заставить его заплатить косвенный налогъ во столько разъ умноженный, во сколько разъ онъ самъ богаче бѣдняка. Поденьщикъ, имѣя капитала только рубль, покупаетъ $\frac{1}{32}$ фунта чая и платитъ пошлины $2\frac{1}{2}$ копейки, т.-е. одну сороковую своего наличнаго денежнаго состоянія. Тотъ, кто имѣетъ капитала 100 р., долженъ-бы платить—2 р. 50 к.; имѣющій 1000 р.—25 р., а имѣющій милліонъ—25,000 р. Согласитесь, что это невозможно, но вѣдь это было-бы только справедливо и ничего больше. Какъ-бы богатый человѣкъ тогда возроптал, какой-бы онъ протестъ поднялъ противъ существующей системы косвенныхъ налоговъ! Теперь-же онъ, довольный, хранитъ молчаніе, платя, положимъ, въ 5 разъ больше бѣдняка—за чай, за сахаръ, за спички, но имѣя капитала въ 100, 1000, въ 100 тыс. и болѣе разъ. Богатыхъ—мало, бѣдныхъ — много и послѣдніе въ общей массѣ потребятъ продуктовъ, обложенныхъ пошлиной и акцизомъ такъ много, что заплатятъ косвенныхъ налоговъ десятки милліоновъ и тѣмъ покроютъ дефицитъ, который-бы иначе должны покрыть богатые классы сами. Все это имущими людьми ясно или смутно, но понимается достаточно и, быть можетъ, потому только со стороны ихъ и не замѣчается протеста противъ косвенныхъ налоговъ, въ основѣ своей всегда отяготительныхъ и глубоко несправедливыхъ для всего бѣднѣйшаго потребительнаго класса.

Если порою жестокіе люди и выражаютъ мнѣніе, что косвенный налогъ, не есть обязательный налогъ, ибо можно не платить его, не

потребляя только обложенныхъ такимъ налогомъ продуктовъ и товаровъ. Не потреблять продукты, во избѣжаніе платы косвенныхъ налоговъ! Да развѣ можно, предлагая это, сохранять христіанскую религію и хоть немного «добрыхъ отношеній» человѣка къ человѣку? Сказать голодному «не ѣшь», жаждущему «не пей», полуодѣтому «не одѣвайся», — пожалуй, и можно, но у кого-же при этомъ не дрогнетъ совѣсть отъ такихъ жестокихъ пожеланій?

Не говоря о томъ, что система косвенныхъ налоговъ на предметы первой потребности, падающихъ всею своею тяжестью, главнымъ образомъ, на бѣдные классы, есть тяжелая несправедливость и, какъ таковая, должна быть уничтожена, она, кромѣ вреда въ настоящемъ, несетъ съ собою еще большій вредъ для будущаго, усиленно обѣдняя бѣднаго и обогащая богатаго, т.-е. углубляя ровъ, раздѣляющій эти классы, и усиленно устраняя съ арены людей средняго достатка, составляющихъ звено между бѣдными и богатыми. Мы, люди имущіе, обязанные, кромѣ заповѣди, преподанной намъ Спасителемъ міра, помогать бѣднымъ, поступаемъ какъ разъ наоборотъ и не возвышаемъ голоса противъ существующей системы, помогающей богатому и забывающей бѣднаго. Пора намъ прислушаться къ голосу нашей совѣсти и сказать во всеуслышаніе корпоративно, что всѣ налоги должны быть несены людьми имущими и что налогомъ прямымъ и косвеннымъ долженъ быть обложенъ не бѣднякъ и его насущныя потребности, а *капиталъ, крупный промыселъ и роскошь*. Вѣдь, беря налогъ съ продуктовъ и товаровъ, потребляемыхъ бѣднѣйшими классами, этимъ самымъ устанавливается налогъ на заработокъ, а не на капиталъ, котораго у нихъ нѣтъ и который даже въ инертномъ состояніи приноситъ доходъ его владѣльцу, зарабатываемый той-же массой трудящихся классовъ. У бѣдняка нѣтъ такого времени, когда-бы онъ могъ сказать себѣ: я отдохну, ибо насущныя потребности мои обезпечены запасомъ денегъ. У богатаго человѣка подобное условіе всегда въ его распоряженіи и онъ выработалъ даже особыя классовыя болѣзни—скуку, прожиганіе жизни, которыхъ бѣдный классъ не имѣетъ и даже знаетъ о нихъ только по наслышкѣ.

Облагать налогомъ прямымъ или такъ называемымъ косвеннымъ надобно не бѣдняка, достающаго средства къ жизни продажей своего труда другому, а человѣка, имѣющаго въ запасѣ капиталъ и орудующаго имъ по его личному усмотрѣнію. Налогъ на капиталъ или скорѣе, налогъ на доходъ отъ капитала, совсѣмъ иная статья, чѣмъ косвенный налогъ на предметы ежедневнаго потребленія. Возьмите

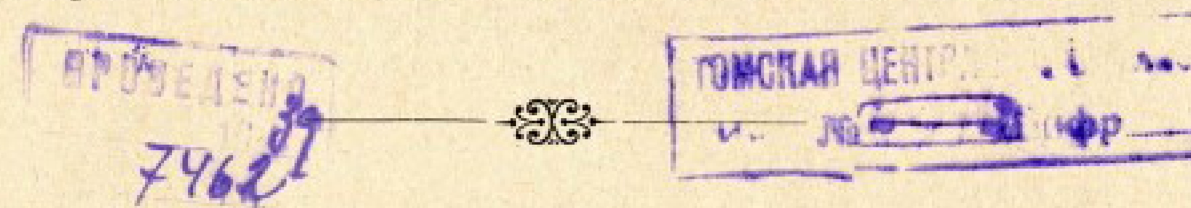
схему средняго дохода съ капитала въ 5% и, обложивъ доходъ 10 % налога, вы будете имѣть ежегоднаго дохода съ имущихъ классовъ въ Россіи 300 милліоновъ р., если оцѣните всѣ капиталы въ 60 милліардовъ. Оцѣнивъ ихъ даже вдвое меньше, чѣмъ такая сумма, и тогда вы будете имѣть налогъ съ имущихъ классовъ въ 150 милліоновъ, вполнѣ достаточный для того, чтобы замѣнить косвенный налогъ на главные предметы ежедневнаго потребленія— на чай, сахаръ, спички, чугунъ, желѣзо, грубыя ткани и проч. Тогда эти сотни милліоновъ р. уплатятъ имущіе классы, а бѣдняки сберегутъ ихъ у себя, какъ средство для улучшенія пищи, одежды и жилища, а отсюда улучшенія здоровья и вообще поднятія благосостоянія.

Дѣлая налогъ на доходъ съ капитала въ 10%, или на капиталъ въ ½%, что въ конечномъ результатѣ выходитъ одно и то же, вы не трогаете самаго капитала, а только облагаете ростъ его. Наоборотъ, учреждая косвенный налогъ на предметы первой потребности, вы устанавливаете непомѣрный налогъ на заработокъ трудящихся классовъ, лишая ихъ возможности—лучше ѣсть, теплѣе одѣваться, и удобнѣе устраивать свое жилище, ибо косвенный налогъ есть *не полпроцента* съ поденнаго заработка, а превышаетъ иногда въ 5—6 разъ всю стоимость самаго продукта (чай) и въ 2 раза стоимость такого товара, какъ, напримѣръ, желѣзо.

* * *

На этомъ заканчиваются замѣтки Николая Мартемьяновича. Между послѣдней, сдѣланной имъ помѣткой и его смертью прошло не болѣе шести мѣсяцевъ. Болѣзнь, которую онъ чувствовалъ уже давно и на которую мало обращалъ вниманія—ракъ кишекъ—начала усиливаться и серьезно его безпокоить. По совѣту врачей онъ отправился въ Берлинъ и тамъ, выдержавъ благополучно операцію, скончался отъ неожиданно послѣдовавшаго ухудшенія.

Напутствованный нашимъ берлинскимъ протоіереемъ А. Мальцовымъ, Н. М-чъ умеръ въ полномъ сознаніи, сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія. Тѣло его было перевезено родными въ дер. Кулакову и предано землѣ въ сооруженномъ имъ роскошномъ храмѣ, который былъ освященъ въ самый день похоронъ его строителя.

Вышла изъ печати и разослана подписчикамъ ***ПЕРВАЯ*** *(январская 1902 года) книжка иллюстрированнаго дѣтскаго ежемѣсячника*

Мірокъ

СОДЕРЖАНІЕ: О томъ, какъ маленькіе большихъ научили. *Епископа Антонія Уфимскаго* (съ рис. худож. *М. Волкова*). Русскимъ дѣтямъ. Стих. *Н. М. Соколова.* Родина. Стих. въ прозѣ *Н. Н. Аксакова.* Дядька. Стих. *А. Н. Мещерскаго.* Наши прогулки съ Колей, I. У памятника Минина и Пожарскаго (съ фототипіей) *С. Ѳ. Шарапова.* Катино горе (съ рис. худож. *В. М. Васнецова.*) *З. Ш.*

Подписка на 1902 годъ открыта.

За 12 книжекъ въ годъ съ дост. и пер. **одинъ** руб. Можно марками, но только 2 копеечными. Налож. платежемъ **1** руб. **20** коп. Подписка въ книжныхъ магазинахъ **1** руб. **10** коп. *Иногородніе* адресуются исключительно въ *Контору редакціи «Мірка», у Стараго Пимена, домъ Викторсонъ, въ Москвѣ.*

Ред.-Издательница **Зинаида Шарапова.**

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія **въ Москвѣ,** у Стараго Пимена (Тверская) д. Викторсонъ, у издателя С. Ѳ. Шарапова. Книгопродавцамъ обычная скидка.